

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Редакции</i>	7
Проблема в фокусе: Кафедра музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета — 20 лет	
<i>Пиотровский М.Б.</i> Учеба и наука в музейном пространстве (20 лет спустя)	9
<i>Бирюкова М.В.</i> Научные мероприятия Кафедры музейного дела и охраны памятников в контексте образовательного процесса в Санкт-Петербургском государственном университете	17
<i>Никонова А.А., Любезников О.А.</i> Междисциплинарная практика как основа профессиональной подготовки музейного специалиста: Опыт Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ	31
<i>Клещевников Я.А.</i> Архитектурный ансамбль Ленинградского университета в годы блокады	39
Музей	
<i>Никонова А.А.</i> Выставочный проект — история в архивных документах	50
<i>Михайлова А.А.</i> Культурное наследие Кавказа в экспозиционно-выставочной деятельности Эрмитажа 1880-х–1920-х гг.	67
<i>Падерина Е.В.</i> Влияние наследия М. Фуко на теоретическую музеологию	80
Памятник	
<i>Харченко Д.И.</i> К истории музеефикации Петропавловской крепости (1920-е — середина 1930-х гг.)	92
<i>Туркин А.И.</i> Открытка из семейного архива как комплексный носитель информации о прошлом	110
Наследие	
<i>Светлова Е.А.</i> В.К. Макаров и идея создания музея Петровской эпохи в Петергофе	120
<i>Романов Н.А., Двойникова П.А.</i> Военские захоронения Санкт-Петербурга как культурное наследие: К вопросу о государственном учете	131
Дискуссия	
<i>Головин Р.Е., Дворко А.В., Шупер О.О.</i> Кураторские дебаты: Эксперимент vs алгоритм музейного проектирования	141
Критика и библиография	
<i>Ананьев В.Г.</i> [Рец. на кн.:] Балаш А.Н. Неформальная музеология: музей и музейные практики в современной культуре. СПб.: СПбГИК, 2022. 160 с. ISBN 978–5–94708–339–2	153

Редакционная коллегия:

Пиотровский Михаил Борисович, действительный член РАН,
действительный член РАН (председатель);
Никонова Антонина Александровна, канд. филос. н., доцент (заместитель председателя).

Члены Редакционной коллегии:

Беззубова Ольга Владимировна, канд. филос. н., доцент;
Бирюкова Марина Валерьевна, д-р культурологии, доцент;
Гнедовский Михаил Борисович, канд. ист. н.;
Маковецкий Евгений Анатольевич, д-р филос. н., доцент.

Секретариат Редакционной коллегии:

Ананьев Виталий Геннадьевич, д-р культурологии;
Любезников Олег Анатольевич, канд. ист. н.

E-mail: mmh-journal@mail.ru
www.museumstudy.ru/mmh-journal

*Мнение авторов может не совпадать
с мнением членов редакционной коллегии и международного редакционного совета.*

Международный редакционный совет журнала:

Александр Михайлович Шолохов, канд. биол. наук, президент Российского комитета
Международного совета музеев (ИКОМ России) (2016–2022) (председатель);
Барбара Киршенблат-Гимблет, Ph.D., почетный профессор Нью-Йоркского университета,
почетный доктор Университета Хайфы, главный куратор экспозиции
и советник директора Музея истории польских евреев (Польша);
Дарко Бабич, Ph.D., доцент, руководитель направления музеологии и наследия,
Университет Загреба, советник при Президиуме Международного комитета по подготовке
персонала (ИКТОП) Международного совета музеев (ИКОМ) (Хорватия);
Кирилл Евгеньевич Рыбак, д-р культурологии, Советник Министра культуры РФ (Россия);
Кристина Крепе, Ph.D., профессор, руководитель программы музейных исследований
и исследований в области наследия, директор Музея антропологии, Денверский университет (США);
Леонтина Мейер-ван Менш, директор Этнографических коллекций Саксонии,
член исполнительного совета Международного совета музеев (ИКОМ) (Германия);
Татьяна Павловна Калугина, д-р филос. н., зав. отделом переводов для изданий,
Государственный Русский музей (Россия);
Франсуа Мерессе, Ph.D., профессор, университет Новая Сорбонна—Париж 3,
президент Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ)
Международного совета музеев (ИКОМ) (2013–2019) (Франция).

Подписано в печать: 24.04.2024 г.

Формат: 70 × 100/16

Усл. печ. л.: 12,67

В оформлении обложки использована работа профессора Л. Цилаги (L. Tsilaga)
© Обложка, Волкова А., Войтекунас В., Tsilaga L., 2018
© Коллектив авторов, 2023

TABLE OF CONTENTS

<i>Introductory Remarks</i>	7
A Problem in Focus:	
To the 20th Anniversary of the Department of Museum Work and Protection of Monuments at the Saint-Petersburg State University	
<i>Piotrovsky M.B.</i> Study and Science in the Museum Space (20 Years Later)	9
<i>Biryukova M.V.</i> Scientific Events of the Department of Museum Work and Protection of Monuments in the Context of the Educational Process at the SPSU	17
<i>Nikonova A.A., Lyubeznikov O.A.</i> Interdisciplinary Practice as the Basis of Professional Training of Museum Specialists: Experience of the Department of Museum Work and Protection of Monuments of SPbSU	31
<i>Kleshchevnikov Y.A.</i> The Architectural Ensemble of Leningrad University during the Years of the Siege: Preservation, Use, Restoration	39
Museum	
<i>Nikonova A.A.</i> The Exhibition Project—History in the Archived Documents	50
<i>Mikhailova A.A.</i> The Cultural Heritage of the Caucasus in the Exhibition Activity of the Hermitage Museum in 1880s–1920s	67
<i>Paderina E.V.</i> The Influence of M. Foucault's Legacy on Theoretical Museology	80
Monument	
<i>Kharchenko D.I.</i> To the History of Museumification of the Peter and Paul Fortress (1920s–mid–1930s)	92
<i>Turkin A.I.</i> Postcard from the Family's Archive as a Comprehensive Carrier of Information about the Past	110
Heritage	
<i>Svetlova E.A., V.K. Makarov</i> and the Idea of Creating a Museum of the Peter the Great Era in Peterhof	120
<i>Romanov N.A., Dvoynikova P.A.</i> Military Graves of St. Petersburg as Cultural Heritage: On the Issue of State Accounting	131
Discussion	
<i>Golovin R.E., Dvorko A.V., Shuper O.O.</i> Curatorial Debate: Experiment vs Algorithm of Museum Design	141
Reviews	
<i>Ananiev V.G.</i> [Review of:] Balash A.N. Informal Museology: Museum and Museum Practices in the Contemporary Culture. Saint-Petersburg: SPbGIK Press, 2022. 160 p. ISBN 978–5–94708–339–2	153

Editorial Board:

Piotrovsky Mikhail Borisovitch, Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Full Member of the Russian Academy of Arts (Chairman);
Nikonova Antonina Alexandrovna, Candidate of Science in Philosophy,
Associate Professor (Vice Chairman).

Members of the Editorial Board:

Bezzubova Olga Vladimirovna, Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor
Biryukova Marina Valerievna, Doctor of Cultural Studies;
Gnedovsky Mikhail Borisovitch, Candidate of Science in History;
Makovetsky Evgeny Anantolievitch, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Secretary:

Ananiev Vitaly Gennadievitch, Doctor of Cultural Studies;
Lyubeznikov Oleg Anatolievitch, Candidate of Science in History.

E-mail: mmh-journal@mail.ru
www.museumstudy.ru/mmh-journal

International Board of Journal:

Alexander Mikhailovitch Sholokhov, Ph.D. in Biology, President of Russian National Committee
of the International Council of Museums (ICOM) (2016-2022) (chairman);
Barbara Kirshenblatt-Gimblett, Ph.D., Distinguished Professor of New York University,
Doctor Honoris Causa of University of Haifa, Chief Curator of the POLIN Museum
of the History of Polish Jews core exhibition (Poland—USA);
Christina Kreps, Ph.D., Professor, Director of Museum and Heritage Studies,
Director of Museum of Anthropology, University of Denver (USA);
Darko Babic, Ph.D., Assistant Professor, Head of Museology and Heritage Management,
Zagreb University (Croatia), Advisor to the Board of ICOM-ICTOP;
François Mairesse, Ph.D., Professor, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3 (France),
President of ICOM-ICOFOM (2013–2019);
Kirill Evgenievitch Rybak, Doctor of Cultural Studies, Advisor to Minister of Culture
of Russian Federation (Russia);
Léontine Meijer-van Mensch, Director of the State Ethnographical Collections of Saxony,
(Germany), Member of Executive Board of ICOM;
Tatiana Pavlovna Kalugina, Doctor of Philosophy, Head of Department of Translations,
the State Russian Museum (Russia).

**КАФЕДРА
МУЗЕЙНОГО ДЕЛА
И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ**

**Кафедра создана
в 2004 году
по инициативе декана
Философского факультета
Солонина Ю.Н.**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый читателю номер журнала «Музей. Памятник. Наследие» посвящен 20-летию кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, возникшей на Философском факультете по инициативе его декана Юрия Никифоровича Солонина в 2004 году как совместный проект с Государственным Эрмитажем. С 2004 года кафедру возглавляет профессор, академик РАН, доктор исторических наук, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский.

За двадцать лет плодотворной деятельности кафедры сложился профессиональный коллектив преподавателей и выработана уникальная практико-ориентированная методика подготовки будущих музейных специалистов. С первых шагов обучения студенты попадают в дискуссионное научно-исследовательское поле, цель которого максимально приблизить студентов к проблематике будущей деятельности путем интенсивной интеграции в учебный процесс опыта музейных специалистов и современных информационно-визуальных технологий. Одновременно научно-исследовательский потенциал Института философии СПбГУ позволяет использовать для подготовки бакалавров и магистров музеологии широкий спектр гуманитарных дисциплин: социальную философию, теорию и историю культуры, этику и эстетику. Философско-культурологический подход в образовании соответствует современным социально-политическим приоритетам России в сохранении объектов культуры.

Юбилей кафедры определил содержание номера — авторами всех статей выступили студенты, выпускники, преподаватели кафедры, работавшие и работающие в продолжение этих 20 лет. Темы статей стали актуальные вопросы музеологии, истории музейного дела, экспозиционно-выставочной деятельности музеев, музейного кураторства, а также проблемы практико-ориентированного музееведческого образования. Номер, не подводя итоги работы кафедры, но отражая круг научных интересов преподавателей, выпускников, счастливо нашедших себя в музейной сфере, и студентов, затрагивает основные направления современных музееведческих штудий и потому, хочется надеяться, будет интересен широкому кругу читателей.

**ПРОБЛЕМА В ФОКУСЕ:
КАФЕДРЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА — 20 ЛЕТ**

Пиотровский М.Б.

УЧЕБА И НАУКА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(20 ЛЕТ СПУСТЯ)

Пиотровский, Михаил Борисович — доктор исторических наук, заведующий Кафедрой музейного дела и охраны памятников Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор СПбГУ, академик РАН и РАХ, Президент Союза музеев России, Генеральный директор Государственного Эрмитажа, Россия, Санкт-Петербург, m.piotrovskiy@spbu.ru.

Статья посвящена научной и образовательной деятельности Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ, результаты которой нашли отражение в содержании сборников конференций, справочных и учебных изданиях, монографиях преподавателей Кафедры. В фокусе исследования научного коллектива Кафедры за 20 лет её существования находились актуальные проблемы современного музееведения, философии музея, презентации современного и классического искусства в музее, взаимодействия музея и церкви в деле сохранения религиозно-культурных ценностей, актуализации культурного наследия, и многие другие.

Ключевые слова: музей, университет, образовательная деятельность, труды Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ.

STUDY AND SCIENCE IN THE MUSEUM SPACE
(20 YEARS LATER)

Piotrovsky, Mikhail Borisovich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences and the Academy of Arts, President of the Union of Museums of Russia, General Director of the State Hermitage Museum, Russian Federation, Saint-Petersburg, m.piotrovskiy@spbu.ru.

The article is devoted to the scientific and educational activities of the Department of Museum Work and Protection of Monuments, the Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University, the results of which are reflected in the contents of conference collections, reference and educational publications, monographs of the teachers of the Department. During the 20 years of its existence, the research team of the Department focused on topical issues of modern museology, the philosophy of museum, presentation of modern and classical art in the museum, interaction of the museum and the church in the preservation of religious and cultural values, actualization of cultural heritage, and many others.

Key words: museum, university, education, scientific publications of the Department of museum work and protection of monuments of the Institute of Philosophy, the Saint Petersburg State University.

Наша Кафедра возникла 20 лет назад по инициативе декана Философского факультета СПбГУ Юрия Никифоровича Солонина, который упорно возвращал философию титул «царицы наук», объемлющей все гуманитарные и не гуманитарные дисциплины. Поначалу я отказывался возглавить новую кафедру, сомневаясь в уместности музеологии на Философском факультете, да и в реальности существования отдельной науки о музейном деле. Я оказался не прав и активно участвовал в этом посрамлении собственных сомнений. Именно наша Кафедра, вместе с другими подобными институциями, в значительной мере сформировала структуру и актуальные задачи музейного дела в момент, когда его выделение из прочих дисциплин стало реальностью и потребностью общественного развития России, и не только.

Пребывание Кафедры в пространстве философии определило навсегда главное направление ее исследовательской и образовательной работы — философия музея как культурного феномена, как системообразующего института памяти. Оно воплощено уже в сотнях статей и докладов, сборников, книг и учебных пособий, в частности, «Философия музея»¹.

Символом российской музейной философии является, конечно же, знаменитый трактат Н. Федорова, сразу сделавший нашу музейную традицию уникальной. К идеям Федорова отсылает название одного из первых сборников работ Кафедры — «Собор лиц»².

За ним последовали серии конференций и семинаров, перерастающих потом в сборники. Их названия хорошо отражают направления и стиль размышлений преподавателей и студентов о судьбах музейного дела: «В поисках музейного образа» (2007); «Право на культурное наследие» (2011); «Институты памяти в меняющемся мире» (2013); «Рубежи памяти» (2015); «Гигиена культуры. Феномен одиночества» (2014); «Музей и церковь» (2014); «Музей без коллекции — оксюморон или инновация?» (2018); «Музей между Историей и памятью» (2019); «Культурное наследие: между аффектом и смыслом» (2019); «Музей и память: антропологические аспекты репрезентации» (2020); «Будущее музея: музей в визуальной культуре» (2021); «Стратегии и тактики музейного выживания: обобщения опыта пандемии» (2022); «Архив-музей-библиотека» (2023)³.

Философские основы музейного дела и дискуссии о них особенно важны сегодня, когда идет жестокая полемика по вопросу общественной роли музеев⁴. Она отразилась

¹ Философия музея: учеб. пособие / Под ред. М.Б. Пиотровского. М., 2013.

² Никонова А.А., Пиотровский М.Б. (ред.). Собор лиц: Сборник статей. СПб., 2007.

³ Маковецкий Е.А. (ред.). Право на культурное наследие: Труды Международной научной конференции. СПб., 2011; Никонова А.А. (ред.). В поисках музейного образа. Сборник по материалам научной конференции. СПб., 2007; Никонова А.А., Бирюкова М.В. (ред.). Институты памяти в меняющемся мире: сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2013; Никонова А.А. (ред.). Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России. Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2014; Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В. (ред.). Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры: Коллективная монография. СПб., 2014; Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры: Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2015; Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности: Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2015.

⁴ Аманьев В.Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. М., 2018.

в острых дискуссиях о новом определении понятия музей в ИКОМ. Достигнутый компромисс между функциями «храма», «Диснейлэнда» и «майдана» — только передышка в большом процессе интеллектуальных сражений на тему «деколонизации», решительно изменивших спокойный мир музейной культуры. Музей, как европейское изобретение и детище Века Просвещения (который для многих сегодня — век колониализма), попадет в эпицентр смерча «культуры отмены» как место, хранящее чужое культурное наследие, часто не для музея созданное. Философские вопросы сливаются тут с практическими, и сразу начинает особо звучать одно из важных направлений наших исследований и практики — вопрос о взаимоотношениях музея и церкви. Церковь, как и музей, является институтом памяти и важнейшим фактором воспитания. Церковь сегодня в России является главным критиком музеев и субъектом реституционных требований. Существующий конфликт интересов решается как спокойной дискуссией, так и практикой совместного использования и изучения памятников церковной культуры. Важнейший инструмент успокоения ситуации — развитие церковно-музейных институций, церковных музеев, древлехранилищ. Общим вопросам и также практической помощи, вплоть до студенческой практики, посвящена важная часть активности Кафедры, нашедшая выражение в учебных курсах, конференциях и монографиях⁵. Конкретная история церкви в общеисторическом контексте показывает, в частности, как музейное собирательство и музейное хранение спасали памятники церковного искусства — одни от большевиков, другие от продажи за границу, третьи от преследований времен Николая Первого. Изучение и знание всего комплекса фактов и решений в истории отношений церкви и светской культуры помогают принимать в этой сфере грамотные цивилизованные решения, что крайне важно для сохранения социального мира. Некоторые из добрых рецептов рождены на нашей Кафедре.

За 20 лет Кафедра выпустила множество студентов-специалистов в области гуманитарных наук с хорошими знаниями и навыками организации музейного дела и охраны памятников. Они успешно работают в музеях и культурных учреждениях от Эрмитажа до Географического общества. Регулярно читают лекции на Кафедре специалисты из музеев и культурных институций Петербурга. Студенты проходят практику в музеях и археологических экспедициях в России и за рубежом. С Кафедрой активно сотрудничают многие музеи Петербурга, в частности, Центральный музей связи имени А.С. Попова, Российский этнографический музей, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Важным средством общения с миром является сайт, созданный Кафедрой — «Российское музееведение»⁶, а главным инструментом этого стал уже хорошо зарекомендовавший себя журнал «Музей. Памятник. Наследие», в котором и публикуется эта серия статей, посвященных нашему 20-летию.

Уникальной особенностью Кафедры является ее родовая связь с Эрмитажем. Основатель и бессменный заведующий на протяжении 20 лет — генеральный директор Эрмитажа. В «Эрмитаже-Старая Деревня» есть специальная аудитория музейных технологий для Кафедры, в залах «Старой Деревни», инновационном корпусе открытого хранения, проходят Дни Кафедры и Дни студента. С некоторых пор часть курсов объединены с занятиями кафедры музеологии Института истории СПбГУ. Специальные программы связывают

⁵ Цветаева М.Н. Христианский взгляд на русское искусство. От иконы до авангарда. СПб., 2012; Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017.

⁶ Сайт «Российское музееведение». URL: <https://museumstudy.ru/> (Дата обращения: 01.03.2024).

Кафедру с Арменией. Вместе с Матенадараном, «святилищем-хранилищем» древних рукописей Армении, была осуществлена крайне важная программа о «рубежах памяти» и травмах геноцида и блокады, актуальная и по-разному решаемая в России и Армении. Проблема «Экологии культуры» разрабатывалась совместно с коллегами из Будапешта. В период же пандемии активизировалась форма гибридных семинаров с удаленным участием зарубежных ученых. Популярной темой сегодня и в России, и за рубежом стала роль музея в сохранении исторической памяти, способов ее сбережения в музеях, а также в ее интерпретации и в манипуляции с ней. Вопрос о соотношении диалогов культур и войн памяти в музейном пространстве вышел сегодня в острую политическую плоскость, оставаясь при этом глубинной проблемой музейной метафизики и физики.

Музейное преподавание тесно увязано с исследовательской работой и научными дискуссиями. На них построена система учебных курсов Кафедры, среди которых можно не без гордости отметить следующие: «Теоретические основы музееведения», «История музейного дела в России», «Технологический прогресс и информационные технологии в музейном деле», «Системы охраны и безопасности музеев», а также магистерскую программу «Визуальные технологии в музее».

Работа Кафедры сочетает ориентацию на традиционные музейные проблемы и дисциплины с учетом и даже ответом на современные вызовы, рожденные обострением отношений между суверенными культурами и суверенными государствами и с диалектикой необходимого при этом диалога культур.

Острыми проблемами сегодняшнего музейного дня является мировая тенденция включать музеи в поле «культуры отмены». Пафос и демагогия «неоколониационного» дискурса призывают отменить или разорить музеи, являющиеся «хранителями краденого», собиранием вещей, «не для музеев созданных» и т.д. На самом деле, это — серьезнейший культурологический спор, ибо суть музеев, действительно, в создании нового контекста для своих экспонатов и через это — сохранение и формирование исторической памяти. Музеи являются местом и участником споров о культурных влияниях, воспринимаемых сегодня как апроприация, присвоение с оттенком хищения, как искаженное и незаконное использование чужого культурного наследия, материального или нематериального. Музей становится участником выходящих далеко за пределы искусства споров об атрибуциях как произведений, так и авторов. Преувеличение внимания ко всем деталям места происхождения художника или художественного произведения приводит к скандалам вокруг определений «китайский», «русский», «арабский», «армянский», «украинский», «польский» и нарушают академическую стилистику музейного описания. Постколониальные «фантомные боли», гипертрофированность идеи и практики защиты интеллектуальных прав и финансовая вздутость художественного рынка обостряют проблему реституции. Музеи могут и должны найти решение проблемы, способной свести на нет музейное собирательство и музейные обмены. Наконец, музеи, ставшие сегодня модными местами для посещения, должны сами определить формы и характер своей вовлеченности в общественную жизнь, чтобы быть целителями ран, а не возбудителями невротоз.

Все эти вопросы являются частью спокойного университетского исследовательско-образовательного дискурса. В частности, в следующем важном направлении работы — изучении места и роли современного искусства в традиционном и не традиционном музее⁷. Ключом для понимания проблемы выбраны современные технологии и медийные

⁷ *Пиотровский М.Б. (ред.). Современное искусство и музей: комментарии. СПб., 2008; Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В., Кудрявцева С.В., Карлова А.И. Проблемы оценки современного*

способы построения экспозиции как темы преподавания и практики — наглядный пример того, как традиция встречается с современностью. Эти темы также нашли свое воплощение в серии конференций, курсов и публикаций, в частности обобщающих, таких как «Лексикон современного искусства»⁸ и «Философия кураторства»⁹.

Научные разработки применяются как в формировании программ и преподавании, так и в практических проектах. Большой успех имело создание туристской программы «Музейного квартала», объединившей в единый и убедительный по содержательной линии туристский маршрут музеи и памятные места между Исаакиевским собором и Почтамтом с включением Государственного музея истории религии, Центрального музея связи имени А.С. Попова и их исторических зданий с богатой биографией. Это была прекрасная тренировка для студентов и важное добавление к схеме активного освоения городского культурного пространства. Другой важной и для преподавания и для нужд города инициативой Кафедры стало участие студентов и преподавателей в кафедральной программе «Блокадный архипелаг» — форме взаимодействия с Музеем обороны и блокады Ленинграда и со всей сферой военно-исторической памяти города. Последнее снова вводит в круг изучения и практики сюжет о действиях и жизни музеев в условиях военных действий, традиционно живой в Ленинграде-Петербурге.

Большое значение для науки и практики стала серия работ и конференций по истории музейного дела в Петербурге-Ленинграде. Дискуссии и эксперименты первой половины XX века получили наконец достойное их внимание исследователей и стали участниками сегодняшних очередных размышлений о месте музея в культуре и обществе¹⁰. В научный и общественный обиход были введены документальные материалы о ходе мероприятий и дискуссий вокруг реформирования музейной практики и науки после победы Революции. Уникальное сочетание консервативной академической музейной базы, энтузиазма пришедших из сферы политики реформаторов и готовности музейных работников экспериментировать и спорить сделало опыт нашего города интересным и поучительным не только для России. Это видно и на исследованиях общего характера развития музееведения вне России, что тоже вошло в сферу как обучения, так и анализа на Кафедре.

Принципиально важной стороной работы Кафедры является участие в Архивных съездах, ибо общество иногда забывает о том, что архивная природа музея является не менее, а точнее, более важной, чем его функция демонстрации хранимого и изучаемого. Взаимодействие с параллельной кафедрой Исторического факультета (Института истории) породило и гибридный, как сейчас модно, эксперимент объединения ряда курсов и функций при сохранении характерных особенностей философской и исторической музеелогии. Сама попытка их сравнения и сопоставления является важным опытом углубленного внимания к глубинным смыслам музейного дела и охраны культурного наследия. Эта вторая часть нашей специализации приобретает с каждым днем все большее научное и практическое значение. В этой сфере крайне нужны специалисты, сочетающие в себе широкие гуманитарные знания, навыки музейной практики реставрации и учета

искусства в контексте музея. Коллективная монография. СПб., 2010; *Пиотровский М.Б. (ред.)*. Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры.

⁸ Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В., Кудрявцева С.В. Лексикон современного искусства, СПб., 2010.

⁹ Бирюкова М.В. Философия кураторства. СПб., 2018.

¹⁰ *Пиотровский М.Б.* Мосты культуры. СПб., 2019.

с владением юридическими нормами и способами их толкования. Тут есть, чем заняться Кафедре.

В целом, двадцать лет увлекательной и увлеченной работы показали правильность принятого некогда решения. Кафедра музейного дела и охраны памятников, партнерский проект СПбГУ и Государственного Эрмитажа, нашла свою правильную и достойную нишу в многоугольном музейном пространстве и доказала свою состоятельность, полезность и высокую репутацию.

Это стало возможным, благодаря отличной атмосфере доброжелательного взаимодействия, которое отличает несколько поколений преподавателей, а также и студентов Кафедры, у которой впереди большие дела; ибо роль музеев и музейных проблем в обществе становится все более важной для людей в России и во всем мире.

Список литературы

Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. Москва: Памятники исторической мысли, 2018. 392 с.

Бирюкова М.В. Философия кураторства. СПб: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб: ЛЕМА, 2017. 68 с.

Маковецкий Е.А. (ред.). Право на культурное наследие: Труды Международной научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 237 с.

Никонова А.А. (ред.). В поисках музейного образа. Сборник по материалам научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 379 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В., Кудрявцева С.В. Лексикон современного искусства, СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 275 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В. (ред.) Институты памяти в меняющемся мире: сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 367 с.

Никонова А.А. (ред.). Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России. Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 334 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В. (ред.). Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры: Коллективная монография. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 223 с.

Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры: Сборник трудов международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. 373 с.

Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности: Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. 382 с.

Пиотровский М.Б. Мосты культуры. СПб: СПбГУП, 2019. 792 с.

Философия музея: учеб. пособие / Под ред. М.Б. Пиотровского. М.: ИФРА-М, 2013. 192 с.

Цветаева М.Н. Христианский взгляд на русское искусство. От иконы до авангарда. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. 302 с.

References

Anan'ev V.G. *Istoriya zarubezhnoj muzeologii: idei, lyudi, instituty* [The history of foreign museology: ideas, people, institutions]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2018. 392 p. (in Rus.).

Biryukova M.V. *Filosofiya kuratorstva* [Philosophy of Curating]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2018. 336 p. (in Rus.).

Lyubeznikov O.A. *Isaakievskij sobor v 1917–1920-e gg. Arhitektory M.T. Preobrazhenskij, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov i problema muzeifikacii pamjatnika* [St. Isaac's Cathedral in 1917–1920s. Architects M.T. Preobrazhensky, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov and the problem of museumification of the monument]. St. Petersburg: LEMA, 2017. 68 p. (in Rus.).

Makoveczkij, E.A. (Ed.). *Pravo na kul'turnoe nasledie: Trudy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The right to cultural heritage: Proceedings of the International Scientific Conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. 237 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A. (Ed.). *V poiskax muzejnogo obraza. Sbornik po materialam nauchnoj konferencii* [In search of a museum image. Collection of materials of the scientific conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 379 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V., Lyashko, A.V., Kudryavceva, S.V., Karlova, A.I. *Problemy` ocenki sovremennogo iskusstva v kontekste muzeya. Kollektivnaya monografiya* [Problems of evaluating contemporary art in the context of a museum. A collective monograph]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010. 184 p. (in Rus.).

Nikonova A.A., Biryukova M., V., Lyashko A.V., Kudryavceva S.V. *Leksikon sovremennogo iskusstva* [Lexicon of contemporary art]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2010. 275 s. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V. (Eds.) *Instituty` pamyati v menyayushhemsya mire: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Institutes of memory in a changing world: a collection of articles based on the materials of an international scientific conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013. 367 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A. (Ed.). *Rubezhi pamyati: sud'by` kul'turnogo naslediya v Armenii i Rossii. Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of Memory: the fate of cultural heritage in Armenia and Russia. Collection of articles based on the materials of the international scientific conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2014. 334 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V., Lyashko, A.V. (Eds.). *Fenomen odinochestva. Aktual'ny'e voprosy` gigieny` kul'tury` : Kollektivnaya monografiya* [The phenomenon of loneliness. Topical issues of cultural hygiene: A collective monograph]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2014. 223 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Sovremennoe iskusstvo i muzej: kommentarii* [Contemporary Art and the Museum: comments]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. 187 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Rubezhi pamyati: muzej i nasledie sovremennoj kul'tury` : Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of Memory: Museum and Heritage of Modern Culture : Proceedings of the International Scientific Conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2015. 373 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Rubezhi pamyati: gruz proshlogo na vesax sovremennosti : Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of memory: the weight

of the past on the scales of modernity : A collection of articles based on the materials of an international scientific conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2015. 382 p. (in Rus.).

Piotrovskij M.B. *Mosty` kul'tury`* [Briges of Culture]. St. Petersburg: SPbGUP, 2019. 792 s. (in Rus.).

Piotrovskij M.B. (Ed.) *Filosofija muzeja: ucheb. posobie* [Museum Philosophy: Study Guide]. Moscow: IFRA-M, 2013. 192 p. (in Rus.).

Czvetava M.N. *Xristianskij vzglyad na russkoe iskusstvo. Ot ikony` do avangarda* [The Christian view at Russian art. From the icon to Avant-Garde]. St. Petersburg: Russkaya xristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2012. 302 s. (in Rus.).

Бирюкова М.В.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАФЕДРЫ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА И ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Бирюкова, Марина Валерьевна— доктор культурологии, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, m.birjukova@spbu.ru.

В статье рассматриваются научные мероприятия кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ, посвященные различным проблемам музейного дела, охраны культурного наследия, теоретической музеологии, проблемам культурной памяти, оценке современного искусства в контексте музея, выставочной и образовательной деятельности музея. Последний аспект наиболее тесно смыкается с непосредственной деятельностью кафедры, поскольку ее связь с музеем позволяет насыщать учебные курсы актуальным музейным контентом. Проблематика научных обсуждений и презентации исследовательских материалов на мероприятиях кафедры рассматривается в их связи с содержанием лекционных курсов для бакалавров и магистрантов СПбГУ.

Ключевые слова: музей, университет, образовательная деятельность, конференции кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ.

SCIENTIFIC EVENTS OF THE DEPARTMENT OF MUSEUM WORK
AND PROTECTION OF MONUMENTS IN THE CONTEXT
OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE SPSU

Biryukova, Marina Valerievna—Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, m.birjukova@spbu.ru.

The article discusses the scientific activities of the Department of Museum Work and Protection of Monuments of the Saint Petersburg State University, dedicated to various problems of museum management, protection of cultural heritage, theoretical museology, problems of cultural memory, evaluation of contemporary art in the context of the museum, exhibition and educational activities of the museum. The latter aspect is most closely connected with the direct activities of the department, since its link with the museum allows to saturate training courses with relevant museum content. The problems of scientific discussions and presentation of research materials at the department's events are considered in their connection with the content of lecture courses for bachelors and masters of the Saint Petersburg State University.

Key words: museum, university, education, conferences of the Department of museum work and protection of monuments of the Institute of Philosophy, the Saint Petersburg State University.

Образовательный потенциал научных событий (конференций, семинаров, круглых столов), организованных кафедрой музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета с момента ее основания, заключается не только в значительном отклике, который эти мероприятия находили у слушателей, но и в том развитии, которое темы и материалы дискуссий получали в содержании учебных курсов преподавателей Кафедры.

С 2004 года, когда начала свою деятельность Кафедра музейного дела и охраны памятников СПбГУ, сотрудники Кафедры активно участвовали в круглых столах и конференциях как в России, так и за рубежом, но наибольший образовательный импакт, безусловно, имели научные мероприятия, которые были организованы непосредственно Кафедрой.

Учитывая активное участие студентов, магистрантов, аспирантов СПбГУ в качестве участников или слушателей научных мероприятий Кафедры, теоретический и эмпирический контент конференций становился объектом плодотворных дискуссий и оценок обучающихся. Многие конференции с выступлением маститых ученых сопровождались проведением молодежных круглых столов, где студенты могли представить результаты своих исследований.

Заведующий кафедрой М.Б. Пиотровский и преподаватели кафедры, состав которых менялся на протяжении двадцати лет, входили в программные комитеты конференций и являлись их организаторами и участниками. Среди них В.Г. Ананьев, Л.Н. Бакаютова, М.В. Бирюкова, М.А. Веншиков, А.С. Дриккер, О.М. Иоаннисян, Л.В. Королькова, С.В. Кудрявцева, О.А. Любезников, А.В. Ляшко, Е.А. Маковецкий, Л.В. Никифорова, А.А. Никонова, Е.Г. Соколов, К.В. Сурикова, М.Н. Цветаева, А.Л. Ялова.

Среди самых заметных научных мероприятий ранних лет существования Кафедры следует отметить серию конференций, посвященных проблемам памяти и сохранения наследия.

В контексте аналитики механизмов памяти, как личной, так и исторической, культурной, её отражения в музейной деятельности можно отметить международную конференцию «Образ и понятие в художественном музее» 2007 года, по материалам которой был издан сборник статей «В поисках музейного образа»¹. Аналогичным темам были посвящены конференции «Право на культурное наследие»² и «Институты памяти в меняющемся мире»³ 2011 года.

В 2012 году, в рамках Дней петербургской философии СПбГУ Кафедрой, совместно с Центральным музеем связи имени А.С. Попова и Ассоциацией «За венгерско-российское сотрудничество им. Л.Н. Толстого», был организован круглый стол «Культурное наследие как образовательный ресурс», темы для обсуждения на котором касались таких проблем, как способы передачи культурного и социального опыта, роли личности и культурного наследия, интерпретации культурного наследия в образовательных программах и анализ образовательного ресурса культурного наследия как фактора устойчивого развития общества. В следующем, 2013 году в рамках ДПФ эти темы нашли продолжение, с акцентом на философские аспекты наследия и творчества, в круглом столе «Философия культурного наследия: музеефикация творчества». Участники круглого стола констатировали, что современная цивилизация столкнулась в настоящее время с кризисом культуры, вызвавшим необходимость изменения философской парадигмы. Обзор всемирного культурного наследия свидетельствует о наличии в разных культурах элементов, которые могут войти в состав философии познания и философии творчества,

¹ Никонова А.А. (ред.). В поисках музейного образа. Сборник по материалам научной конференции. СПб., 2007.

² Маковецкий Е.А. (ред.). Право на культурное наследие: Труды Международной научной конференции. СПб., 2011.

³ Никонова А.А., Бирюкова М.В. (ред.). Институты памяти в меняющемся мире: сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2013.

а не только философии выживания. Сравнительный анализ парадигм философствования Запада и Востока позволяет выделить их особенности и эволюционные перспективы российской цивилизации. В связи с этим были затронуты темы осознания своей культуры как самоценности, определения новой аксиологической парадигмы познания на принципе актуализации достижений предшествующих поколений, возвращения к исконным ценностям культуры, созидания новых общезначимых идей, интегрирующих мировое сообщество, что соответствует глубинным особенностям русской ментальности, возрождения институтов памяти как ресурса для творческого созидания современной культуры. Аналогичные вопросы были подняты на конференциях, организованных в 2013–2015 гг. совместно с коллегами из музеев и образовательных учреждений Еревана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 13–03–00449): «Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России», «Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры», «Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности»⁴.

Несколько международных конференций, посвященных проблеме «экологии культуры», было проведено совместно с венгерскими коллегами из Университета им. Корвинуса, Будапешт, Дебреценского университета и Ассоциации «За венгерско-российское сотрудничество им. Л.Н. Толстого» в Будапеште, в частности, конференция 2013 года «Гигиена культуры: актуальные вопросы. Феномен одиночества»⁵ состоялась в Петербурге. Организаторами выступили Кафедра музейного дела и охраны памятников СПбГУ, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский институт экономики, культуры и делового администрирования, Ассоциация «За венгерско-российское сотрудничество» им. Л.Н. Толстого и Научно-исследовательский музей Российской академии художеств. Проблема одиночества на этом научном форуме была рассмотрена как один из симптомов состояния современной социальной реальности и культуры. Формированию и распространению одиночества способствуют процессы информатизации, изменение картины мира, отчуждение, трансформация идентичности человека под влиянием новых средств коммуникации, дефицит межличностных связей, их стабильности и хаотизация социального пространства. Противоречия между личностной и социальной системой формируют несоизмеримости в культуре, способствующие отчуждению человека от человека и человека от культурного наследия, традиции. Под предлогом распространения глобальных технологий визуальной культуры осуществляется отторжение человека от духовной традиции и культурных ценностей. В этой ситуации, резюмировали участники конференции, особенно важным представляется определение изучение симптомов одиночества в культуре и нахождение возможных духовных практик для «лечения болезни» современной культуры. Конференция продолжила цикл научных форумов 2012 года (Москва–Будапешт), носивших междисциплинарный характер и посвященных проблеме гигиены культуры в гуманистическом смысле этого понятия. Если первая конференция, состоявшаяся в Москве в 2012 г., была посвящена определению терминов, связанных

⁴ Никонова А.А. (ред.). Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России. Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2014; Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры: Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2015; Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности: Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб., 2015.

⁵ Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В. (ред.). Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры: Коллективная монография. СПб., 2014.

с проблематикой гигиены культуры, и постановке общих проблем, а вторая, проведенная в Будапеште в октябре 2012 г., была посвящена рассмотрению наиболее актуальных вопросов культуры в контексте заявленной проблематики, то конференция в Петербурге оказалась нацелена на раскрытие одного из аспектов современной культурной ситуации — феномена одиночества. Ценностные приоритеты, выдвигаемые в контексте гигиены культуры — гуманизм, нравственность, связь с традицией etc., обострили данную проблему. Тем не менее, большинство докладчиков подчеркивали неизбежную амбивалентность одиночества в культуре, невозможность однозначной оценки этого феномена. Одиночество может быть и стимулом для полноценного творчества, но также и способствовать отчуждению и непониманию в современной креативной среде. Теоретические аспекты проблемы были рассмотрены в докладах И. Мадьяри-Бека (Университет им. Корвинуса, Будапешт): «Измерение номер “N”». Незаконченный нарратив о простоте и сложности», доцента кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ А.А. Никоновой: «Анамнез одиночества», Ольги Сюч (Колледж им. Томори Пал, Будапешт): «Теоретические и практические аспекты феномена одиночества в контексте гигиены культуры». Среди намеченных аспектов дискуссии были: культурное отчуждение: проблема «человека мира», коммуникация как причина одиночества и способ выхода из него, тема одиночества в русской литературе, экзистенциальное одиночество и защитные механизмы культуры, гармония с одиночеством, формы отчуждения (экзистенциальное, ситуативное, социальное, коммуникативное, моральное), культура и практики уединения, одиночество в профессии, гений и уединение.

Результаты обсуждений на вышеперечисленных конференциях были учтены при модернизации учебных курсов «Актуальные проблемы восприятия музейного предмета», «Современные зарубежные исследования в музеологии», «Теория экспозиции», «Проблемы иконографии», «Экспозиционные методы исторических и мемориальных музеев», «Научно-исследовательская работа» (магистратура, направление подготовки «Визуальные технологии в музее»), «Экскурсионная работа», «История музейного дела в России», «Музеефикация объектов культурного наследия», «Музейный дизайн», «Архитектура музея», «Негосударственные музеи и вопросы коллекционирования» (бакалавриат, направление подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»).

С 2008 года при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект 08–04–00370а) Кафедрой были организованы круглые столы и семинары, посвященные осмыслению современного искусства в контексте музея, материалы которых нашли отражение в сборнике статей «Современное искусство и музей: комментарии»⁶, коллективной монографии «Проблемы оценки современного искусства в контексте музея»⁷, а также дополнили содержание учебных курсов «Музеи современного искусства», «Современный выставочный процесс и кураторские проекты» (магистратура, направление подготовки «Визуальные технологии в музее»), «Современная выставочная деятельность», «Репрезентация культуры и искусства XX века в выставочной деятельности» (бакалавриат, направление подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»).

Акцент на образовательной функции музея был обозначен на всероссийской научно-практической конференции 2014 года «Университет и музей: моделирование профессиональных компетенций», в числе организаторов которой, помимо кафедры, были

⁶ *Пиотровский М.Б. (ред.). Современное искусство и музей: комментарии.* СПб., 2008.

⁷ *Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В., Кудрявцева С.В., Карлова А.И. Проблемы оценки современного искусства в контексте музея. Коллективная монография.* СПб., 2010.

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Российский этнографический музей, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Московский государственный университет культуры и искусств. Конференция проходила в рамках Дней философии в Петербурге и была посвящена 250-летию Государственного Эрмитажа и 10-летию Кафедры музейного дела и охраны памятников. Основным итогом конференции стала констатация того, что университет сегодня отражает приоритеты образовательной и культурной политики государства, влияет на формирование мировоззрения и национальной самоидентификации граждан России. В то же время озабоченность мирового интеллектуального сообщества состоянием дел в современном образовании, осознание необходимости его глубокого реформирования в условиях информационного общества обуславливают интенсивный поиск новых форм и стратегий в подготовке специалистов. Одним из основных направлений развития высшей школы в XXI веке может стать восстановление гуманистических ценностей и идеалов образовательного процесса. Роль гуманитарной составляющей в образовании, которая должна осуществляться комплексно в диалоге с музеями, становится исключительной. За последние 15 лет (на момент проведения конференции) в столичных и региональных университетах России открылись новые кафедры музейного дела. Совместное научно-исследовательское и образовательное сотрудничество университетов и музеев способствует развитию профессиональных компетенций будущих специалистов. Поэтому необходимо дать разностороннюю оценку современному музееведческому образованию в России, исследовать накопленный в этой сфере опыт различных образовательных структур, проанализировать формы взаимодействия, проблемы и перспективы сотрудничества Университета и Музея в подготовке музейных сотрудников.

В 2015 году в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге совместно с Государственным Эрмитажем, Санкт-Петербургским государственным институтом культуры и Центральным музеем связи имени А.С. Попова Кафедра провела всероссийскую конференцию «Петербургское музееведение в философской рефлексии». Музееведение в России как научная дисциплина формировалось на протяжении двух последних веков. В этом процессе немаловажную роль сыграли исследования петербургских ученых и, в частности, философов. Философская рефлексия музейной деятельности раскрыла мировоззренческий потенциал музея и его роль в формировании исторической самоидентификации человека. В то же время в истории музеев Петербурга отразились все основные тенденции становления национального самосознания в русской культуре, особенности государственной политики и идеологии. Однако история петербургского музееведения является малоизученной темой, требующей дальнейшего историко-философского анализа. На конференции предлагалось обсудить основные направления теоретических исследований в музееведении в XX–XXI вв., традиции российского музееведения в Петербурге, историю музееведческих центров Петербурга, исследования петербургских философов и гуманитариев о музее, источниковедческие проблемы истории музееведения Петербурга, периодизацию музееведения в Петербурге.

В 2016 году Кафедра организовала международную научно-практическую конференцию «Музейная экспозиция во времени и пространстве культуры» в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем, Центральным музеем связи имени А.С. Попова, Ассоциацией «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Толстого» (Будапешт), Берлинским университетом искусств. На конференции обсуждалась многогранная проблема музейной экспозиции в её связи с актуальными процессами современной культуры

и различные аспекты теории и практики экспозиционно-выставочной деятельности. Гуманитарное знание рассматривает музейную экспозицию как коммуникативное, социально-антропологическое, феноменологическое пространство — особую предметную среду, в которой реализуется передача культурного опыта, ценностных представлений. Целью конференции стала попытка проанализировать современные методы создания музейной экспозиции как «исторической модели мира» и как способа «видения» реальности. Для продвижения по этому пути требуется интеграция знаний музейных профессионалов. Среди направлений научной дискуссии были «Музейное пространство и музейная экспозиция», «Современные тенденции развития музейной экспозиции», «Новые технологии в экспозиционной деятельности», «Способы интерпретации музейной экспозиции», «Музейная экспозиция как дискурс власти».

В 2017 году состоялась международная научная конференция «Философия музея: феноменология и аналитика музейного бума». В числе организаторов, помимо Кафедры, были Государственный Эрмитаж, Центральный музей связи имени А.С. Попова, Ассоциация «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Толстого». На конференции была рассмотрена проблема «музейного бума», начавшегося после Второй мировой войны в США и охватившего сегодня весь мир. Прогрессивное увеличение количества музеев и их многообразия, лавинообразный рост числа посетителей, устойчивый дрейф музея в русло «служения обществу», современные течения музеологии могут быть осмыслены только в общем культурном контексте XX–XXI веков: мощных процессов демократизации и технологизации. Как отображается глобальная демократизация культуры в музейном мире, что несет всеобщая музеефикация в информационном обществе, как сказывается включение музея в индустрию досуга? Каковы важнейшие следствия очевидной трансформации музея, плюсы, минусы, перспективы? Как отвечает на серьезные вызовы актуальная теория — музеология? Для поиска ответов на эти серьезнейшие вопросы, констатировали участники форума, необходимо объединение усилий музейных профессионалов, музеологов, культурологов, философов, социологов и психологов. Среди тем на конференции особо обсуждаемыми стали «Музейный бум как феномен демократической культуры», «Новая музеология: теоретическая база музейной трансформации», «Музей в актуальной информационной среде», «Музей-храм в массовом демократическом обществе», «Музей в индустрии досуга», «Феноменология музея», «Музей как социальное пространство и символическая ценность», «Музейная эвристика».

В 2019 году Кафедра, Государственный Эрмитаж, Центральный музей связи имени А.С. Попова, Ассоциация «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Толстого» (Будапешт) провели научно-практический круглый стол «Философия музея: метаморфозы коммуникации». Очевидно, что пост-классическая парадигма существенно усложнила ситуацию музея, отвергнув краеугольный камень самого музейного проекта в его нововременном варианте — субъект-объектное разделение. Чем же все-таки является музей: субъективным конструктом или объективным документом реальности и как его понимание в качестве одного или другого влияет на основные направления музейной деятельности? Что более важно — знания или суждения, история или память, размышления или эмоции? Где грань допустимой субъективности в осуществлении таких направлений музейной работы, как управление коллекциями, атрибуция, реставрация и коммуникация? Каким именно образом осуществляется коммуникация предлагаемых музеем нарративов и что именно она собой представляет: простую передачу или сложный процесс перекодирования? Данный ряд вопросов и проблем входил в сферу обсуждения

музейных профессионалов, философов, культурологов, музеологов на круглом столе, где были заявлены следующие темы для научной дискуссии: «Объективность и субъективность в музейном пространстве», «Экономика знаний vs экономика ощущений в музее», «Современная коммуникационная среда и музей», «Посетитель музея между коммуникацией и медиацией», «Музейная педагогика: ее основания и формы в современном мире и исторической перспективе», «Реставрация vs реконструкция», «Теоретические аспекты музейной коммуникации». Также в рамках этого научно-практического круглого стола был проведен молодежный круглый стол «Культурное наследие: между аффектом и смыслом», в котором приняли активное участие студенты кафедры.

В 2020 году Кафедра, Государственный Эрмитаж, Дом ученых им. М. Горького РАН и Ассоциация «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Толстого» объявили о проведении в Санкт-Петербурге научно-практического круглого стола «Будущее музея: коллекционирование и ча(е)стный музей». Одним из направлений размышления о будущем музея стала в рамках этого мероприятия рефлексия по поводу новых форм, которые музей приобретает в современной культуре. Всегда ли они — объективный ответ на запрос культуры, или же — всего лишь мода? Не ведет ли изменение формы к изменению самой сути феномена? Как эволюция формы детерминирована историческим контекстом? Идеальным предметом для такой рефлексии является частный музей. Популярность частных музеев в современной культуре не вызывает сомнений. Но каковы их социальные функции? Где грань, отделяющая частный музей от частной коллекции, открытой для публики? Возможна ли в нем объективность, являющаяся одной из определяющих черт классического музея? На круглом столе были рассмотрены следующие темы: «Музейная коллекция vs частная коллекция: сущностное сходство или синонимия?», «Собирательская деятельность и коллекционирование: стратегии и методы», «Частный музей в исторической ретроспективе», «Частный музей в культурной среде региона: роли и сценарии», «Феномен коллекционирования как предмет культурологической рефлексии», «Образ собирателя: отечественная традиция и зарубежный опыт», «Частный музей: объективность, субъективность и документирование реальности», «Типология негосударственных музеев: новые формы в новое время», «Музейный фонд: взаимодействие частного и государственного», «Виды и формы деятельности частного музея: между традицией, новацией и профанацией?».

В 2021 году в программе Санкт-Петербургского международного культурного форума Кафедра представила круглый стол «Музейная этика как проблема исследования и применения: перспективы и вызовы». Музейная этика является основой профессиональной реализации музейных функций и базой для деятельности всякого музейного института. Вместе с тем, как часть профессиональной этики, она испытывает влияние не только внутрисекторальных изменений, но и общекультурных трансформаций. И отнюдь не всегда между этими импульсами существует гармоничное единство. Зачастую они вступают в прямое противоречие. Метаморфозы этического кода, переживаемые современной эпохой, не могут не влиять на все направления деятельности музея: от собирательской до экспозиционно-выставочной работы. Выступающие рассмотрели потенциал этического кода для совершенствования музейных практик, связанные с этим ограничения, влияние музея на перемены в обществе. В числе тем для обсуждения были включены такие вопросы, как «Аксиология музея: эволюция или регресс?», «Этика куратора, этика зрителя, этика критика», «Современное искусство «вне эстетики», но не «вне этики»? Позиция музея», «Этические аспекты отбора выставочного контента».

Круглый стол был призван стимулировать размышления в этом направлении и способствовать рефлексии как самим профессиональным сообществом, так и более широкому публичному обсуждению современного положения этического вектора музейной работы.

Также в 2021 году Кафедрой и Государственным Эрмитажем был проведен научно-практический круглый стол «Будущее музея: музей в визуальной культуре», где была рассмотрена связь музея и визуальной культуры, которая, на первый взгляд, представляется очевидной. Вместе с тем, культурная ситуация современности демонстрирует наличие на этой поверхности «складок» как воплощений сложных форм взаимодействий и взаимовлияний, которыми музей и визуальная культура обмениваются. Начало XXI века ознаменовано переломом в общем понимании культуры и назначении ее институтов, поэтому трансформационные процессы внутри теории и практики музейной работы являются неизбежным следствием этой динамики. В сегодняшней ситуации потока событий и манифестации процессуальности, когда актуальны не объекты и предметы мира, а связи между ними, перед музеем стоит непростая задача — находить формы и способы останавливать эти мгновения и, определяя их место и роль в картине мира, размещать внутри себя. Мишель Фуко говорил, что «изображение должно выйти из рамы», демонстрируя смену культурной парадигмы. Участники обсудили, должен ли современный музей также «выйти из музея», переродиться для того, чтобы отвечать состоянию реальности, или в условиях конца репрезентации и всеобщей десакрализации культурного наследия, музей может остаться точкой отчёта, паузой и остановкой внутри потока означающих. Или, возможно, мы стоим на пороге рождения новых форм сохранения и заботы культуры о себе, форм, лишенных противостояния и борьбы за право истины.

В 2022 году в рамках Международной научной конференции СПбГУ «Цивилизационные коды России (к столетию “Философского парохода”)⁸» состоялось организованное Кафедрой музейного дела и охраны памятников заседание секции «Цивилизационный код между триумфом и трагедией: наследие культуроведения XX в. в современной перспективе». В работе секции приняли участие 9 докладчиков, в числе которых преподаватели кафедры В.Г. Ананьев («К биографии В.А. Таубера»), М.В. Бирюкова («Ревизия оценки искусства русского авангарда в контексте музейной деятельности на примере наследия П. Филонова»), О.А. Любезников («Архитекторы-выпускники Академии художеств 1917 года в Советской России и эмиграции: поиск форм сохранения национального зодчества»), А.А. Никонова («Вклад русских ученых начала XX в. в изучение культурогенеза в контексте развития современной цивилизации»). Сообщения вызвали интерес и уточняющие вопросы, а также развёрнутое обсуждение слушателей.

В том же 2022 году Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Кафедра музейного дела и охраны памятников провели научно-практическую конференцию «Личность и наука в пространстве музея: образ, память, факт». Плодотворное сотрудничество Кафедры и Кунсткамеры продолжилось и в 2023 году — 11 октября в рамках проводимого Санкт-Петербургским государственным университетом III Архивного съезда в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН состоялось заседание организованной силами преподавателей Кафедры и сотрудников музея секции «Архивный документ как источник по истории музейного дела». С докладами по истории музейного дела выступили преподаватели Кафедры О.А. Любезников и А.А. Никонова.

⁸ Кузнецов Н.В., Сунами А.Н. (ред.). Сборник тезисов международной научной конференции «Цивилизационные коды России: к 100-летию Философского парохода». СПб., 2022.

В ноябре 2023 года в период проведения Международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге» в рамках Международной научной конференции «Университет. Образование. Общество. (К 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)» состоялось организованное Кафедрой музейного дела и охраны памятников заседание секции «Университетские сообщества: личности, традиции, наследие». К обсуждению предлагались темы: «Университетские сообщества в России и за рубежом в прошлом и настоящем»; «Иерархии и компоненты университетского сообщества»; «Этические нормы университетских сообществ: трансформации и константы»; «Научные школы как университетские сообщества»; «Университетский профессор: вопросы сохранения и презентации наследия ученого»; «Студенческие объединения как университетские сообщества»; «Память об университетских сообществах: архивы, музейные фонды и экспозиции». В ходе заседания прозвучали доклады преподавателей Кафедры А.А. Никоновой «Университетское сообщество в воспоминаниях ученых», раскрывающий историю пребывания в коллективах сотрудников Ленинградского университета О.М. Фрейденберг и Р.Л. Берг, и М.В. Бирюковой «Образ профессора университета в отечественном кинематографе второй половины XX—начала XXI века: аксиологический аспект». Большой интерес у слушателей вызвал доклад аспиранта Санкт-Петербургского государственного университета Чэнь Цзин «Музеолог Су Донхай: путь китайского ученого в XX—XXI вв.». Материалы заседания были опубликованы в сборнике, выпущенном по итогам конференции⁹.

В 2023 году также прошёл организованный Кафедрой музейного дела и охраны памятников научно-практический круглый стол «Междисциплинарное поле музея». В фокусе обсуждения было принятое в 2022 году на ассамблее ИКОМ новое определение музея, как учреждения, которое «исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие». Решение этих задач может быть достигнуто благодаря содружеству разнообразных наук и дисциплин, объединённых для работы в музее. Представители гуманитарного и социального знания должны взаимодействовать со специалистами по точным и естественным наукам, учёные — находить общий язык с художниками, дизайнеры — учитывать пожелания и опасения хранителей. Междисциплинарное поле, в котором музей призван развиваться, — специфически сложное, не лишённое внутренних противоречий явление современности. Выработка путей и способов существования музейного организма в поле полидисциплинарности требует вдумчивого, аналитического подхода, постоянной коммуникации, обмена мнениями внутри музейной сферы, полилога специалистов. Кафедра музейного дела и охраны памятников предлагала обсудить проблемы и перспективы развития музейного института в поле междисциплинарности в контексте следующих тем: «Междисциплинарность в отечественном музейном деле: достижения, проблемы и перспективы»; «Специалисты по гуманитарным, точным и естественным наукам в художественных и исторических музеях»; «Ноуменально-феноменальная реальность современного музея»; «Социальный контекст экспозиционного проектирования»; «Отражение методологии гуманитарного знания в музейном проектировании»; «Способы актуализация результатов естественнонаучных исследований в музее»; «Экология визуальности в музейной деятельности»; «Материальное vs нематериальное наследие в междисциплинарном поле музея»; «Междисциплинарность предметного языка

⁹ Кузнецов Н.В., Сунами А.Н. (ред.). Международная конференция «Университет. Образование. Общество. (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)». Санкт-Петербургский государственный университет, 16–17 ноября 2023 г. Сб. ст. СПб., 2023.

музейной экспозиции»; «Музейный предмет как источник междисциплинарного исследования».

Необходимо упомянуть и о проводимых Кафедрой научно-практических семинарах, в числе которых «Музеефикация городского пространства: итоги и перспективы» (2012, организаторы Кафедра музейного дела и охраны памятников, АНО «Научно-практический центр «Музейный квартал/Санкт-Петербург», Центральный музей связи имени А.С. Попова, Центральный выставочный зал «Манеж», Государственный музей истории религии, Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого). На семинаре обсуждался круг вопросов, связанных с проблемами сохранения и актуализации городского пространства как культурно-исторического наследия, формы и пути существования европейских традиций музеефикации городских памятников архитектуры, истории и культуры, роль общественных организаций в процессе изучения, сохранения и популяризации городского наследия Санкт-Петербурга. Целью семинара было объединение специалистов, теоретиков и практиков, занимающихся вопросами изучения, музеефикации и актуализации историко-культурного наследия Санкт-Петербурга, создание условий для формирования нового экологического мышления применительно к культуре города.

В 2020 году состоялся научно-практический онлайн-семинар «Музей и память: антропологические аспекты репрезентации», в рамках которого участники обсудили проблематику антропологических аспектов репрезентации памяти в музейном пространстве. Еще в 1970-е гг., т.е. почти полвека назад, для характеристики современного состояния музейного института и перспективного пути развития музейного дела все чаще стало использоваться словосочетание «антропологический поворот», предполагавшее, что именно человек должен стать центром и осью музейной деятельности. Это нашло отражение и в изменении определения музея, данном Международным советом музеев, и характеризующим его как институт, находящийся на службе общества и делу его развития. Очевиден значительный прогресс в этой области, если говорить о все большей инклюзивности музейных программ. Но произошла ли антропологизация музейных нарративов? Появился ли человек в тех историях, которые рассказывает музей? Не исчезла ли отдельная личность в широких дискурсах культурной, исторической, социальной памяти, представлять которые стремится современный музей, активно осваивающий пространство публичной истории? Какими средствами музей может (если может вообще) осуществлять репрезентацию памяти, сохраняя образ конкретной личности и делая доступной персонализацию получаемого посетителями опыта? Участники онлайн-семинара смогли обсудить данную проблематику, сконцентрировавшись на следующих вопросах: «Память и музей: союзники или враги», «Память о музее/память в музее: самодокументирование современного музея», «Визуализация памяти в экспозиционно-выставочной деятельности: роль мультимедиа», «Нематериальное культурное наследие как форма памяти», «Личность в музейной экспозиции и выставочном проекте», «Сторителлинг как метод персонализации музейного нарратива».

В 2023 году в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда состоялся научно-практический семинар с участием студентов и преподавателей Кафедры, сотрудников Музейно-архитектурной клиники Санкт-Петербургского государственного университета по теме проекта клиники «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда». В рамках семинара студенты-клиницисты представили результат совместного проекта, реализуемого Санкт-Петербургским государственным университетом

и Государственным мемориальным музеем обороны и блокады Ленинграда, а именно методическую разработку тематической экскурсии «Пространство Университета в годы блокады». Выступающие поделились опытом архивных изысканий и анализа неопубликованных источников по истории Ленинградского государственного университета в 1941–1944 гг. В семинаре приняли участие его модератор, руководитель клиники А.А. Никонова, с сообщениями и докладами выступили доцент кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.А. Любезников, обучающийся 4 курса основной образовательной программы бакалавриата «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» СПбГУ Я.А. Клещевников, обучающаяся 4 курса основной образовательной программы бакалавриата «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» СПбГУ А.М. Малинина и Т.Г. Навроцкая, обучающаяся 2 курса основной образовательной программы магистратуры «Визуальные технологии в музее» СПбГУ.

В рамках периодического кафедрального семинара «Актуальные вопросы музееведения» сотрудники и студенты СПбГУ имеют возможность послушать доклады и выступить в научную дискуссию с ведущими отечественными и зарубежными исследователями. На семинаре выступали, в частности, такие известные учёные как музеолог Петер Ван Менш (Голландия, Германия), автор знакового труда «К методологии музеологии»¹⁰, исследовательница русского модернизма из Гейдельбергского университета Магдалена Ниеслони, рассказавшая об исследовании творчества И. Пуни, опубликованном в 2016 году¹¹. Безусловно, материалы этих выступлений стали существенным дополнением к учебным курсам «Современные зарубежные исследования в музеологии» (магистратура, направление подготовки «Визуальные технологии в музее»), «История зарубежной музеологии», «Современные концепции музеологии» (бакалавриат, направление подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»). В 2023 году в рамках семинара был представлен доклад заведующего Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ, генерального директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского на тему «Пять острых углов мирового музейного пространства», а также доклад Н.В. Шишковой, главного хранителя Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, которая рассказала о сложностях экспонирования уникальных музейных предметов, их статуса в качестве «главного экспоната экспозиции, символа исторического события».

В 2024 году состоялся круглый стол «Социум в музее vs музей в социуме». К 20-летию кафедры Музейного дела и охраны памятников». В центре обсуждения были последствия «музейного бума» второй половины XX века в части не только увеличения популярности музеев и их посещаемости, но и роста ожиданий со стороны общества. Число задач, стоящих перед музеями, постоянно увеличивается. Сегодня музеи сохраняют, изучают и популяризируют наследие, выполняют образовательную и рекреационную функции, предоставляют пространство для дискуссий и являются местом встречи локальных сообществ. В последние десятилетия музеи активно осваивают цифровые технологии и увеличивают медийную активность. К традиционным формам музейной работы добавляются новые. Постоянно происходящие изменения ставят множество новых вопросов перед музейными работниками и специалистами в области музейного дела. Какое место занимает и должен занимать музей в современном обществе? Какова его роль в общественной жизни? Какими должны быть современные музеи, чтобы

¹⁰ ван Менш П. К методологии музеологии [пер. с англ. В.Г. Ананьева]. М., 2018.

¹¹ Nieslony M. Bedingtheit der Malerei. Ivan Puni und die moderne Bildkritik. Berlin, 2016.

соответствовать требованиям времени, но не утратить собственную идентичность? Эти вопросы, скорее всего, не имеют однозначного ответа, но их обсуждение в рамках научно-практического круглого стола внесло вклад в понимание отношений музея и общества в постоянно меняющемся мире. В рамках научно-практического круглого стола «Социум в музее vs музей в социуме» был проведен молодежный круглый стол «Музейные практики: от реального к воображаемому», где студенты программ бакалавриата и магистратуры обсудили характеристики эффективной коммуникации и медиации между музеем и посетителем, новые практики экспозиционного проектирования, современные технологии в сохранении памятников культуры, исторические реконструкции и историческое моделирование.

Рассматривая тот путь, который прошла Кафедра музейного дела и охраны памятников СПбГУ за двадцать лет своего существования, можно заключить, что научные мероприятия Кафедры отвечали тенденциям современного развития гуманитарного знания, в них были затронуты проблемы, являющиеся темами актуальной научной дискуссии. Гипотезы и материалы в области музейной атрибуции, научной реставрации, музеологии, охраны памятников истории и культуры, сохранения материального и нематериального культурного наследия, экспозиционно-выставочной деятельности, музейного кураторства, представленные на конференциях, семинарах и круглых столах, получили логичное развитие в содержании учебных курсов, читаемых на Кафедре.

Список литературы

Кузнецов Н.В., Сунами А.Н. (ред.) Сборник тезисов международной научной конференции «Цивилизационные коды России: к 100-летию Философского парохода», СПб: СПбГУ, 2022. 877 с.

Кузнецов Н.В., Сунами А.Н. (ред.) Международная конференция «Университет. Образование. Общество. (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)». Санкт-Петербургский государственный университет, 16–17 ноября 2023 г. Сборник статей. СПб: ООО «Сборка», 2023. 1080 с.

Маковецкий Е.А. (ред.) Право на культурное наследие: Труды Международной научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 237 с.

Мениш П. К методологии музеологии [пер. с англ. В.Г. Ананьева]. М.: Перспектива, 2018. 447 с.

Никонова А.А. (ред.) В поисках музейного образа. Сборник по материалам научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 379 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В., Кудрявцева С.В., Карлова А.И. Проблемы оценки современного искусства в контексте музея. Коллективная монография. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. 184 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В. (ред.) Институты памяти в меняющемся мире: сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 367 с.

Никонова А.А. (ред.) Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России. Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 334 с.

Никонова А.А., Бирюкова М.В., Ляшко А.В. (ред.) Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры: Коллективная монография. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 223 с.

Пиотровский М.Б. (ред.). Современное искусство и музей: комментарии. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 187 с.

Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры : Сборник трудов международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. 373 с.

Пиотровский М.Б. (ред.). Рубежи памяти: груз прошлого на весах современности : Сборник статей по материалам международной научной конференции. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. 382 с.

Nieslony M. *Bedingtheit der Malerei. Ivan Puni und die moderne Bildkritik*. Berlin: Mann, 2016. 303 S.

References

Kuznecsov, N.V., Sunami, A.N. (Eds.) *Sbornik tezisev mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Civilizacionny'e kody` Rossii: k 100-letiyu Filosofskogo paroxoda»* [Collection of abstracts of the international scientific conference “Civilizational codes of Russia: to the 100th anniversary of the Philosophical Steamship”]. SPb: SPbGU, 2022. 877 p. (in Rus.).

Kuznecsov, N.V., Sunami, A.N. (Eds.) *Mezhdunarodnaya konferenciya «Universitet. Obrazovanie. Obshhestvo. (k 300-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta)»*. Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j universitet, 16–17 noyabrya 2023 g. Sbornik statej [International Conference “University. Education. Society. (for the 300th anniversary of St. Petersburg State University)”]. SPb: OOO «Sorka», 2023. 1080 p. (in Rus.).

Makoveczkij, E.A. (Ed.) *Pravo na kul`turnoe nasledie: Trudy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The right to cultural heritage: Proceedings of the International Scientific Conference]. SPb: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. 237 p. (in Rus.).

Mensh, P. *K metodologii muzeologii* [per. s angl. V.G. Anan`eva] [On the methodology of museology [trans. from English by V.G. Ananyev]. Moskva: Perspektiva, 2018. 447 p. (in Rus.).

Nieslony, M. *Bedingtheit der Malerei. Ivan Puni und die moderne Bildkritik*. Berlin: Mann, 2016. 303 S. (in Ger.).

Nikonova, A.A. (Ed.) *V poiskax muzejnogo obraza. Sbornik po materialam nauchnoj konferencii* [In search of a museum image. Collection of materials of the scientific conference]. SPb: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 379 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V., Lyashko, A.V., Kudryavceva, S.V., Karlova, A.I. *Problemy` ocenki sovremennogo iskusstva v kontekste muzeya. Kollektivnaya monografiya* [Problems of evaluating contemporary art in the context of a museum. A collective monograph]. SPb: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010. 184 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V. (Eds.) *Instituty` pamyati v menyayushhemsya mire: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Institutes of memory in a changing world: a collection of articles based on the materials of an international scientific conference]. SPb: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013. 367 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A. (Ed.) *Rubezhi pamyati: sud`by` kul`turnogo naslediya v Armenii i Rossii. Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of Memory: the fate of cultural heritage in Armenia and Russia. Collection of articles based on the materials of the international scientific conference]. SPb: Izdatel`stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2014. 334 p. (in Rus.).

Nikonova, A.A., Biryukova, M.V., Lyashko, A.V. (Eds.) *Fenomen odinochestva. Aktual`ny'e voprosy` gigeny` kul`tury`*: Kollektivnaya monografiya [The phenomenon of loneliness].

Topical issues of cultural hygiene: A collective monograph]. SPb: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2014. 223 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Sovremennoe iskusstvo i muzej: kommentarii* [Contemporary Art and the Museum: comments]. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. 187 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Rubezhi pamyati: muzej i nasledie sovremennoj kul'tury` : Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of Memory: Museum and Heritage of Modern Culture : Proceedings of the International Scientific Conference]. SPb: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2015. 373 p. (in Rus.).

Piotrovskij, M.B. (Ed.). *Rubezhi pamyati: gruz proshlogo na vesax sovremennosti : Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Frontiers of memory: the weight of the past on the scales of modernity : A collection of articles based on the materials of an international scientific conference]. SPb: Izdatel'stvo Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2015. 382 p. (in Rus.).

Никонова А.А., Любезников О.А.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МУЗЕЙНОГО СПЕЦИАЛИСТА:
ОПЫТ КАФЕДРЫ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СПБГУ

Никонова, Антонина Александровна — кандидат философских наук, руководитель ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», руководитель Музейно-архитектурной клиники, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.nikonova@spbu.ru;

Любезников, Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.lyubeznikov@spbu.ru.

В статье рассматривается опыт Кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета по организации различных форм междисциплинарных практик для обучающихся. Студенты-музеологи, которым предстоит работать в музеях, должны еще в период обучения получить максимально полное представление о специфике практической музейной работы, нормах профессиональной этики, особенностях взаимодействия специалистов различного профиля внутри музейных коллективов. Междисциплинарный характер практики во время профессиональной подготовки музеолога позволяет облегчить процесс последующей его адаптации к трудностям работы в музее как институции, объединяющей широкую палитру специалистов. Организованная в СПбГУ Музейно-архитектурная клиника как особая форма практики, отражающая научно-педагогический опыт Кафедры музейного дела и охраны памятников и Кафедры дизайна, знакомит обучающихся как с принципами научно-исследовательской работы, так и с иными направлениями деятельности музеев.

Ключевые слова: музейно-архитектурная клиника, практика, музеология, музееведение, музей.

INTERDISCIPLINARY PRACTICE AS THE BASIS
OF PROFESSIONAL TRAINING OF MUSEUM SPECIALISTS:
EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF MUSEUM WORK
AND PROTECTION OF MONUMENTS OF SPBSU

Nikonova, Antonina Alexandrovna — Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor, Head of Educational Program “Museology and Conservation of Cultural and Natural Heritage Sites”, Head of the Museum-Architectural Clinic, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, a.nikonova@spbu.ru;

Lyubeznikov, Oleg Anatolievich — Candidate of Science in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, o.lyubeznikov@spbu.ru.

The article discusses the experience of the Department of Museum Work and Protection of Monuments of St. Petersburg State University in organizing various forms of interdisciplinary practices for students. Museology students who will work in museums should, even during their studies, gain the most complete understanding of the specifics of practical museum work, the standards of professional ethics, and the peculiarities of interaction between specialists of

various profiles within museum teams. The interdisciplinary nature of practice during the professional training of a museologist makes it possible to facilitate the process of subsequent adaptation to the difficulties of working in a museum as an institution that brings together a wide range of specialists. The Museum-Architectural Clinic, organized at St. Petersburg State University, as a special form of practice, reflecting the scientific and pedagogical experience of the Department of Museum Work and Protection of Monuments and the Department of Design, introduces students to both the principles of research work and other areas of museum activity.

Key words: museum-architectural clinic, practice, museology, museum.

Окончание высшего учебного заведения предполагает приобретение выпускником профессиональной квалификации, овладение рядом профессиональных знаний и навыков. Формирование же профессиональной компетентности невозможно без получения практического опыта применения освоенных компетенций. Для профессионального становления в области музейного дела — в связи со спецификой музея как двуединого института культуры и науки — особую сложность во время обучения представляет необходимость, во-первых, накопления и систематизации знаний в профильных научных дисциплинах и, во-вторых, исследования собственно музееведческих проблем. Потому взаимодействие с профессиональным музейным сообществом в процессе обучения совершенно необходимо для полноценной подготовки молодого специалиста. Трудности музейного дела, особенности работы в профессиональных коллективах в музеях, нормы профессиональной этики, — эти составляющие профессиональной культуры не могут стать известными студентам без контактов с музейными сотрудниками, при отсутствии инициативы к такому взаимодействию. Следует помнить замечательные слова М.К. Мамардашвили о том, что гуманитарное образование — «воспитание и образование духовного начала в человеке, воли и способности к самостоятельным усилиям»¹.

В научной литературе существует достаточно обширный корпус статей, посвященных проблеме подготовки музейных специалистов. Предварительный анализ данных статей показывает, что основными авторами их являются преподаватели вузов России или сотрудники музеев, длительное время преподающие на специализированных музееведческих кафедрах². Музейные сотрудники в большинстве своем склоняются к мысли, что специально готовить музееведов/музеологов не надо, а востребованы только профильные специалисты. Преодолеть эту убежденность на протяжении двадцати лет мы пытаемся на Кафедре музейного дела и охраны памятников Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. С целью объединения образовательного музееведческого и профессионального музейного сообществ коллектив Кафедры провел серию научно-практических круглых столов по вопросам подготовки музейных специалистов³.

¹ Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... // Он же. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 197.

² Кулемзин А.М., Родионова Д.Д. О формировании новой парадигмы подготовки музееведов // Вестник КемГУ. 2012. № 2 (50). С. 74–77; Родионова Д.Д., Насонов А.А. Современная профессиональная подготовка музейного специалиста // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3 (19). С. 142–146; Мастеница Е.Н. Музейный специалист XXI века: Хранитель? Исследователь? Музеолог? // Альманах современной науки и образования. 2015. № 9 (99). С. 102–105; Сапанжа О.С. Стратегии карьерного развития в области музейного образования // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14). С. 3–9.

³ Никонова А.А. Научные мероприятия кафедры музейного дела и охраны памятников философского факультета СПбГУ // Мысль: журнал петербургского философского общества. 2010. Вып. 9. С. 184–187.

Реальная модель подготовки специалиста в музейном деле имеет свои принципиальные особенности, которые формируются в процессе коммуникации по нескольким направлениям: студент — преподаватель и студент — музейный сотрудник. Наиболее уязвимым и сложным сегодня является профессиональное взаимодействие между студентом и музейным сотрудником. Бесспорно, многие музейные сотрудники, преподающие в вузах, помогают студентам освоить азы профессии, расширяя объем знаний и раскрывая основы профессии. Но таких самоотверженных профессионалов очень мало. Большинство избегают «университетского обременения» вне стен музея. Проблема не нова и, вероятно, связана с особенностями и антиномиями музейного пространства. Приняв за аксиому положение о том, что формирование профессиональных компетенций невозможно без музейного сообщества мы можем утверждать, что крайне важно найти новые формы «погружения» студента в музейное пространство. Одной из таких форм «погружения в профессию» может стать создание специальных межинституциональных образовательных проектов, как в реальном музейном и университетском пространстве, так и в сети Интернет (таким проектом должен был стать инициированный Кафедрой электронный портал «Российское музееведение»⁴). Новые образовательные электронные платформы должны быть адаптированы к особенностям учебного процесса, быть открытыми для музейных сотрудников, которые могут вносить дополнительные задания в обучающую программу.

Несомненно, что с самого начала создания Кафедры у нее были все условия избежать обозначенных выше трудностей. В первую очередь, помощь в преодолении известной разобщенности теоретического университетского музееведения и действующих российских музеев оказывает теснейшее сотрудничество Кафедры с ведущим отечественным музеем — Государственным Эрмитажем. Кафедра и возникла как первый в нашей стране совместный проект Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского государственного университета. Использование ресурса Эрмитажа в образовательном процессе совершенно исключительно, хотя, безусловно, есть и определенные межведомственные трудности. Кроме того, необходимо отметить, что с первого года подготовка музейных специалистов на Кафедре была практико-ориентированной. За четыре года обучения студенты проходили четыре практики, две из которых (музейно-археологическая и музейно-ознакомительная) являлись выездными⁵. Если традиционные университетские курсы отвечают на вопрос о том, что учит студент, то практики позволяют им узнать, как это делается. За 20 лет дизайн практико-ориентированной образовательной программы изменился. Какие-то формы исчезли, какие-то трансформировались, но появились и новые.

Самой интересной и продуктивной формой практики, безусловно, является участие студента в выполнении конкретного музейного проекта. Это может быть небольшая научно-исследовательская работа по определенной теме или выполнение своей части работы при подготовке крупного музейного проекта (выставки, экскурсии, создании информационного контента в интернете, музейного просветительского проекта), а также обязательное участие в реализации его. Частично такая форма закрепления профессиональных компетенций уже осуществлялась в деятельности научно-практического центра

⁴ Сайт «Российское музееведение». URL: www.museumstudy.ru (Дата обращения: 01.02.2024 г.).

⁵ Практики проводились в Великом Новгороде и Ярославле. В рамках преддипломной практики студентам предоставлялась возможность пройти ознакомительные практики за рубежом — в Финляндии и Израиле.

«Музейный квартал», созданного при Кафедре в 2008 году⁶. В течение трех лет студенты кафедры участвовали во Всероссийском музейном фестивале «Интермузей», пять лет — в городских фестивалях «Ночь музеев», «Детские дни», создавая свои авторские программы для школьников: игру по станциям на территории Музейного квартала «Приключение почтового голубя», «Тайна почтового городка» и др. Причем, программы имели уже своих постоянных посетителей. Студенты получали опыт непосредственного взаимодействия с городской аудиторией, учились быть внимательными, осваивали навыки работы в команде, имели возможность самостоятельно принимать решения, расставлять приоритеты.

В последние несколько лет в СПбГУ интенсивно наряду с традиционными формами практик развивается практика по модели клиники. Первыми стали активно развивать эту форму юристы и конфликтологи⁷. В 2019 году в Санкт-Петербургском государственном университете была создана междисциплинарная Музейно-архитектурная клиника⁸ для включения в образовательный процесс современных инновационных подходов, применяемых в сфере сохранения и ревитализации объектов культурного наследия. Длительные партнерские отношения с музеями Санкт-Петербурга создали условия для новых форм сотрудничества между работодателем (музеем) и вузом. Музеи и иные учреждения культуры делегируют выполнение небольших проектов или части проектов студентам, проходящим практику в Музейно-архитектурной клинике. Под каждое такое задание создается рабочая группа, в которую входят не только студенты старших курсов бакалавриата или магистратуры, но и преподаватели двух направлений подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и «Дизайн среды». Студенты при выполнении проектов приобретают практические навыки профессиональной деятельности, умение работать в команде и использовать междисциплинарные знания для выполнения конкретных заявок учреждений культуры. Основной акцент делается на обучение студентов современным методам проектирования экспозиций, особенностям интеграции сфер деятельности музейных сотрудников, дизайнеров, архитекторов и иных специалистов, применению информационных и визуальных технологий при актуализации культурного ландшафта городской среды. Уникальность Музейно-архитектурной клиники заключается в ее междисциплинарности, поскольку она создана преподавателями разных подразделений СПбГУ⁹.

К основным направлениям проектной деятельности Музейно-архитектурной клиники можно отнести: составление историко-аналитических отчетов, библиографических, адресных указателей, баз данных об объектах культурного и природного наследия; участие

⁶ Никонова А.А. Концепция музеефикации городского квартала Санкт-Петербурга и способы ее реализации // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография. СПб., 2011. С. 337–347.

⁷ Стребков А.И., Сунами А.Н. Клиническая форма организации практик в гуманитарном образовании // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 122–132.

⁸ Музейно-архитектурная клиника. URL: <https://spbu.ru/studentam/praktika/praktika-po-modeli-kliniki-y-spbgu/muzeyno-arkhitekturnaya-klinika> (Дата обращения: 01.03.2024).

⁹ Инициаторами создания Музейно-архитектурной клиники являются преподаватели Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии и Факультета искусств СПбГУ: Никонова А.А., к.филос.н., старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ; Любезников О.А., к.и.н., доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ; Толстова А.А., старший преподаватель Кафедры дизайна Факультета искусств СПбГУ; Петрашень Е.П., старший преподаватель Кафедры дизайна Факультета искусств СПбГУ.

в создании научных концепций и дизайн-проектов временных и постоянных экспозиций музеев, учреждений культуры и образовательных учреждений; участие в разработке проектов по сохранению и приспособлению объектов культурного наследия; выполнение запросов организаций туристической отрасли по подготовке экскурсионных маршрутов, методических материалов и информационных буклетов.

Следует перечислить некоторые проекты, выполненные студентами и преподавателями Кафедры музейного дела и охраны памятников в рамках работы Музейно-архитектурной клиники:

1. Проект по заданию СПб ГУП «Пассажиравтотранс»: «Концепция создания Музея автотранспорта Ленинграда на территории автопарка №1 (преподаватель А.А. Никонова при участии старшего преподавателя Кафедры дизайна А.А. Толстой; студенты Ф.Г. Черноусов, Е.А. Егорова и др).

2. Проект по заданию Центрального военно-морского музея имени Петра Великого: «Реестр морских топонимов Санкт-Петербурга (Адмиралтейский, Василеостровский, Кировский, Кронштадтский, Центральный районы)» (преподаватели А.А. Никонова, О.А. Любезников; студенты А.Д. Бабанова, А.Б. Зеленова, А.Д. Кочнева, А.М. Шегрен, Янь Цзывэй).

3. Проект по заданию Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда: База данных «Школы, работавшие в самые тяжелые блокадные дни» (преподаватель А.А. Никонова; студент О.С. Реуф).

4. Проект визуализации объектов культурного наследия достопримечательного места «Блокадный архипелаг памяти» (преподаватели Толстова А.А., Никонова А.А., студент магистратуры Базуев В., студенты 2 курса Кафедры музейного дела и охраны памятников).

Сотрудничество Кафедры музейного дела и охраны памятников с Государственным мемориальным музеем обороны и блокады Ленинграда в целом можно охарактеризовать как тесное и перспективное. Одним из последних по времени проектов, над которым по предложению музея работают студенты, является проект «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда». Целью этого учебно-научного проекта стали выявление, сбор, систематизация и презентация в различных формах сведений по истории зданий, занимаемых Ленинградским государственным университетом в 1941–1944 гг. в осажденном городе. Творческий коллектив проекта, реализуемого под руководством руководителя Музейно-архитектурной клиники доцента А.А. Никоновой и доцента Кафедры музейного дела и охраны памятников, кандидата исторических наук О.А. Любезникова составляют студенты и выпускники образовательных программ бакалавриата («Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия») Н.В. Воробьева, Я.А. Клещевников, Е.В. Корносенко, А.В. Кузнецова, А.М. Малинина и магистратуры («Визуальные технологии в музее») А.А. Михайлова, Т.Г. Навроцкая, С.К. Савченко, Ю.А. Тиванова. В первую очередь, перед руководителями проекта стояла задача познакомить будущих музейных специалистов с имеющейся научной литературой по теме, с существующей историографией. Естественно, история Ленинградского государственного университета в годы блокады к исходу первой четверти XXI века не раз становилась предметом профессиональных исторических исследований. Однако в фокусе внимания ученых — О.Л. Вайнштейна, В.В. Мавродина, В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Л. Соболева и др. — оказывались, как правило, аспекты учебной и научной жизни вуза в военное время, а о судьбе зданий ЛГУ упоминалось вскользь и изредка. Тем не менее, выявление скудных сведений об университетских зданиях в научно-исследовательской

литературе стало первой задачей для самостоятельной работы студентов-клиницистов по проекту.

Второй этап студенческой практической работы научно-исследовательского характера, являясь логическим продолжением первого, заключался в анализе — также опубликованных — источников личного происхождения, которые позволяют составить хотя бы приблизительное представление о занимаемых в годы блокады конкретных помещениях наиболее крупных и чаще всего упоминаемых в эпистолярном наследии, дневниках и мемуарах университетских зданий. Наиболее репрезентативная выборка соответствующих источников личного происхождения из фондов Музея истории СПбГУ была составлена в 2010 году известными специалистами по истории университета Т.Н. Жуковской и И.Л. Тихоновым¹⁰. При любезном содействии Музея истории СПбГУ студенты получили возможность знакомиться с изданием 2010 года в электронном виде и провести отбор необходимых фрагментов из всего корпуса опубликованных свидетельств. Кроме того, анализу подверглись и иные отдельные издания мемуаров — воспоминания военного врача Ф.Ф. Грачева, экономиста Л.Л. Эльяшовой, литературоведа В.И. Гаповой. Студентам была предложена оптимальная форма учета извлекаемых данных в виде таблицы, включающей несколько разделов. В первый студенты вносили сведения об авторах; во второй — прямые, содержащие подробные описания университетских помещений военной поры цитаты из мемуаров, писем и дневников студентов и преподавателей ЛГУ; в третий раздел помещались составленные студентами справки (резюме), кратко суммировавшие приводимые в цитатах сведения. В результате практикантам удалось составить структурированные по тематико-хронологическому принципу таблицы по истории зданий Двенадцати коллегий и Новобиржевого Гостиного двора за 1941–1945 гг., которые легли в основу дальнейших этапов реализации проекта. Без сомнения, опыт вдумчивой работы с письменными историческими источниками, освещающими военные реалии знакомых студентам-практикантам по ежедневной учебе университетских зданий, способствует приобретению необходимых в профессиональной деятельности музейного сотрудника компетенций, а главное — формирует историзм мышления, понимание ценности многовекового историко-культурного ландшафта и необходимости его сохранения.

Проект получил развитие в 2023–2024 учебном году. Взяв за основу составленные таблицы общим объемом более 2,5 а.л., студенты-бакалавры осенью 2023 года смогли не только подготовить методическую разработку оригинального экскурсионного маршрута «Ленинградский университет в период Великой Отечественной войны», но и непосредственно провести ряд экскурсий по территории Василеостровского учебно-научного комплекса для делегатов III Архивного съезда СПбГУ и студентов петербургского Педагогического колледжа № 1 им. Н. А. Некрасова. Официальная презентация методической разработки экскурсии состоялась в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда 31 октября 2023 года.

Корпус сведений по истории зданий Ленинградского университета в блокадный период, который выявили студенты при анализе опубликованных материалов, конечно, не может считаться полным. Магистранты Т.Г. Навроцкая и Ю.А. Тиванова продолжили исследовательский поиск, обратившись к неопубликованным документам архивного фонда ЛГУ в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Приобретаемые в ходе такой

¹⁰ «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов; Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб., 2010.

практики навыки архивной работы, знакомство с основами палеографии и принципами внешней и внутренней критики источников, пока еще не введенных в научный оборот, помогают студентам не только заполнять существующие фактографические лакуны при решении конкретной исследовательской задачи, но и осознать неразрывную связь музеологии с исторической наукой, вспомогательными историческими дисциплинами, архивоведением и т.п. Междисциплинарный характер практики в рамках Музейно-архитектурной клиники не позволяет будущим музейным специалистам замыкаться в узких рамках какой-либо одной научной дисциплины, формируя навык использования достижений различных наук в музейном деле, прививая уважение к различным точкам зрения в профессиональном сообществе, способствуя умению аргументированно отстаивать свои предложения, слушать и слышать аргументы иных участников музейного полилога. Так, дальнейшим этапом развития проекта должна стать работа над выставкой «Блокадный Университет», при организации которой студенты, профессионально созревшие для создания ее научной концепции, должны будут учитывать принципы и практику музейного дизайна.

Безусловно, методика и технология междисциплинарного взаимодействия в Музейно-архитектурной клинике при проведении практики находятся в стадии своего становления. Возникающие проблемы активно обсуждаются на совместных семинарах преподавателей и студентов образовательных направлений «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и «Дизайн среды». Итоги завершенных проектов и направления дальнейшей проектной деятельности Музейно-архитектурной клиники также обсуждаются на заседаниях Советов образовательных программ по соответствующим направлениям подготовки. И все же полученный к настоящему моменту опыт Кафедры музейного дела и охраны памятников однозначно свидетельствует о высоком потенциале именно междисциплинарной формы проведения практик у студентов, выбравших своей профессиональной сферой музейное дело и область сохранения объектов культурного наследия. Первое соприкосновение студентов с профессиональной музейной средой помогает им еще в процессе обучения очертить для самих себя широкий круг необходимых компетенций для музейной работы, увидеть проблемы и недостатки в деятельности музеев, постараться перенять опыт музейных сотрудников, которые в будущем могут стать их старшими коллегами. Думается, что и музеи, перед которыми стоят подчас задачи весьма разнообразные, должны быть по-настоящему заинтересованы в формате междисциплинарной практики, способствующей пополнению музейного сообщества высококвалифицированными кадрами, обладающими по-настоящему университетским образованием.

Список литературы

Кулемзин А. М., Родионова Д. Д. О формировании новой парадигмы подготовки музееведов // Вестник КемГУ. 2012. № 2 (50). С. 74–77.

Мастеница Е.Н. Музейный специалист XXI века: Хранитель? Исследователь? Музеолог? // Альманах современной науки и образования. 2015. № 9 (99). С. 102–105.

Никонова А.А. Концепция музеефикации городского квартала Санкт-Петербурга и способы ее реализации // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография. СПб., 2011. С. 337–347.

Никонова А.А. Научные мероприятия кафедры музейного дела и охраны памятников философского факультета СПбГУ // Мысль: журнал петербургского философского общества. 2010. Вып. 9. С. 184–187.

Родионова Д.Д., Насонов А.А. Современная профессиональная подготовка музейного специалиста // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 3 (19). С. 142–146.

Сапанжа О.С. Стратегии карьерного развития в области музейного образования // Вопросы музеологии. 2016. № 2 (14). С. 3–9.

Стребков А.И., Сунами А.Н. Клиническая форма организации практик в гуманитарном образовании // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 122–132.

References

Kulemzin A. M., Rodionova D. D. O formirovanii novoj paradigmy podgotovki muzevedov [On the formation of a new paradigm for training museologists], in *Vestnik KemGU*. 2012. № 2 (50). P. 74–77. (in Rus.).

Mastenica E.N. Muzejnyj specialist XXI veka: Hranitel'?' Issledovatel'?' Muzeolog? [Museum specialist of the 21st century: Guardian? Researcher? Museologist?], in *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2015. № 9 (99). P. 102–105. (in Rus.).

Nikonova A.A. Koncepcija muzeifikacii gorodskogo kvartala Sankt-Peterburga i sposoby ee realizacii [The concept of museumification of the city quarter of St. Petersburg and methods of its implementation], in *Kul'turologičeskaja jekspertiza. Teoreticheskie modeli i praktičeskij opyt: Kollektivnaja monografija*. St. Petersburg, 2011. P. 337–347. (in Rus.).

Nikonova A.A. Nauchnye meroprijatija kafedry muzejnogo dela i ohrany pamjatnikov filosofskogo fakul'teta SPbGU [Scientific events of the Department of Museum Studies and Monument Protection, Faculty of Philosophy, St. Petersburg State University], in *Mysl': zhurnal peterburgskogo filosofskogo obshhestva*. 2010. Vyp. 9. P. 184–187. (in Rus.).

Rodionova D.D., Nasonov A.A. Sovremennaja professional'naja podgotovka muzejnogo specialista [Modern professional training of museum specialists], in *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2015. № 3 (19). P. 142–146. (in Rus.).

Sapanzha O.S. Strategii kar'ernogo razvitija v oblasti muzejnogo obrazovanija [Strategies for career development in museum education], in *Voprosy muzeologii*. 2016. № 2 (14). P. 3–9. (in Rus.).

Strebkov A.I., Sunami A.N. Kliničeskaja forma organizacii praktik v gumanitarnom obrazovanii [Clinical form of organizing practices in humanities education], in *Vysšee obrazovanie v Rossii*. 2021. Т. 30. № 2. P. 122–132. (in Rus.).

Клещевников Я.А.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ БЛОКАДЫ:
СОХРАНЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Клещевников, Ян Александрович—обучающийся по ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, yansdeal@gmail.com.

Научный руководитель—к.и.н., доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.А. Любезников.

История зданий Санкт-Петербургского университета представляет большой интерес для исследования. Основная цель работы—реконструировать историю архитектурного ансамбля Ленинградского университета в годы блокады и его последующего восстановления. Источниковой базой работы стали, в первую очередь, источники личного происхождения—эпистолярные источники, мемуары и дневники универсантов, переживших блокаду Ленинграда, участников Великой Отечественной войны. Историографической основой исследования выступили публикации по истории университета 1940-х–2010-х гг. Привлеченные автором источники и историография позволяют реконструировать историю зданий ЛГУ в годы блокады, преимущественно Главного здания университета и здания на Менделеевской линии, 5. Используемые в работе материалы дают возможность последовательно рассмотреть подготовку зданий к войне, их приспособление под военные нужды, сохранение и консервацию зданий в период блокады, восстановление зданий до окончания войны и в послевоенный период.

Ключевые слова: Ленинградский университет, история зданий, блокада.

THE ARCHITECTURAL ENSEMBLE OF LENINGRAD UNIVERSITY
DURING THE YEARS OF THE SIEGE: PRESERVATION, USE, RESTORATION

Kleshchevnikov, Yan Alexandrovich—student of the bachelor program Museology and Conservation of Cultural and Natural Heritage Sites, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, yansdeal@gmail.com.

The scientific supervisor—O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University

The history of the buildings of St. Petersburg University is of great interest for research. The main purpose of the work is to reconstruct the history of the architectural ensemble of Leningrad University during the years of the siege and its subsequent restoration. The source base of the work was, first of all, sources of personal origin—epistolary sources, memoirs and diaries of the university students who survived the siege of Leningrad, participants of the Great Patriotic War. The historiographical basis of the research was publications on the history of the university in the 1940s–2010s. The sources and historiography attracted by the author make it possible to reconstruct the history of Leningrad University buildings during the siege, mainly the Main Building of the university and the building on the Mendeleevskaya line, 5.

The materials used in the work make it possible to consistently consider the preparation of buildings for war, their adaptation to military needs, preservation and conservation of buildings during the siege, restoration of buildings before the end of the war and in the post-war period.

Key words: Leningrad University, history of buildings, siege.

Великая Отечественная война и блокада оказали большое влияние на историю Ленинграда. В частности, эти события имеют большое значение для Санкт-Петербургского государственного университета, в рассматриваемый период носившего название Ленинградский государственный университет. Война повлияла на разные стороны жизни университета — преподаватели и студенты оказались в действующей армии, занимались необходимыми работами для обороны города, старались сохранить и архитектурный ансамбль университета.

В рассматриваемый период ЛГУ занимал целый ряд зданий. Согласно справочнику «Весь Ленинград на 1940 год»¹, большая часть подразделений Ленинградского университета находилась на территории Васильевского острова. Центральное место в жизни университета занимал комплекс зданий на Стрелке Васильевского острова. По адресу Университетская набережная, 7–9, к которому относится Главное здание университета — здание Двенадцати коллегий, а также постройки, расположенные во дворе Главного здания, находились математический, биологический, геолого-почвенный факультеты, четыре научно-исследовательских института: Земной коры, Физиологический, Физический и Химический; Фундаментальная библиотека им. М. Горького и ряд других университетских подразделений. По адресу Университетская набережная, 11 располагались филологический факультет и Институт математики и механики. Здание Новобиржевого Гостиного двора на Менделеевской линии, 5 занимали исторический и географический факультеты. Также справочник не учитывает созданный в 1940 г. философский факультет ЛГУ, располагавшийся на Менделеевской, 5.

В рамках настоящего исследования изучение архитектурного ансамбля Ленинградского университета ограничивается рассмотрением комплекса зданий на Стрелке Васильевского острова. В центре внимания автора здания университета на Университетской набережной, 7–9 и Менделеевской линии, 5. Необходимо отметить, что оба здания являются исторически значимыми постройками. Здание Двенадцати коллегий, построенное в 1722–1742 гг. по проекту архитектора Доменико Трезини, представляет собой один из наиболее выдающихся памятников петровского барокко. Классицистическое здание Новобиржевого Гостиного двора возведено в начале XIX в. по проекту Джакомо Кваренги. Центральное место указанных зданий в истории университета и схожесть проблем, стоящих перед зданиями всего Ленинграда в период блокады, позволяют посредством их изучения сформировать общее представление о судьбе всего архитектурного ансамбля ЛГУ в 1941–1945 гг.

Для литературы Ленинграда блокадного периода характерна, как этот феномен называет исследователь Е. Добренко, интимизация опыта. Наиболее популярной формой блокадной литературы стала форма личного дневника². Указанное наблюдение также справедливо для истории Ленинградского университета. Личные дневники, воспоминания

¹ Ленинградский Государственный Университет // *Весь Ленинград на 1940 год*. Л., 1940. С. 297–298.

² *Добренко Е.* Блокада реальности: Ленинградская тема в соцреализме // *Блокадные нарративы: Сборник статей / Сост., предисл. П. Барсковой, Р. Николози*. М., 2017. С. 26.

студентов, преподавателей, работников университета представляют собой важные исторические источники, содержащие, в том числе, значительный объем информации о судьбе университетских зданий. Данный факт имеет особое значение в рамках настоящей работы.

Помимо источников по истории зданий ЛГУ, представленных воспоминаниями студентов и сотрудников университета, существует ряд научно-исследовательских работ, которые содержат информацию о зданиях университета в период блокады. Однако необходимо отметить, что существующая литература рассматривает историю университета в целом. В первую очередь, авторы анализируют учебную и научную деятельность Ленинградского университета, его роль в организации обороны города и битве за Ленинград. Вопросы сохранения, использования и реставрации университетских зданий в военный и послевоенный периоды затрагиваются лишь частично. Тем не менее, опора на источники и имеющуюся историографию позволяет реконструировать историю университетских строений в 1941–1944 гг.

Сразу после 22 июня 1941 г. возникла необходимость перевода жизни университета в условия военного времени. Построенные и используемые в гражданских целях здания ЛГУ должны были быть подготовлены к условиям войны. Учебные и жилые корпуса требовали введения мер защиты, отдельные сооружения и помещения сменили свое назначение.

Несомненно, важной задачей была организация противовоздушной обороны. Многие воспоминания связаны с дежурствами студентов на крышах и чердаках университетских зданий, проводимыми с целью борьбы с зажигательными бомбами. Возле Ректорского флигеля была сооружена наблюдательная вышка³. На чердаке здания Двенадцати коллегий размещались бочки с водой, ящики с песком, щипцы, необходимые для тушения бомб⁴. В зданиях филологического, исторического, химического, математического факультетов были оборудованы бомбоубежища, приспособленные для проведения занятий⁵.

Артиллерийские и авиационные обстрелы оказывали существенное влияние на сохранность зданий. По свидетельству Л.Л. Эльяшовой, студентки второго курса исторического факультета ЛГУ, защищавшей здание Двенадцати коллегий в составе команды МПВО, зажигательные бомбы легко пробивали железную крышу Главного здания, а затем работниками МПВО выбрасывались во двор или засыпались песком⁶. 18 сентября 1941 г. вследствие бомбардировки в здании Двенадцати коллегий и Ректорском флигеле возник пожар, который удалось ликвидировать⁷. Один из наиболее массивных обстрелов пришелся на 7 ноября 1941 г. Л.Л. Эльяшова описывает ощущения дежуривших в здании людей: «Самым тревожным оказалось наше дежурство в ночь на 7 ноября 41 года [в здании Двенадцати коллегий]. Бомбы, видимо, мощные, падали настолько часто, что здание университета покачивалось, мне казалось, я стою на качелях»⁸.

³ Марголина Б.Я. К истории комсомола ЛГУ в период Великой Отечественной войны (по материалам Музея и личным воспоминаниям) // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 110.

⁴ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный Университет. СПб., 2005. С. 34.

⁵ Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975. С. 18.

⁶ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный Университет. С. 34–35.

⁷ Ежов В.А., Мавродин В.В. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Очерки по истории ЛГУ. Т. 3. Л., 1976. С. 8.

⁸ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный Университет. С. 36.

Военные планы противника не были известны. Ленинград активно готовился к отражению штурма города. В том числе для обороны обустроивались здания университета. Участок обороны, за который был ответственен университет, проходил по Университетской набережной, 1-й линии Васильевского острова, Малой Неве, Стрелке Васильевского острова. В сентябре 1941 г. окна южного фасада Главного здания, выходящего на Неву, заделали кирпичом. Их превратили в огневые точки⁹. Университетские историки В.А. Ежов и В.В. Мавродин, последний—очевидец блокадных дней ЛГУ, пишут об организации в ноябре 1941 г. моряками-балтийцами на первом этаже южного фасада здания долговременной огневой точки¹⁰.

С осени 1941 г. многие профессора и преподаватели Ленинградского университета проживали в здании Двенадцати коллегий и других зданиях университета. Вследствие бомбежек, обстрелов и пожаров их дома оказались разрушены¹¹. Так, в результате попадания фугасной бомбы было разрушено студенческое общежитие на 5-ой линии Васильевского острова. Согласно статье Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова, бомбежка 26 ноября унесла жизни около 100 человек, находившихся в общежитии ЛГУ¹². По приказу ректора А.А. Вознесенского, проживавшие в разрушенном общежитии были переселены в аудитории филфака¹³.

К концу осени 1941 г. из-за крайне ограниченных блокадой города поставок продовольствия, топлива, а также наступления холодов здания университета, как и сами универсанты, столкнулись с тяжелыми испытаниями. Университетские помещения, не разрушенные от авиаударов и артиллерийских обстрелов, занимали необходимые во время войны службы и организации. В помещениях биологического факультета, на кафедре энтомологии и кафедре дарвинизма, в 1941 году был организован стационар для преподавателей, которые находились в опасном состоянии¹⁴. О размещении стационара на сто человек в Главном здании университета также упоминает Р.С. Мнухина, секретарь парткома ЛГУ в 1941–1942, 1944–1945 гг. По ее словам, для оборудования стационара комсомольцы перенесли на руках из общежития на проспекте Добролюбова кровати и матрасы¹⁵.

Обессиленные люди умирали на улицах или рабочих местах. По воспоминаниям В.П. Кудрявцевой, в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. трупы было убирать некому. Некоторым студенткам приходилось работать «дворниками»—собирать и перевозить умерших. «Помню ужас первого дня моей дворницкой деятельности. Нас... привели в анатомичку, которая находилась против установленного в 1986 г. памятника «В бессмертие ушедшим»»¹⁶.

⁹ Там же. С. 16–17.

¹⁰ *Ежов В.А., Мавродин В.В.* Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. С. 18.

¹¹ *Ежов В.А., Мавродин В.В.* Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны. С. 9.

¹² *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2010. № 2. С. 22.

¹³ От составителей // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 8.

¹⁴ *Тамберг Т.Г.* Воспоминания о годах войны // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 186.

¹⁵ *Мнухина Р.С.* Незабываемые дни (из воспоминаний секретаря партийной организации Университета) // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 120.

¹⁶ *Амосов Н.Н., Золотницкая Р.Л., Эльяшова Л.Л.* Никто не может, не имеет права оставаться в стороне (из истории комсомольской организации университета. 1941–1942 гг.) // Ленинградский

В декабре 1941 г. перестал работать водопровод и замерзла канализация. Воду носили ведрами из Невы. В зданиях отсутствовало электричество и отопление. В Главном здании университета, в аудитории биологического факультета, для студентов была организована специальная комната для занятий и лекций. Освещалась данная комната при помощи керосиновой лампы, а тепло поддерживалось за счет растапливания печи¹⁷.

Многочисленные воспоминания посвящены описанию коридора второго этажа здания Двенадцати коллегий. Часть стекол галереи была выбита, многие окна забиты фанерой¹⁸, коридор засыпан снегом¹⁹. Так университетский коридор выглядел в воспоминаниях А.Г. Сиротской и Н.А. Кузьминой, работниц Фундаментальной библиотеки им. М. Горького: «Конец 1941 года... Бледные лучи декабрьского солнца, пробиваясь сквозь полуразбитые стекла окон, скупо освещают университетский коридор. Часть стекол выбита, совершенно холодный, резкий ветер гуляет вдоль галереи. На обледенелом полу груды известки, щебня, ящики с песком, бумагой, мусором. Через полувыбитые стекла шкафов, принадлежащих фундаментальной библиотеке, виднеются ряды журналов, книг, брошюр, примерзших друг к другу, заплесневелых, с одеревенелыми переплетами»²⁰. В условиях блокадной зимы жизнь в Главном здании университета сосредоточилась в основном на первом этаже. Здесь располагалась большая часть лабораторий, аудиторий, жилых помещений. С.С. Кузнецов, декан геологического факультета, в годы войны — проректор по научной работе ЛГУ, отмечал: «В те страшные месяцы жизнь Университета сосредоточилась в первом этаже знаменитого здания 12 петровских коллегий... Первый же этаж Главного здания представлял подлинный крепостной каземат, неуязвимый и несокрушимый. Тут-то и жили, и действовали университетские лаборатории и небольшие аудитории»²¹. Однако свою работу продолжала университетская библиотека. Она также часто упоминается в мемуарах. Залы библиотеки не освещались, часть стекол была выбита, из-за чего помещение промерзло, окна были превращены в бойницы²². Расположенные в поврежденных шкафах книги разрушались от влаги и плесени. Продолжавшие работать в блокадную зиму сотрудники библиотеки сгруппировались в помещении бывшего отдела «выдачи книг на дом». В этой комнате находилась печь²³.

Так же как для всего Ленинграда, окончание зимы — наступление весны 1942 г. стало для университета временем частичного восстановления и улучшения условий жизни. Наиболее тяжелый период блокады был преодолен. В феврале 1942 г. начата эвакуация университет в Великой Отечественной [1941–1945]: Очерки / [Редкол.: Ю.Д. Марголис (отв. ред.) и др.]. Л., 1990. С. 97.

¹⁷ *Фадеева Т.С.* Из личных воспоминаний // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 145.

¹⁸ *Козлова Г.И.* Мои студенческие годы (страницы из воспоминаний бывшей студентки приема — 1940 г.) // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 199.

¹⁹ *Кузнецов С.С.* [Главы из книги воспоминаний] // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 73–74.

²⁰ *Сиротская А.Г., Кузьмина Н.А.* Сведения о работе Научной библиотеки им. Горького при Ленинградском университете в период Великой Отечественной войны // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 465–466.

²¹ *Кузнецов С.С.* [Главы из книги воспоминаний]. С. 74.

²² *Сиротская А.Г., Кузьмина Н.А.* Сведения о работе Научной библиотеки... С. 465–466.

²³ Там же. С. 467.

ЛГУ в Саратов, часть зданий была законсервирована, поддержанием их сохранности занимались оставшиеся сотрудники.

Серьезной задачей оставшихся в университете библиотекарей весной 1942 г. было восстановление библиотеки и спасение книг. Разбитые окна были заколочены, работники проводили очистку стен и потолка от известки, убирали битое стекло и кирпич²⁴. Началась длительная борьба с плесенью и сыростью, грозившими утратой тысяч книг.

Значительные изменения коснулись здания исторического факультета. В кратчайшие сроки в сентябре 1941 г. здание на Менделеевской, 5, в котором на начало войны располагались исторический, философский и географический факультеты, а также университетская поликлиника²⁵, было превращено в эвакуационный госпиталь № 1012. Значительное количество воспоминаний посвящены обустройству госпиталя необходимой мебелью и другими предметами, в котором большую роль играли студенты и преподаватели университета, члены комсомольских ячеек и местные жители. Образовавшийся госпиталь использовал для своих нужд все пространство исторического факультета. Бывшие аудитории были превращены в палаты и операционные. Для размещения раненых также оборудовались коридоры здания²⁶.

Прифронтовое положение Ленинграда оказывало существенное влияние на жизнь города и требовало дополнительных защитных мер. В условиях начавшихся постоянных артиллерийских обстрелов остро встал вопрос защиты окон. С сентября 1941 г. окна истфака были заложены фанерой²⁷.

В условиях продолжительных воздушных тревог в бомбоубежищах люди проводили значительное количество времени. Наиболее крупное из университетских бомбоубежищ располагалось под зданием на Менделеевской, 5. Во дворе этого здания было возведено четыре приставных лестницы для того, чтобы в случае необходимости была возможность эвакуировать раненых через окна²⁸.

Внутренние лестницы госпиталя с октября 1941 г. стали использовать как место для лечебной физкультуры раненых. Раненые спускались и поднимались по лестницам под контролем медицинских работников, восстанавливая навыки хождения²⁹.

В.А. Ежов и В.В. Мавродин упоминают прямое попадание снарядов дальнобойных немецких орудий в здание исторического факультета. По их словам, сложенные в XVIII в. стены выдержали попадание, но в окнах были выбиты стекла³⁰. Встречаются упоминания о бомбах, упавших на площадь между зданиями университета и Библиотекой Академии наук. Ф.Ф. Грачев, работавший врачом в эвакуационном госпитале № 1012, описывает последствия взрыва одной из этих бомб для здания исторического факультета: были выбиты окна, трескалась и падала штукатурка. «Фасад госпиталя по Менделеевской линии принял на себя всю силу удара взрывной волны полутонной бомбы. Сорок два окна трех этажей были начисто выбиты. Мороз ворвался в палаты раненых. На скорую руку бросились закрывать окна одеялами, досками из-под матрацев, шинелями и ватниками»³¹.

²⁴ Там же. С. 468.

²⁵ Гапова В.И. Одна зима // Абрамов Ф.А. О войне и победе. СПб., 2015. С. 119.

²⁶ Грачев Ф.Ф. Записки военного врача. Л., 1970. С. 15.

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же. С. 52.

³⁰ Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. С. 46.

³¹ Грачев Ф.Ф. Записки. С. 95.

Так же, как и другие здания университета, здание госпиталя готовили к ведению городских боев. Угловое окно истфака было заложено кирпичом и забетонировано. Здесь было организовано укрытие для пулемета³².

Крайне остро в условиях блокады стоял вопрос жилья. Профессор В.В. Мавродин и доцент Г.В. Ефимов, заведующий кафедрой истории Востока, жили в библиотеке исторического факультета, на первом этаже госпиталя³³. Организацией питания в комплексе зданий университета на Стрелке Васильевского острова занималась университетская столовая, расположенная на Биржевой линии. В октябре 1941 г. госпиталь № 1012 начал строительство собственного пищевого блока на первом этаже здания, в бывшем общежитии исторического факультета. С 4 ноября пищу для раненых госпиталь готовил самостоятельно³⁴.

Больших усилий требовала подготовка зданий к зиме. С наступлением холода в здании истфака работниками госпиталя были промазаны триста пятьдесят три оконные рамы и утеплены двери³⁵. Взрывом бомбы в оранжерее ботанического сада университета выбило все стекла. Работники ботанического сада перенесли в госпиталь № 1012 вечнозеленые растения, чтобы спасти их от морозов³⁶. В госпитале растения разместили в одной из палат, в которой было две большие печи. «Оранжерейная» палата, как ее прозвали раненые, была самой теплой в госпитале³⁷.

С начала декабря 1941 г. госпиталь на Менделеевской, 5 остался без центрального отопления, а с 10 декабря 1941 г. — без электроэнергии. Для обогрева использовались буржуйки с трубами из водосточных труб, для освещения — коптилки³⁸. Использование водосточных труб для изготовления печей-временок также описывает Ф.Ф. Грачев. Со здания Новобиржевого Гостиного двора были сняты все сорок четыре водосточные трубы. За три дня в палатах было установлено девяносто шесть печей. Дымоходы были выведены в форточки окон³⁹.

Значимой проблемой зданий в блокадную зиму стало прекращение работы водопровода. Из воспоминаний Ф.Ф. Грачева и медсестры В.И. Гаповой следует, что в госпитале на Менделеевской, 5 в январе 1942 г. замерз водопровод. Работники госпиталя стали вручную набирать воду в Нева⁴⁰.

С окончанием зимы в госпитале было принято решение о создании цветника для прогулок раненых. Между зданием исторического факультета и Институтом Отта, на участке Биржевого проезда от Менделеевской линии до Тифлисского переулка, был снят булыжник и разбит сквер. Из ЦПКИО привезены скамейки и клумбы. В ботаническом саду университета и на газонах перед госпиталем высаживались овощи⁴¹. В условиях небольшого количества поступающих раненых в госпитале начался косметический ремонт помещений. Стены и потолки были очищены от плотного слоя копоти печей-временок и светильников и покрашены⁴².

³² Там же. С. 189.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Там же. С. 60–61.

³⁵ Там же. С. 44.

³⁶ Там же. С. 53–54.

³⁷ Там же. С. 87.

³⁸ *Гапова В.И.* Одна зима. С. 123.

³⁹ *Грачев Ф.Ф.* Записки. С. 88.

⁴⁰ *Гапова В.И.* Одна зима. С. 126.

⁴¹ *Грачев Ф.Ф.* Записки. С. 175–176.

⁴² Там же. С. 178.

Эвакуационный госпиталь № 1012 занимал здание Новобиржевого Гостиного двора до 1944 г. По возвращении ЛГУ из Саратова начались ремонтно-восстановительные работы здания. 2 октября 1944 г. на историческом факультете начался новый учебный год.

В январе 1944 г. Ленинград был полностью освобожден от блокады. Руководством ЛГУ стали обсуждаться планы возвращения из Саратова, в котором университет находился с февраля 1942 г. Л.Л. Эльяшова отмечает большой личный вклад ректора А.А. Вознесенского в организацию реэвакуации университета и его последующего восстановления. Руководство ЛГУ поставило ряд задач, необходимых для возвращения университета, среди которых можно выделить задачи сохранения за университетом принадлежащего ему жилищно-учебного фонда, проведения ремонтных работ, предоставления дополнительной площади для студентов и сотрудников университета⁴³. В феврале 1944 г. была создана специальная группа для обеспечения подготовки возвращения университета в Ленинград. Члены группы занимались освобождением занятых во время блокады квартир преподавателей, организаций и проведением ремонта. 20 мая Саратов покинул первый из трех эшелонов с возвращающимися в Ленинград. К концу июня 1944 г. вернулась большая часть эвакуированных.

Возвращение из Саратова описывается во многих воспоминаниях универсантов и преподавателей. Приезжая в Ленинград, студенты в скором времени присоединялись к ремонтным работам. Студентка Ю.П. Нюкша, вернувшись из Саратова 31 мая, провела ночь в Актовом зале Главного здания. На следующий день она была заселена в общежитие на проспекте Добролюбова. В течение всех трех месяцев лета Ю.П. Нюкша участвовала в восстановительных работах⁴⁴.

Объем предстоящих работ был велик. Учебные корпуса, общежития, лаборатории требовали капитального ремонта. Городская комиссия, проводившая оценку разрушений, оценила общий ущерб, причиненный университету войной, в 94 млн. рублей⁴⁵. Ленинградский университет смог заручиться поддержкой правительства. На проведение восстановительных работ Совнарком выделил два миллиона рублей. Из сметы, составленной уполномоченным ЛГУ Е.М. Роднянским, можно выделить те работы, которые назывались совершенно необходимыми для начала учебного года. В здании Двенадцати коллегий требовались остекление оконных переплетов, частичный ремонт крыши, ремонт водопровода, восстановление электропроводки, восстановление котельной и «прочие ремонтные работы»⁴⁶.

Одной из значимых организационных мер стало создание в июне 1944 г. специального штаба восстановительных работ⁴⁷. О том значении, которое придавалось восстановлению университета, говорит тот факт, что руководители всех подразделений университета находились в подчинении у штаба. Штаб мог самостоятельно освобождать от работ любых сотрудников и студентов.

⁴³ Эльяшова Л.Л. Мы помнили всюду, что мы — ленинградцы... // Ленинградский университет в Великой Отечественной [1941–1945]: Очерки / [Редкол.: Ю.Д. Марголис (отв. ред.) и др.]. Л., 1990. С. 270.

⁴⁴ Нюкша Ю.П. Отдельные штрихи из моих воспоминаний о блокадных днях в Ленинградском университете // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 105.

⁴⁵ Эльяшова Л.Л. Мы помнили всюду, что мы — ленинградцы... С. 272.

⁴⁶ Там же. С. 272–273.

⁴⁷ Овсянкин В.А. И строили, и учились // «Возрождение»: Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда: [Сборник / Сост. В.А. Кутузов, Э.Г. Левина]; Ред. коллегия: В.А. Ежов [и др.]. Л., 1977. С. 274.

Приказом ректора от 20 июля 1944 г. к участию в восстановлении университета привлекали всех трудоспособных. В условиях дефицита рабочей силы университет должен был опираться на собственные ресурсы. Большой объем работы выполняли студенты, преподаватели и служащие университета. Из них создавались бригады маляров, штукатуров, водопроводчиков, плотников⁴⁸. По воспоминаниям аспирантки биологического факультета Т.Г. Тамберг, каждый универсант должен был иметь специальность. Автор воспоминаний работала штукатуром-маляром, восстанавливая потолки аудиторий филологического факультета, участвовала в благоустройстве университетского двора, Университетской набережной и Менделеевской линии⁴⁹. По воспоминаниям студентки химического факультета В.А. Качаевой, в некоторых случаях обучение рабочим специальностям осуществлялось еще в Саратове. Также студенты работали на подсобном хозяйстве, кочегарами, вахтерами, уборщиками⁵⁰.

О больших усилиях, направленных на восстановление учебных зданий и общежитий, пишет Н.Н. Фирсов, секретарь комитета ВЛКСМ ЛГУ. По инициативе комсомола из студентов и сотрудников университета формировались молодежные строительные бригады. В них состояло абсолютное большинство студентов. Силами студенческих бригад были проведены значительные работы в общежитиях на проспекте Добролюбова, Мытинской набережной, 7-ой линии Васильевского острова⁵¹.

Университет усердно готовился к началу нового учебного года. Однако объем необходимых ремонтных работ в начале осени 1944 г. оставался большим. Ученая-химик Т.А. Фаворская, вернувшаяся в сентябре 1944 г. из эвакуации, так описывает внешний вид здания Двенадцати коллегий: «Вот и Университет. Главное здание не пострадало от обстрелов, но имеет полинялый, обшарпанный вид, во дворе между булыжниками мостовой виднеются кустики травы»⁵². Также автор пишет о повреждениях, причиненных зданию Химического института. Через все этажи одной из стен проходила трещина, крыша была пробита осколками, почти все стекла были выбиты. В первую очередь, сотрудники университета провели ремонт и покраску крыши, заменив пробитые железные листы на новые. Более серьезные повреждения устраняли впоследствии квалифицированные строители. Однако своими силами сотрудники университета также проводили ремонт жилых помещений, снимали фанеру с окон, устанавливали новые стекла взамен разбитых⁵³.

При этом Главное здание, Физический и Ботанический институты потребовали сравнительно небольшого ремонта. К концу сентября ремонтные работы в учебных корпусах были закончены. В здании физического факультета студенты завершали ремонт водопровода и отопления⁵⁴. По воспоминаниям Л.Л. Эльяшовой: «Чтобы к октябрю 1944 года подготовить университет к занятиям, работали все. Вновь подготовленные кровельщики,

⁴⁸ Мнухина Р.С. Незабываемые дни. С. 124.

⁴⁹ Тамберг Т.Г. Воспоминания о годах войны. С. 186.

⁵⁰ Качаева В.А. В те трудные годы // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 266.

⁵¹ Фирсов Н.Н. О восстановлении Университета. 1944–1945 учебный год // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 276.

⁵² Фаворская Т.А. Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2019. С. 707.

⁵³ Там же. С. 706.

⁵⁴ Эльяшова Л.Л. Мы помнили всюду, что мы — ленинградцы... С. 273.

штукатуры, маляры — студенты и сотрудники — привели в порядок почти все... Запомнилось, как <...> профессор Пропп стеклил окна, а романист, вскоре академик Будагов занимался кровельными работами»⁵⁵. Также важно упомянуть о том, что в июле 1944 г. после длительной консервации работу возобновила научная библиотека им. Горького⁵⁶. Студентка истфака Р.Я. Хабибулина, возглавлявшая бригаду штукатуров, отремонтировала общежитие на 5-ой линии. В начале осени университетская столовая №8, на Биржевой, 6 еще не была восстановлена после серьезных повреждений, причиненных ей разрывом авиабомбы⁵⁷. На 2 октября было запланировано начало нового учебного года. 1 октября состоялся большой всеобщий воскресник. Студенты, преподаватели, работники университета провели генеральную уборку учебных помещений. 2 октября 1944 г. занятия начались во всех учебных корпусах.

Однако большое количество восстановительных работ еще предстояло провести. Необходимо было подготовить здания к зиме. Восстановление некоторых зданий университета также было отложено на будущее по причине нехватки времени и ресурсов для их восстановления в 1944 г. В ноябре при университете была создана школа строителей, рассчитанная на 200 человек. В ней осуществлялась подготовка электриков, маляров, штукатуров, плотников, слесарей и других специалистов⁵⁸. В декабре открылась столовая № 8 пропускной способностью в 2300 человек. Затем открылся детский сад на 50 мест⁵⁹. Согласно приведенной В.А. Овсянкиным статистике, на 1 декабря 1944 г. был выполнен значительный объем работ. Однако, как отмечает автор, в следующем году предстояло провести большее количество работ⁶⁰.

11 марта 1945 г. постановлением Совнаркома «О мероприятиях по восстановлению зданий и укреплению материальной базы Ленгосуниверситета» университету дополнительно предоставлено 4 млн. р. на приобретение оборудования и инвентаря и 4 млн. р. на восстановление и капитальный ремонт зданий и общежитий. Университет получил возможность восстановить наиболее пострадавшие здания, в числе которых разрушенное фугасной бомбой общежитие на 5-ой линии.

Итак, в первые месяцы Великой Отечественной войны здания ЛГУ обращали на себя особое внимание универсантов, которые стремились сохранить эти архитектурные памятники, оберегали их от зажигательных бомб и снарядов, организуясь в бригады местной противовоздушной обороны. Тяжелейшие условия первой блокадной зимы не позволили ослабевшим от голода и морозов универсантам с той же энергией следить за сохранностью огромного здания Двенадцати коллегий, из-за отсутствия остекления (в результате бомбежек и обстрелов) внутрь постройки проникал снег, однако наиболее востребованные аудитории — Актный зал, к примеру, — старались поддерживать в удовлетворительном состоянии.

Здание Новобиржевого Гостиного двора, подвергавшееся вражеским ударам, оказалось в ведении медицинского госпиталя, что в какой-то мере гарантировало относительную сохранность переоборудованной под нужды госпиталя постройки.

⁵⁵ *Эльяшова Л.Л.* Мой блокадный Университет. С. 91–92.

⁵⁶ *Ежов В.А., Мавродин В.В.* Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. С. 82.

⁵⁷ *Хабибулина Р.Я.* Выпускники сорок пятого, победного // «Возрождение»: Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда: [Сборник / Сост. В.А. Кутузов, Э.Г. Левина] ; Ред. коллегия: В.А. Ежов [и др.]. Л., 1977. С. 270.

⁵⁸ *Овсянкин В.А.* И строили, и учились. С. 276.

⁵⁹ Там же. С. 277.

⁶⁰ Там же.

Полное освобождение Ленинграда от блокады и последовавшая эвакуация университета в город на Неве обусловили начало ремонтно-восстановительных работ, участие в которых принимали и профессорско-преподавательский состав, и студенчество вуза.

Список литературы

Амосов Н.Н., Золотницкая Р.Л., Ельяшова Л.Л. Никто не может, не имеет права оставаться в стороне (из истории комсомольской организации университета. 1941–1942 гг.) // Ленинградский университет в Великой Отечественной [1941–1945] : Очерки / [Редкол.: Ю.Д. Марголис (отв. ред.) и др.]. Л., 1990. С. 72–99.

Добренко Е. Блокада реальности: Ленинградская тема в соцреализме // Блокадные нарративы : Сборник статей / Сост., предисл. П. Барсковой, Р. Николози. М., 2017. С. 20–46.

Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 88 с.

Ежов В.А., Мавродин В.В. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1976. Т.3. С. 3–17.

Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 2. С. 14–23.

Ельяшова Л.Л. Мы помнили всюду, что мы — ленинградцы... // Ленинградский университет в Великой Отечественной [1941–1945] : Очерки / [Редкол.: Ю.Д. Марголис (отв. ред.) и др.]. — Л., 1990. С. 213–287.

References

Amosov N.N., Zolotnitskaya R.L., Elyashova L.L. Nikto ne mozhет, ne imeet prava ostavat'sja v storone (iz istorii komsomol'skoj organizacii universiteta. 1941–1942 gg.) [No one can, has the right to stay away (from the history of the Komsomol organization of the university. 1941–1942)], in *Leningradskij universitet v Velikoj Otechestvennoj [1941–1945]* : Essays / [Editorial board: Y.D. Margolis (ed.), etc.]. — Leningrad., 1990. P. 72–99. (in Rus.).

Dobrenko E. Blokada real'nosti: Leningradskaja tema v soerealizme [Blockade of reality: The Leningrad theme in social realism], in *Blokadnye narrativy: Collection of articles* / Comp., preface by P. Barskova, R. Nikolozzi. Moscow, 2017. P. 20–46. (in Rus.).

Yezhov V.A., Mavrodin V.V. *Leningradskij universitet v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Leningrad University during the Great Patriotic War]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta Press, 1975. 88 p. (in Rus.).

Yezhov V.A., Mavrodin V.V. Uchenye Leningradskogo universiteta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Scientists of Leningrad University during the Great Patriotic War], in *Ocherki po istorii LGU*. Leningrad., 1976. Vol 3. P. 3–17. (in Rus.).

Sobolev G.L., Khodyakov M.V. Poteri Leningradskogo universiteta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Losses of Leningrad University during the Great Patriotic War], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2010. No. 2. P. 14–23. (in Rus.).

Elyashova L.L. My pomnili vsjudu, chto my — leningradcy... [We remembered everywhere that we were Leningraders...], in *Leningradskij universitet v Velikoj Otechestvennoj [1941–1945]* : Essays / [Editorial board: Y. D. Margolis (ed.), etc.]. Leningrad, 1990. P. 213–287. (in Rus.).

МУЗЕЙ

Никонова А.А.

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ—ИСТОРИЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Никонова, Антонина Александровна—кандидат философских наук, доцент, руководитель основной образовательной программы «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.nikonova@spbu.ru.

Статья посвящена анализу выставки Государственного Эрмитажа «Древнейшее прошлое Ленинградской области», которая была открыта в 1957 году. Выставочный проект стал заметным явлением в истории Эрмитажа и обсуждался на заседании Отдела первобытной культуры в 1958 году с участием специалистов из музеев и научно-исследовательских институтов и ВУЗов Ленинграда. Одним из авторов выставки был археолог А.Д. Столяр, который оставил подробные воспоминания о процессе создания выставки. При создании выставки впервые были применены новые методы экспонирования археологического материала. Результаты выставочного проекта сразу получили свое освещение в публикациях авторов проекта. Концепция выставки, ее реализация, публикации в научной литературе являются исключительным источником по истории музееведения. Дополняет эти материалы «Протокол № 1 объединенного научного заседания Отдела истории первобытной культуры и секции палеолита Ленинградского Отделения Института истории материальной культуры», который сохранился в архиве Эрмитажа. В статье предприняты анализ стенограммы заседания и выделение основных научных и методических вопросов, обсуждавшихся на заседании. Уникальность рассматриваемого документа состоит в том, что были сформулированы важные теоретические вопросы экспозиционного проектирования, которые требовали дальнейших исследований в репрезентации археологического материала.

Ключевые слова: музей, археологический комплекс, выставка, экспозиция, концепция, метод экспонирования, экспонат, достоверность, Государственный Эрмитаж, А.Д. Столяр.

THE EXHIBITION PROJECT—HISTORY IN THE ARCHIVED DOCUMENTS

Nikonova, Antonina Alexandrovna—Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor, Head of Educational Program “Museology and Conservation of Cultural and Natural Heritage Sites”, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, a.nikonova@spbu.ru.

The article is devoted to the analysis of the exhibition of the State Hermitage Museum “The Ancient past of the Leningrad region”, which was opened in 1956. The exhibition project became a notable phenomenon in the history of the Hermitage and was discussed at a meeting of the Department of Primitive Culture in 1957 with the participation of specialists from museums and research institutes and universities of Leningrad. One of the authors of the exhibition

was the archaeologist A.D. Stolyar, who left detailed memories of the process of creating the exhibition. There were new methods of displaying archaeological material used for the first time at that exhibition. The results of the exhibition project immediately received their coverage in the publications of the authors of the project. The concept of the exhibition, its implementation, and publications in the scientific literature are an exceptional source on the history of museology. These materials are supplemented by the “Protocol № 1 of the joint scientific meeting of the Department of the History of Primitive Culture and the Paleolithic Section of the Leningrad Branch of the Institute of History of Material Culture”, which is preserved in the Hermitage archives. The article analyzes the transcript of the meeting and highlights the main scientific and methodological issues discussed at the meeting. The uniqueness of the document under consideration lies in the fact that important theoretical issues of exhibition design were formulated, which required further research in the representation of archaeological material.

Key words: museum, archaeological complex, exhibition, exposition, concept, method of exposure, exhibit, authenticity, the State Hermitage, A.D. Stolyar.

Архивные документы по истории и практике экспозиционно-выставочной деятельности, хранящиеся в музеях России, стали объектом пристального внимания исследователей только в последние 30 лет. Среди разнообразия архивных источников особенно ценны документы, которые относятся ко второй половине XX в. Анализ данных письменных источников позволяет раскрыть динамику формирования методов проектирования выставок и экспозиций в послевоенный период, обоснование новых принципов и подходов к содержанию экспозиций и выставок а, главное, сравнить и проанализировать каждый экспозиционный проект предшествующего исторического периода в контексте современных проблем музееведения.

В 2021 году мы отмечали 100-летний юбилей доктора исторических наук, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заведующего кафедрой археологии (с 1972 по 1996 гг.), сотрудника Эрмитажа (с 1956 по 1964 гг.) Абрама Давидовича Столяра. Тогда при подготовке юбилейного номера журнала «Музей. Памятник. Наследие» удалось познакомиться с архивными документами, хранящимися в личном деле А.Д. Столяра в Государственном Эрмитаже (АГЭ. Ф. 1. Оп.13. Д. 818)¹. Среди официальных документов и кратких биографий оказался интересный и редкий документ — «Протокол № 1 объединенного научного заседания Отдела истории первобытной культуры и секции палеолита Ленинградского Отделения Института истории материальной культуры», посвященный обсуждению выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области»². Заседание состоялось 24 января 1958 года. Одним из авторов этой выставки был А.Д. Столяр. Данную статью, в год 300-летия Санкт-Петербургского университета и 20-летия Кафедры музейного дела и охраны памятников, я посвящаю его памяти.

Но одновременно хочу вспомнить замечательного человека, друга Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ, преподававшего несколько лет студентам кафедры, кандидата искусствоведения, заместителя генерального директора Государственного Эрмитажа по выставкам и развитию Владимира Юрьевича Матвеева. В частных разговорах о подготовке будущих музейных специалистов мы с Владимиром Юрьевичем затрагивали

¹ Электронный журнал «Музей. Памятник. Наследие». 2021. № 1 (9). URL: <http://museumstudy.ru/muzej-pamyatnik-nasledie-1-9-2021> (Дата обращения: 01.03.2024 г.).

² См. Приложение № 1.

различные актуальные темы деятельности современных музеев. И как-то я обратила его внимание, что в научной литературе по музееведению мало работ, анализирующих музейные источники о выставочной деятельности. И через несколько лет В.Ю. Матвеев вместе с коллегами из Эрмитажа опубликовал четырехтомное издание-каталог, посвященное истории выставочной деятельности Государственного Эрмитажа³. В рецензии на это издание в журнале «Вопросы музеологии» в 2013 году я писала, что «для любого направления деятельности музея наличие полных справочных изданий является первой ступенью на пути к теоретическому изучению деятельности и выявлению ее сильных и слабых сторон. Следующий уровень должен быть связан с детальным анализом содержательных характеристик и особенностей выставочной деятельности музея в сравнении с экспозиционной. Поэтому хотелось бы увидеть в издании более подробный анализ источников исследования, особенно материалов Научного архива (Отдела рукописей и документального фонда), например, анализ “Отчетов об экспозиционной, научной, научно-просветительской, учетно-хранительской и реставрационной работе Гос. Эрмитажа”»⁴.

Одним из таких документов и является Протокол № 1. Он позволяет нам затронуть важную исследовательскую тему: изучение особенностей методов экспозиционного проектирования в послевоенное время в отечественной истории музееведения. Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области», подготовленная сотрудниками Эрмитажа и открытая в 1957 году, уже в то время стала заметным явлением в экспозиционно-выставочной деятельности музея. В ней впервые были применены новые методы экспонирования трудного для показа археологического материала. Результаты выставочного проекта сразу получили свое освещение в публикациях авторов проекта. Так, в 1958 году вышли две статьи о выставке: Я.В. Доманского и А.Д. Столяра в «Сообщениях Государственного Эрмитажа»⁵ и Г.П. Гроздилова и А.Д. Столяра в журнале «Советская археология»⁶. Это были первые в отечественной историографии работы, посвященные вопросам экспонирования археологических материалов в музейных экспозициях⁷. Значение выставки было отмечено и в отчетной статье Отдела истории первобытной культуры, которая была опубликована в Сообщениях Государственного Эрмитажа в 1962 году⁸. Новаторство, актуальность методов экспонирования и результаты осмысления сложного историко-культурного материала, представленного на выставке «Древнейшее прошлое Ленинградской области», в дальнейшем получили достойную оценку в статье С.С. Сорокина,⁹ а значение выставки

³ Матвеев В.Ю. Эрмитаж «всемирный», или Планета Эрмитаж: Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже. СПб., 2012.

⁴ Никонова А.А. [Рецензия] Матвеев В.Ю. Эрмитаж «всемирный», или планета Эрмитаж. Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже: Научно-справочное издание. СПб.: Славия, 2012. 540 с., 22 ил. // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 222.

⁵ Доманский Я.В., Столяр А.Д. Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области». (Опыт нового метода экспозиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1958. Вып. 14. С. 11–14.

⁶ Гроздилов Г.П., Столяр А.Д. К вопросу о построении музейно-археологической экспозиции // Советская археология. 1958. № 4. С. 227–231.

⁷ Тихонов И.Л. Проблемы экспонирования археологических коллекций // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 71–84.

⁸ Галанина Л.К., Доманский Я.В. Об экспозиционной работе Отдела истории первобытной культуры // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. 22. С. 3–6.

⁹ Сорокин С.С. Некоторые вопросы совершенствования экспозиций историко-культурного типа // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1967. Вып. 28. С. 3–6.

в истории выставочной деятельности Государственного Эрмитажа и истории археологии в работах В.Ю. Матвеева¹⁰, И.Л. Тихонова,¹¹ Е.Ю. Соломахи¹², упомянута выставка и в коллективной монографии «Эрмитаж. История и современность. 1764–1988»¹³. Основные краткие сведения и фотографии выставки размещены и в Электронной энциклопедии Эрмитажа, Т.1 Археология¹⁴. В корпусе научной литературы о выставке особое место занимают воспоминания одного из основных авторов проекта — Абрама Давидовича Столяра (1921–2014), которые позволяют нам сегодня частично восстановить историю ее создания.

На вопрос о том, почему первая статья о выставке была написана в соавторстве с Ярославом Витальевичем Доманским¹⁵, мы находим ответ в воспоминаниях Абрама Давидовича. Он пишет: «...так мы вдвоем изначально составили определенную рабочую связку, которую вскоре частично дополнил только что принятый на работу в Эрмитаже в должности подсобника Виктор Павлов. Исполнение оригинальной экспозиции, не имевшей в Эрмитаже предшественников, к тому же, в предельно краткий срок (как помнится, вроде в два месяца) было крайне затруднительным. Многое усложнялось и неудобством предоставленного помещения (Кутузовский подъезд). Добавим к этому, что все технические операции пришлось выполнять руками строителей — мы пилили и строгаляли, создавая стенды; затем клеили и красили сами щиты. И все же выставка, рожденная общим энтузиазмом и как-то передающая пиетет и любовь к истории уникальной сферы нашего обитания, в общем получилась. Выигрышной оказалась и ее необычность, представившая общему обсуждению установку на повествовательный характер самой экспозиции. В этой связи мне и Я.В. была поручена отчетная статья «Выставка “Древнейшее прошлое Ленинградской области”», опубликованная в «Сообщениях Государственного Эрмитажа»¹⁶.

Особенно подробно и эмоционально создание выставки описано им в статье «Воспоминания об Учителе», посвященной юбилею М.И. Артамонова. Роль директора Эрмитажа как инициатора и творческого руководителя несомненна. Из воспоминаний А.Д. Столяра мы узнаем, что выставка готовилась к празднованию отложенного юбилея 250-летия г. Ленинграда. Идея и тема выставки принадлежала М.И. Артамонову, который, как пишет Абрам Давидович, как-то заглянул на заседание Отдела. «Весной 1956 года (напомним, что тогда с опозданием на 3 года готовился 250-летний юбилей «прощенного» Ленинграда) Михаил Илларионович буквально зажег весь коллектив первобытного отдела, возглавляемого Марией Захаровной Паничкиной, идеей преобразования «академических» экспозиций на основе повествовательной подачи материалов

¹⁰ Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединенный», или Выставочная мозаика Эрмитажа. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. СПб., 2014. С. 326.

¹¹ Тихонов И.Л. Проблемы экспонирования археологических коллекций.

¹² Соломаха Е.Ю. Абрам Давидович Столяр и Эрмитаж: по материалам научного архива Государственного Эрмитажа // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 18–24.

¹³ Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990.

¹⁴ Электронная энциклопедия Эрмитажа. Т. 1. Археология. URL: <https://archaeoglobus.sfu-kras.ru/event/vystavka-drevnee-proshloe-leningradskoj-oblasti/> (Дата обращения: 01.03.2024 г.).

¹⁵ Доманский Ярослав Витальевич (1928–2004) — археолог и историк, специалист по скифской и античной археологии.

¹⁶ Столяр А.Д. «По Бесовым следам...» (сорок лет спустя) // Ευχαριστήριον. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 293.

(включение условных реконструкций, схематических дорисовок, компоновка артефактов с документальными крупномасштабными фотографиями и др.), более доходчивой для нашего современника. Он вспомнил по замыслу подобную, но во многом социологически примитивную попытку в 30-е годы только что созданного первобытного отдела. Почти завершенная такая экспозиция в Фельдмаршальском зале тогда открыта не была, но несколько зафиксировавших этот опыт фото-негативов отыскать удалось. Познакомил нас М.И. и со своими аналитическими впечатлениями о некоторых экспозициях музеев Болгарии, Венгрии и ГДР, частично как бы подхвативших и усовершенствовавших сорвавшийся почин первобытников Эрмитажа. Закипела подлинная страда, когда все работы (включая столярные и малярные) выполнялись сотрудниками отдела. Наступившие белые ночи делали рабочий день неограниченным. К юбилейному сроку (конец мая) была открыта экспериментальная выставка на Салтыковском подъезде «Древнейшее прошлое Ленинградской области», принятая очень тепло посетителями (особенно многочисленными школьными экскурсиями)¹⁷. Архивные документы уточняют, что к оформлению выставки были привлечены научно-исследовательские экспериментальные мастерские Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухомовой¹⁸.

Теперь обратимся к рассмотрению самого текста Протокола № 1 объединенного заседания Отдела истории первобытной культуры и секции палеолита Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (9 листов). К протоколу подшиты два документа: объявление о заседании, в котором указывается, что 24 января 1958 г., в пятницу в Эрмитаже состоится объединенное заседание Отдела истории первобытной культуры и секции палеолита Института истории материальной культуры; повестка—осмотр и обсуждение выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области»; показ ведет гл. хранитель Отдела Григорий Павлович Гроздилов и список присутствовавших (26 человек) на осмотре выставки «Далекое прошлое Ленинградской области»¹⁹. Среди них были не только сотрудники Эрмитажа и ИИМКа, но ученые из ЛГУ, Музея Антропологии и Этнографии, Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), Института Этнографии, Киевского государственного университета. В списке есть зачеркнутые фамилии (Дьяконова и Чистов?)²⁰. Поскольку на заседании выступали не все, то количество присутствовавших на нем точно определить нельзя. Председателем заседания была руководитель Отдела первобытной культуры Паничкина Мария Захаровна; секретарем Оятева Елена Ивановна²¹. В обсуждении участвовало 11 человек: Крижевская Лия Яковлевна (ЛО ИИМК), Борисковский Павел Иосифович (ЛО ИИМК), Яковлева (геолог)²², Андреева Марина Викторовна, сотрудница Просветительского отдела Эрмитажа, Федоров Василий Васильевич (Музей Антропологии и Этнографии), Левенок Всеволод Протасович (ЛО ИИМК), Грязнов Михаил

¹⁷ Столяр А.Д. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1998. С. 40.

¹⁸ Архив Государственного Эрмитажа (далее—АГЭ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 930. Л. 4.

¹⁹ Приложение 2. Вероятно, мы фиксируем случайную ошибку в названии выставки?

²⁰ Список посетивших выставку подшит после титульного листа Протокола (см. Приложение № 2).

²¹ Паничкина Мария Захаровна (1904–1977)—заведующая Отделом с 1955 по 1960 год. Оятева Елена Ивановна (1923–2021)—старший научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (1947–2020), заслуженный работник культуры.

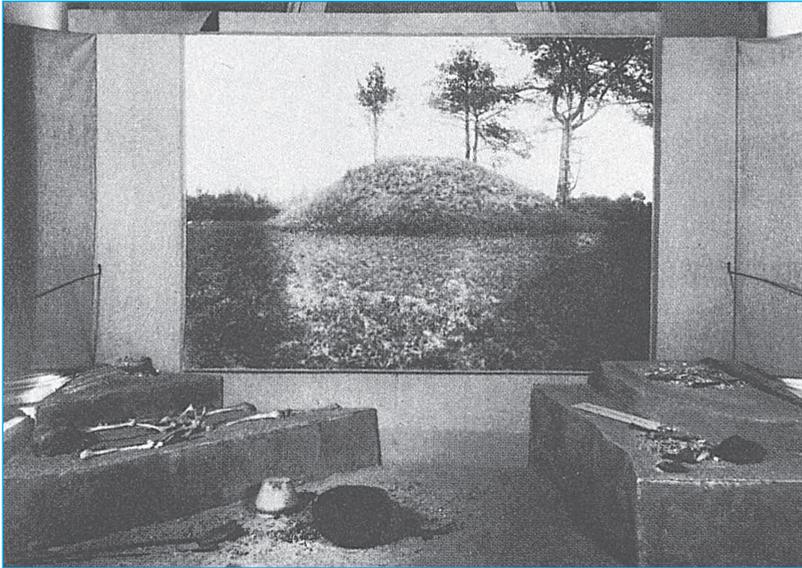
²² Имя и отчество не удалось найти.

Петрович (1902–1984) (сотрудник Эрмитажа и ЛО ИИМК), Столяр Абрам Давидович (сотрудник Эрмитажа), Окладников Алексей Петрович (ЛО ИИМК), Гроздилов Григорий Павлович (главный хранитель Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа) и завершала дискуссию Паничкина Мария Захаровна. Дискуссию открыла Лия Яковлевна Крижевская (1916–1995), специалист в области изучения каменного века лесной и степной зон Евразии. Ее выступление сразу определило направление обсуждения — это выделение новаторских выставочных приемов и обсуждение методов показа на выставке новых материалов и научных гипотез. Особо Л.Я. Крижевская обратила внимание на экспонирование реконструкции неолитического жилища и показ новой технологии обработки макролитов. Лия Яковлевна предложила и возможные тематические добавления в выставочный проект, например, дополнить имеющиеся комплексы материалами по обработке кости в неолите, представить реконструкцию топоров и более полно раскрыть тему «искусство и верования». Все выступавшие единодушно подчеркнули новаторский подход в экспонировании археологического материала, используя такие эпитеты: «необычная» (Крижевская), «свежая струя в экспозиционной работе» (Забелина).

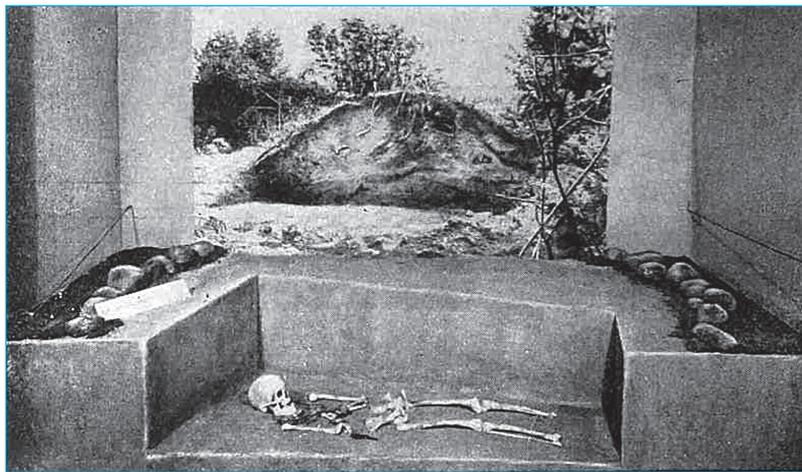
Наиболее интересными являются выступления В.В. Федорова, М.П. Грязнова и А.П. Окладникова. Анализ стенограммы заседания позволяет выделить несколько ведущих тем и вопросов обсуждения. Основной темой обсуждения была новизна методов экспонирования, которая рассматривалась как продолжение новых подходов, уже имевшихся в предшествующей практике эрмитажных сотрудников в 30-е годы (Грязнов) и схожих современных методов выставочных решений в странах Европы, например, в Чехословакии. Так, П.И. Борисковский предлагал использовать опыт чешских коллег и показать макет погребения ниже уровня пола (рис. 1, 2). Сравнительный анализ предыдущего экспозиционного опыта позволил участникам заседания выделить удачные решения и преимущества, например, возможность экспонировать большее количество музейных предметов, в отличие от существовавшей в Эрмитаже на тот период археологической экспозиции. Поскольку основным вопросом обсуждения был разбор новых методов экспонирования, то каждый из выступающих выделил конкретный, с его точки зрения, метод или принцип экспонирования. Одновременно упомянуты были и новые технические приемы показа, например, П.И. Борисковский выделил как положительное достижение применение электрофицированных карт. А сотрудник просветительского отдела (М.В. Андреева) обратила внимание коллег на то, что принципы экспонирования облегчают работу экскурсовода, так как «вещи говорят». В результате обсуждения А.П. Окладников сформулировал три основных достоинства экспозиционного метода выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области»:

1. осуществлен жесткий отбор наиболее выразительных (аттрактивных) музейных предметов для экспонирования;
2. продумано размещение экспонатов (как музейных предметов, так и вспомогательных материалов (рисунков, схем, фото) в экспозиционных комплексах;
3. оригинально графическое оформление выставки.

Важной и интересной темой обсуждения стала художественная концепция выставки, в частности, возникла небольшая дискуссия о цвете и материале фона выставочных витрин и щитов. Основным материалом оформления стен выставки было полотно серого цвета. Мнения специалистов разделились, так большинство выступающих отметило, что на сером фоне музейные предметы «теряются», а фотографии, в отличие от экспонатов, воспринимаются более ярко (Забелина, Федоров), в то же время Грязнов отметил, что

Рис. 1 Курган у деревни Заозерье X–XI вв.

Рис. 2 Курган у с. Ольгин Крест. XII в. (макет)

вещи на сером цвете смотрятся лучше (рис. 3). Обсуждался и вопрос экспозиционного оборудования. Было отмечено удачное применение застекления плоскостных щитов, однако, такое оборудование возможно применять только на выставках, а для экспозиций необходимо заказывать иное оборудование и следить за тщательностью остекления (Грязнов).

Отмечена была и попытка авторского коллектива выставки вписать отдельный музейный предмет или археологический комплекс в историко-культурный или технологический контекст. Так, на заседании были высказаны предложения о необходимости расширить тематические комплексы, например, к комплексам, показывающим технологию обработки камня, добавить стенд с технологией обработки кости; было высказано

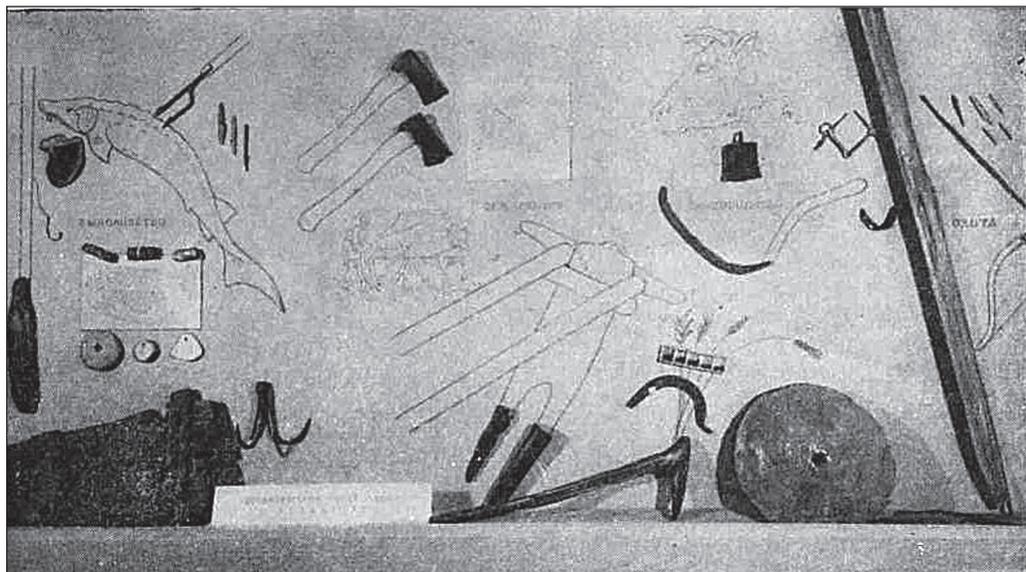

Рис. 3 Древнерусский город Ладога. Хозяйство

предложение добавить щиты с материалом о применении орудий труда в быту и щит о древнейшем искусстве и веровании данного региона (рис. 4). Интересным предложением было добавить карты с геологическими характеристиками поселений и карты с расположением археологических памятников (Яковлева). Не остались без внимания атрибутивные ошибки и фактические недочеты, спорные трактовки и иные сложные научные вопросы. Одним из обсуждаемых вопросов была проблема исторической достоверности (Федоров, Грязнов). Таким образом, уникальность рассматриваемого документа, состоит в том, что были частично сформулированы или определены важные теоретические вопросы экспозиционного проектирования, которые требовали дальнейших исследований в репрезентации археологического материала, требовали поиска консенсуса между спорными вопросами научных исследований и возможностями экспозиционных методов раскрыть их для музейных посетителей. Например, вопрос о том, можно ли для полноты представлений о неолите региона использовать на выставке материалы из других регионов? Обсуждалась проблема методов экспонирования дискуссионных вопросов, существующих на данный момент в археологической науке. Раскрывать данные проблемы в утвердительной форме или не показывать совсем? Каково значение пояснительных текстов и экспликаций при постановки сложных проблем археологической науки? В.В. Федоров предложил для обоснование реконструкции крыши землянки или показа сборных женских украшений использовать более подробные этикетки (рис. 5). А.П. Окладников отметил необходимость дополнения материалов и пояснений к экспозиционным блокам по геологии Ленинградской области и социальному строю и верованиям в неолите. В процессе обсуждения выявились важная проблема проектирования экспозиций и выставок, которая и сегодня актуальна для музеев России — это необходимость учитывать особенности восприятия посетителем сложных научно-исследовательских результатов, а также вопрос о том, какие способы и принципы использовать при создании концепции выставки. Формировать уровень понимания и умения считывания научно-исследовательской информации у посетителя или остановиться на создании научно-популярных

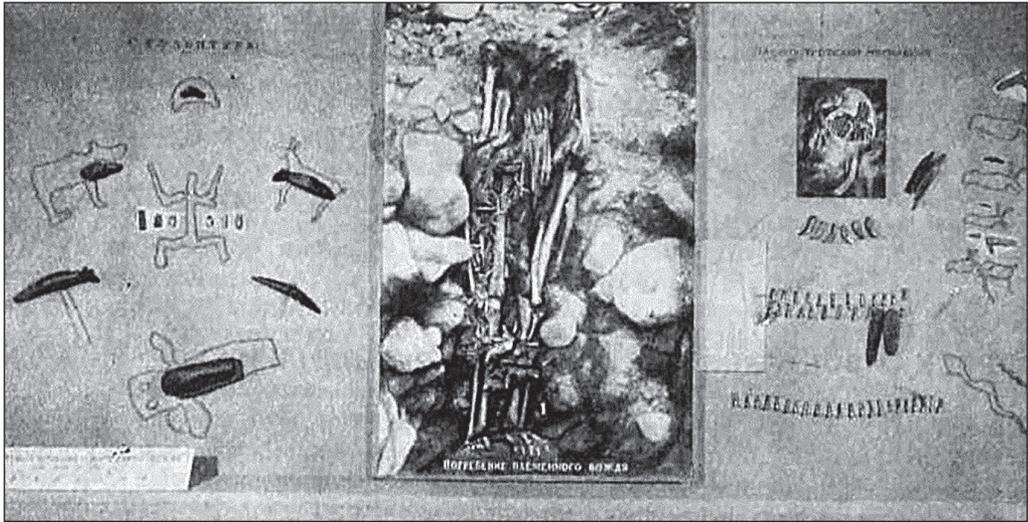

Рис. 4 Искусство и верования неолитического человека. Карелия

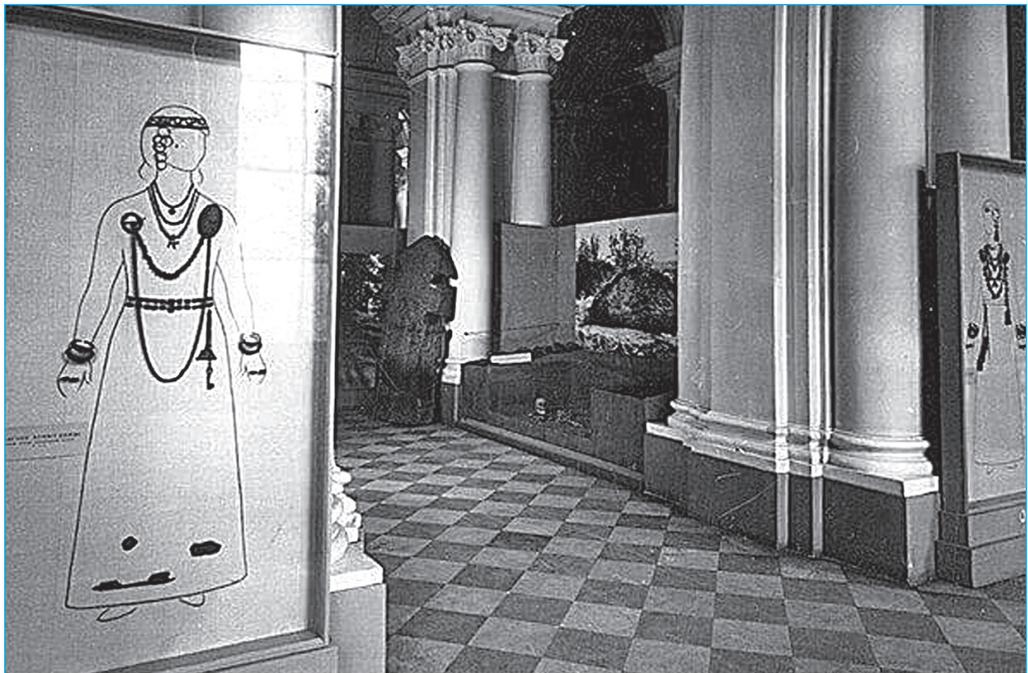

Рис. 5 Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области».
Государственный Эрмитаж

экспозиционных проектов? Возникает дилемма, как показывать еще нерешенные в науке вопросы, возможно их надо разъяснять отдельно (Грязнов), при этом показывать спорные вопросы осторожно (Гроздилов). Поэтому, как отметила М.В. Андреева, сотрудникам просветительского отдела посетителям показывать выставку трудно. Участники обсуждения отметили и явные атрибутивные ошибки, которые необходимо исправить.

Например, на выставке в разделе неолита представлена лодка, выдолбленная железными инструментами (Грязнов), или одно из экспонируемых тесел интерпретировано как топор (Крижевская), но оно таковым не является (рис. 6).

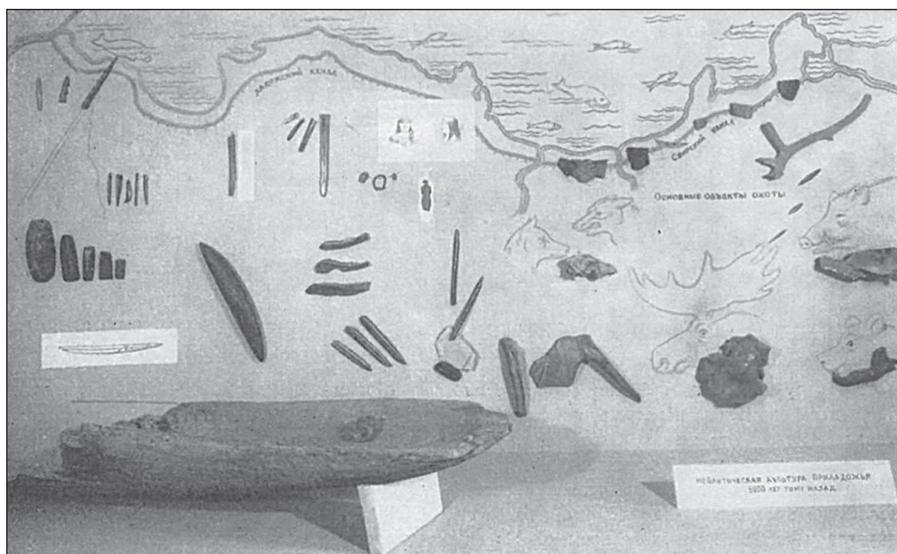

Рис. 6 Неолитическая культура Приладожья

Одновременно высказывались пожелания использовать в будущих выставочных и экспозиционных решениях принципы экспонирования, опробованные на данной выставке. Однако, в то же время, отмечалась необходимость учета различий в концепциях экспозиций и выставок особенно при экспонировании коллекций по археологии. Постоянная экспозиция Эрмитажа, в отличие от данного выставочного проекта, должна создаваться по иному принципу и состоять из двух разделов: синтетического и тематического (показа отдельных уникальных археологических комплексов). В то же время было отмечено, что новые подходы, методы и принципы, примененные в выставочном проекте «Древнейшее прошлое Ленинградской области», могут составлять вводный раздел к любой археологической экспозиции (Окладников).

На замечания коллег ответил А.Д. Столяр, который, отметив уникальность выставки, согласился с тем, что ошибки надо обязательно исправить, но не со всеми замечаниями можно согласиться. Недочеты и огрехи выставочного проекта он объяснил недостатком времени, материалы пришлось спешно готовить. Завершила дискуссию Мария Захаровна Паничкина. Она отметила коллективное творчество всего Отдела. «Замечания необходимо учесть <...> реконструкция Нарвской землянки не противоречит имеющимся данным, а вот лодку надо убрать (жаль, что М.П. Грязнов не сообщил об этом факте заранее)». Некоторые вопросы авторы выставки не смогли решить по техническим причинам. По ее мнению, судя по дискуссии — выставка в основном одобрена. Она обратилась с просьбой ко всем участникам помогать и в дальнейшем Отделу в работе над археологической экспозицией.

Атмосфера свободного обсуждения, уважительное отношение к мнению коллег и желание выявить сильные и слабые стороны новаторского выставочного проекта позволили сформулировать и меру ответственности эрмитажных сотрудников «перед музейным

сообществом страны», поскольку отмеченные ошибки могут быть повторены в других музеях. Этот вывод был повторен в статье Гроздилова и Столяра. Авторы резюмируют: «Выставка хорошо смотрелась посетителями Эрмитажа и положительно оценена музейными работниками ряда городов, высказавшими желание использовать ее опыт»²³.

Изучение Протокола заседания ОИПКА выявляет некоторые вопросы, которые требуют дополнительных уточнений. Так, из аннотированного каталога выставок, опубликованного В.Ю. Матвеевым, мы узнаем, что в создании выставки принимали участие следующие организации: основные экспонаты были представлены из фондов Эрмитажа, но также экспонировались материалы ИИМКА, Государственного Исторического музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Ленинградского государственного университета (географического и геологического факультетов). Но в Протоколе есть замечание Гроздилова о том, что «Музей Этнографии отказал предоставить свои материалы». Уточнения требует и указание, данное в каталоге В.Ю. Матвеева, на то, что выставка была вновь восстановлена в декабре 1958г. Вероятно, речь идет о корректировке проекта в связи с замечаниями и ошибками. Этих сведений нет ни в одном из ранее изданных источников.

Выводы

Концепция выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области», ее реализация и обсуждение, а также своевременные публикации в научной литературе являются исключительным источником по истории музееведения и относятся к музееведческим исследованиям. До сего дня при экспонировании археологических материалов вызывает сложность создание научной концепции экспозиции или выставки. Например, такие важные вопросы: не «что» выставлять, а «как» выставлять или какие методы использовать для показа результатов научной атрибуции музейных предметов и как отразить достоверность интерпретации археологических комплексов — остаются проблемными. Сегодня, как и в 1958 году, вызывает дискуссии полнота сопроводительных и пояснительных текстов при экспонировании археологических комплексов. Следовательно, не исчезают препятствия в коммуникации с музейным посетителем, который не всегда готов воспринимать образный язык выставочного проекта. Поэтому попытка преодоления сложности восприятия семантики и функций археологических артефактов с помощью вспомогательных материалов, а именно, фотографий, рисунков, макетов, моделей и т.п., стала практическим и теоретическим шагом вперед в развитии экспозиционной деятельности. Еще одним новаторским методом, образовательный потенциал которого сегодня недостаточно полно применяется, можно считать метод реконструкции предметов с помощью графических прорисовок. Изучение архивного документа позволяет впервые зафиксировать необходимость межмузейного взаимодействия, особенно при обсуждении экспозиционно-выставочных проектов. Опыт, который сегодня, к сожалению, утрачен совсем.

Список литературы

Галанина Л.К., Доманский Я.В. Об экспозиционной работе Отдела истории первобытной культуры // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. 22. С. 3–6.

Гроздилов Г.П., Столяр А.Д. К вопросу о построении музейно-археологической экспозиции // Советская археология. 1958. № 4. С. 227–231.

²³ Гроздилов Г.П., Столяр А.Д. К вопросу о построении музейно-археологической экспозиции. С. 231.

Доманский Я.В., Столяр А.Д. Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области». (Опыт нового метода экспозиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1958. Вып. 14. С. 11–14.

Матвеев В.Ю. Эрмитаж «всемирный», или Планета Эрмитаж: Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже. СПб.: Славия, 2012. 540 с.

Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединенный», или Выставочная мозаика Эрмитаж. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2014. 593 с.

Никонова А.А. [Рецензия] Матвеев В. Ю. Эрмитаж «всемирный», или планета Эрмитаж. Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже: Научно-справочное издание. СПб.: Славия, 2012. 540 с., 22 ил. // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 221–223.

Соломаха Е.Ю. Абрам Давидович Столяр и Эрмитаж: по материалам научного архива Государственного Эрмитажа // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 18–24.

Сорокин С.С. Некоторые вопросы совершенствования экспозиций историко-культурного типа // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1967. Вып. 28. С. 3–6.

Столяр А.Д. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1998. С. 34–57.

Столяр А.Д. «По Бесовым следам...» (сорок лет спустя) // Εὐχαριστήριον. Антиковедско-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-история, 2007. С. 293–304.

Тихонов И.Л. Проблемы экспонирования археологических коллекций // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 71–84.

Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М.: Искусство, 1990. 366 с.

Электронная энциклопедия Эрмитажа. Т. 1. Археология. URL: <https://archaeoglobus.sfu-kras.ru/event/vystavka-drevnee-proshloe-leningradskoj-oblasti/> (Дата обращения: 01.03.2024 г.).

References

Domanskij Ja.V., Stoljar A.D. Vystavka «Drevnejshee proshloe Leningradskoj oblasti». (Opyt novogo metoda jekspozicii) [The Exhibition “The Ancient Past of the Leningrad Region”. (Experience of a new exposure method)], in *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitezha*. 1958. Vyp. 14. P. 11–14. (in Rus.).

Galanina L.K., Domanskij Ja.V. Ob jekspozicionnoj rabote Otdela istorii pervobytnoj kul'tury [About the exhibition work of the Department of the History of Primitive Culture], in *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitezha*. 1962. Vyp. 22. P. 3–6. (in Rus.).

Grozdilov G.P., Stoljar A.D. K voprosu o postroenii muzejno-arheologicheskoj jekspozicii [On the issue of building an archaeological exhibition in museum], in *Sovetskaja arheologija*. 1958. № 4. P. 227–231. (in Rus.).

Jelektronnaja jenciklopedija Jermitezha. T. 1. Arheologija [Electronic encyclopedia of the Hermitage. T. 1. Archeology]. URL: <https://archaeoglobus.sfu-kras.ru/event/vystavka-drevnee-proshloe-leningradskoj-oblasti/> (Data obrashhenija: 01.03.2024 g.). (in Rus.).

Jermitezha. Istorija i sovremennost'. 1764–1988 [Hermitage Museum. History and modernity. 1764–1988]. Moscow: Iskusstvo, 1990. 366 p. (in Rus.).

Matveev V. Ju. *Jermitezha «vsemirnyj», ili Planeta Jermitezha: Vystavochnaja dejatel'nost' muzeja za rubezhom i proizvedenija iz zarubezhnyh sobranij na vystavkah v Gosudarstvennom*

Jermitazhe [The “worldwide” Hermitage, or Planet Hermitage: Exhibition activities of the museum abroad and works from foreign collections at exhibitions in the State Hermitage]. St. Petersburg: Slavija, 2012. 540 p. (in Rus.).

Matveev V.Ju. *Jermitazh «uedinennyj», ili Vystavochnaja mozaika Jermitazh. Materialy k istorii vystavochnoj dejatel'nosti muzeja: vystavki v Jermitazhe i v centrakh Gosudarstvennogo Jermitazha* [The “secluded” Hermitage, or the Hermitage Exhibition Mosaic. Materials on the history of the museum’s exhibition activities: exhibitions in the Hermitage and in the centers of the State Hermitage]. St. Petersburg: Slavija, 2014. 593 p. (in Rus.).

Nikonova A.A. [Recenzija] Matveev V. Ju. *Jermitazh «vsemirnyj», ili planeta Jermitazh. Vystavochnaja dejatel'nost' muzeja za rubezhom i proizvedenija iz zarubezhnyh sobranij na vystavkah v Gosudarstvennom Jermitazhe: Nauchno-spravocnoe izdanie*. SPb.: Slavija, 2012. 540 s., 22 il. [Review], in *Voprosy muzeologii*. 2013. № 2 (8). P. 221–223. (in Rus.).

Solomaha E.Ju. *Abram Davidovich Stoljar i Jermitazh: po materialam nauchnogo arhiva Gosudarstvennogo Jermitazha* [Abram Davidovich Stolyar and the Hermitage: based on materials from the scientific archive of the State Hermitage], in *Muzej. Pamjatnik. Nasledie*. 2021. № 1 (9). P. 18–24. (in Rus.).

Sorokin S.S. *Nekotorye voprosy sovershenstvovanija jekspozicij istoriko-kul'turnogo tipa* [Some issues of improving historical and cultural exhibitions], in *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha*. 1967. Vyp. 28. P. 3–6. (in Rus.).

Stoljar A.D. *Vospominanija ob Uchitele* [Memories of the Teacher], in *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*. Vyp. 6. Simferopol', 1998. P. 34–57. (in Rus.).

Stoljar A.D. «Po Besovym sledam...» (sorok let spustja) [“Following the Demon’s Footsteps...” (forty years later)], in *Ευχαριστηριον. Antikovedchesko-istoriograficeskij sbornik pamjati Jaroslava Vital'evicha Domanskogo (1928–2004)*. St. Petersburg: Nestor-istorija, 2007. P. 293–304. (in Rus.).

Tihonov I.L. *Problemy jeksponirovanija arheologiceskikh kollekcij* [Problems of exhibiting archaeological collections], in *Muzej. Pamjatnik. Nasledie*. 2021. № 1 (9). P. 71–84. (in Rus.).

Протокол № 1
Объединенного научного заседания ОИПК и секции палеолита
ЛО ИИМК

24 января 1958 г.

Председатель: М.З. Паничкина

Секретарь: Е.И. Оятева

Повестка дня:

Осмотр и обсуждение выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области»

Показ выставки ведет гл. хранитель ОИПК Г.П. Гроздилов

Выступления:

Крижевская Л.Я.

Выставка настолько интересна и необычна, что сразу трудно охватить все положительные и отрицательные стороны. Выставка доходчива. Любопытна методическая трактовка материала. Вещи оживают. С этой точки зрения интересна модель неолитического жилища, хотя о жилищах неолитической эпохи можно спорить.

На щите «неолит» очень интересен раздел обработки каменных орудий, особенно новая трактовка обработки макролитов.

Надо дать реконструкцию не только топоров, но и тесел, тем более, что одно тесло ошибочно реконструировано как топор. Хорошо было бы сделать отдельный щит на тему: «Применение каменных орудий в быту».

Раз есть тема обработки камня, надо дать тему обработки кости. Недостаточно внимания уделено теме: «Искусство и верования». Материал для темы взят незначительный и однообразный. Нет мостика между эпохой камня и металла.

Принципы, использованные на выставке, необходимо применить при переделке постоянной выставки отдела.

Забелина

Выставка «Далекое прошлое Ленинградской области» — свежая струя в экспозиционной работе всех музеев.

Но на фоне серого полотна вещи теряются, особенно камни. Отсюда впечатление от выставки, что она слишком плоская и серая.

Нужно, чтобы фотографии не выделялись на щитах больше чем вещи. Для этого их можно было бы врезать в щит.

Щит с наскальными изображениями получился неудачно, т.к. изображения выглядят орнаментальным фоном для фотографий.

Борисковский П.И.

Выставка очень понравилась новым принципом показа вещей. Постоянная выставка отдела, хотя бы раздел палеолита, проигрывает в сравнении с выставкой «Древнейшее прошлое Ленинградской обл.». Необходимо учесть и отрицательные стороны. Неудачное помещение. В Чехословакии и др. странах приняты аналогичные принципы в экспозициях, поэтому теперь виднее положительные и отрицательные стороны их.

Отрицательной стороной прежде всего является то, что нельзя показать много вещей, следовательно, нужны дополнительные выставки.

Положительным моментом, который следовало бы использовать на выставке, является применение электрофицированных карт.

Макет погребения можно, как в Чехословакии, дать ниже уровня пола. Макет неолитического жилища выглядит слишком чистеньким.

Яковлева

Выставка дает ясное представление о назначении орудий, но необходимо дать к памятникам и их геологическую характеристику, особенно поселений.

Хорошо бы дополнить некоторые щиты небольшими картами, где отметить местонахождение памятника.

Андреева М.В.

Экскурсоводам показывать выставку ОИПК очень трудно. Выставка «Дальнее прошлое Ленинградской обл.» рассказывает без слов. Она увлекает зрителей. Поэтому работники научно-просветительного отдела приветствуют новые принципы в экспозиции.

Федоров В.В.

Нужно очень строго относиться к выставкам, устраиваемым в центральных музеях, т.к. ошибки, сделанные в Ленинграде, могут быть повторены в других музеях.

Действительно ли всё ясно на выставке? Нет, не все.

Для чего характеристика неолита дана применением вещей с других территорий? Я считаю это недопустимым.

Дискуссионные вопросы нельзя подносить в утвердительной форме. В макете Нарвской землянки нет чертежа, где зафиксировано местонахождение вещей, сотрудник их разложил по своему усмотрению. А крыша землянки могла быть и не такой.

В витринах с женскими украшениями надо пояснить, что они сборные. Нужны мелкие этикетки.

Помещение для выставки неудачное. Освещение недостаточное. Серый фон скучен. Вещи на нем теряются. Рисунки теряются тоже. Застекленные щиты — большая удача Эрмитажа.

Мелкие замечания: в остроге ошибочно прикреплен простой гарпун, сибирские крючки надо убрать, колчан, сделанный самими, неправильный, в нем наконечники разных типов и разного времени, фото Валдайской возвышенности в разделе геологии Лен.обл. ни к чему. Изображение петроглифов разновременные и ими нужно пользоваться острожно. Для щита «верования» вещи собраны разновременные и случайные.

Панорама современной Ладоги не связывается с вещами, помещенными на щите. Выставка новая, но от академичности резко уклонилась в другую сторону.

Левенок В.П.

Выставка очень удачная, понятная посетителю. Только мало крупных текстов. Очень удачно сделаны витринки с женскими украшениями на фоне контура женской фигуры.

Грязнов М.П.

Выставка для нас принципиально не является новой. В 30-х годах мы пытались создать что-то подобное, но не соблюли необходимую меру. Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской обл.» более удачная в этом отношении. Но нельзя делать кидку за

счет исторической достоверности. Поэтому лодку, сделанную металлическим орудием, с витрины неолитической культуры необходимо снять.

Те вопросы, которые не решены окончательно, обходить нельзя. Достаточно лишь оговорить их.

Недостатком выставки можно считать неудачное, ненужное украшательство: петроглифы на большом щите воспринимаются как заставки, карта оледенения не выглядит объектом, который нужно смотреть. Что касается фона, то вещи выглядят гораздо лучше на сером. Мебель пригодна только для временной выставки, для постоянной нужна защита от пыли. Застекление должно быть более тщательным.

Опыт такого рода выставки очень полезен для работы отдела.

Столяр А.Д.

Выставку «Древнейшее прошлое Ленинградской обл.» нельзя сравнивать ни с какой из выставок ОИПК.

Все замечания по выставке очень ценны, но не со всеми из них можно согласиться. Досадные ошибки необходимо ликвидировать. Очень жаль, что Мих. Петр. не сообщил раньше сведения о лодке. На вопрос, нужны ли сводные щиты, можно ответить утвердительно. И право на исторический синтез мы имеем.

На выставку ОИПК нельзя целиком переносить принципы выставки Лен. обл.

Выставка ОИПК будет разбита на 2 раздела:

1. Синтетический
2. Показ некоторых выдающихся комплексов.

Такое деление целесообразно. Можно иметь и отдельную, закрытую выставку для специалистов.

Окладников А.П.

Выставка очень интересна. Совершенно необходимое осмысление вещей для первобытной материальной культуры.

Выставка понятна. Это достигается: 1. Скупым отбором наиболее выразительных вещей; 2. Вещи продуманно расположены (горшки на песке, вещи на фото); 3. Хорошо использована графика.

Желательно под картой Ленинградской обл. в витринке показать комплекс вещей, отметив памятник на карте, дать портреты археологов, которые занимались изучением Ленинградской обл. Тему «социальный строй верования» выделить и пополнить. Геологию разработать подробнее. Задать вопрос, кто здесь жил? Не следует обходить и норманнскую проблему. Надо избегать изоляционизма. Дать карту связей.

Щит[ы] неолита и Старой Ладоги слишком большие. Тематически их расчленить.

Принципы выставки Лен. обл. можно применить как вводный раздел к любой археологической выставке. Такой показ материала будит у зрителя интерес к науке.

Необходимо, чтобы музеи помогали друг другу в устройстве выставок, делились материалами (Оленьего острова).

Гроздилов Г.П.

Выставка в некоторых случаях слишком популярна, нужно приглушить. Мелкие этикетки нужны. Дискуссионные вопросы нужно затрагивать, но очень осторожно. Музей в них проявляет самостоятельность. Материал для выставки пришлось спешно собирать. МЭ отказался дать материал совсем.

Михайлова А.А.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРМИТАЖА 1880-х–1920-х гг.

Михайлова, Арина Алексеевна—магистр музеологии, Санкт-Петербург, Россия, arina.museum.mikhailova@gmail.com.

Государственный Эрмитаж—универсальный музей, в котором культурное наследие Кавказа представлено довольно широко: открыты залы культуры и искусства Урарту, Армении и Грузии, Азербайджана и Дагестана (Кубачи), экспонируются памятники из Мошевой Балки и археологические находки из разных районов Северного и Южного Кавказа, а также кавказское оружие. В первой четверти XXI в. культурное наследие Кавказа было представлено на более чем 20 различных выставках музея. Однако практика экспонирования кавказских памятников в Эрмитаже имеет долгую историю, начавшуюся еще в конце XIX в. В данной статье рассмотрен ранний этап представления культурного наследия Кавказа на экспозициях и временных выставках Эрмитажа, приходящийся на 1880-е–1920-е гг. На основе литературы по истории музея и опубликованных источников (указателей отделений, буклетов к временным выставкам, путеводителей по Эрмитажу, карт и планов музея, а также фотографий экспозиций и выставок XIX–XX вв.) описаны особенности экспонирования кавказских памятников на постоянных экспозициях 1888 г., 1925 г. и временных выставках 1922 г., 1923 г. В статье отмечен переход от представления культурного наследия Кавказа на дореволюционных «художественных» экспозициях Эрмитажа к экспонированию памятников региона на экспозициях 1920-х гг., в которых научный подход—систематизация предметов по материалам и техникам, и далее по территориальному принципу—являлся главным критерием выделения крупных экспозиционных комплексов.

Ключевые слова: Эрмитаж, Кавказ, экспозиционно-выставочная деятельность.

THE CULTURAL HERITAGE OF THE CAUCASUS IN THE EXHIBITION ACTIVITY OF THE HERMITAGE MUSEUM IN 1880s–1920s.

Mikhailova Arina Alekseevna—Master of Museology, Saint-Petersburg, Russian Federation, arina.museum.mikhailova@gmail.com.

The State Hermitage Museum is a universal museum in which the cultural heritage of the Caucasus is represented quite widely: the halls of culture and art of Urartu, Armenia and Georgia, Azerbaijan and Dagestan are open, archaeological finds from different regions of the North and South Caucasus, as well as Caucasian weapons are exhibited. In the 21 century, the cultural heritage of the Caucasus was presented at more than 20 different exhibitions of the museum. However, the practice of exhibiting Caucasian monuments in the Hermitage has a long history, which began at the end of the 19 century. This article examines the early stage of the presentation of the cultural heritage of the Caucasus at the expositions and temporary exhibitions of the Hermitage museum, which occurred in the 1880s–1920s. On the basis of literature on the history of the museum and published sources (branch indexes, booklets for temporary exhibitions, guides to the Hermitage, maps and plans of the museum, as well as photographs

of expositions and exhibitions of the XIX–XX centuries), the features of exhibiting Caucasian monuments at permanent expositions (1888, 1925) and temporary exhibitions (1922, 1923) are described. The article notes the transition from the presentation of the cultural heritage of the Caucasus at the pre-revolutionary “artistic” expositions of the Hermitage to the expositions of the 1920s, in which the systematization of objects by materials and techniques, and further on the territorial principle was the main criterion for the allocation of large exposition complexes.

Key words: Hermitage, Caucasus, exhibition activity.

Кавказ—сложный как с культурной, так и с политической точки зрения регион, с непростой историей, здесь проживает около 50 народов, существуют значительные языковые и религиозные различия. Культурное наследие Кавказа—памятники разных эпох и народов—вызывает интерес, и кажется важным изучить специфику их представления не в национальном или этнографическом музее, а в музее универсальном, где культурное наследие Кавказа может восприниматься как часть мирового. Таким музеем является Государственный Эрмитаж. В 2021 г. в Эрмитаже открылась новая экспозиция культуры и искусства Азербайджана, в 2023 г. проходила выставка «Сокровища Аланского царства. К 1100-летию крещения Алании», а в 2024 г.—временная выставка «Уголок Эребуни в Эрмитаже». Экспозиционно-выставочная работа музея не прекращается, планируются и другие выставки, на которых будет представлено культурное наследие Кавказа. При принятии решений по их созданию, отбору памятников, выбору методов и подходов, музейные сотрудники зачастую апеллируют и к опыту предшественников. В связи с этим интересно обратиться к начальному этапу экспонирования кавказских памятников в Эрмитаже, к истории экспозиций конца XIX в.—первой трети XX в. В указанный период в собрание Эрмитажа входило значительное количество кавказских памятников: это и урартские древности, и кавказское оружие, и многочисленные находки из могильников Северного Кавказа и с территории Закавказья, а также отдельные грузинские, армянские, дагестанские, азербайджанские и аланские памятники.

Еще в конце XIX в. отдельные кавказские предметы могли выставляться в Эрмитаже на выставках Императорской Археологической комиссии как находки того или иного археологического сезона, однако первой эрмитажной постоянной экспозицией, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа, можно считать открывшиеся в феврале 1888 г. 18¹ (20)² залов первого этажа Большого (Старого) Эрмитажа, где ранее располагались помещения Государственного Совета и Комитета министров—совершенно не предназначенные для музейной экспозиции. В 1885 г. в связи с поступлением в Императорский Эрмитаж коллекции прикладного искусства А.П. Базилевского, а также богатой коллекции оружия (среди которого—немалое количество восточного) из упраздненного Царскосельского Арсенала, в музее было организовано отделение Средних веков и эпохи Возрождения, для которого и была создана указанная экспозиция. Согласно «Указателю отделения»³, составленному в 1891 г. старшим хранителем отделения Н.П. Кондаковым⁴, восточная ее часть была представлена в 4, 18, 19 и 20⁵ залах, а отдельные восточные памятники—еще в 13 и 14 залах.

¹ Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Пг., 1916. С. 2.

² Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. С. 1–369.

³ Он же. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891.

⁴ Сотрудники императорского Эрмитажа, 1852–1917. СПб., 2004. С. 85.

⁵ В 20 зале—только древности Великого Сарая—столицы Золотой Орды.

Зал под номером 4 или «Восточная зала» — ныне Зал Совета — представлял собой экспозицию оружия Востока: Индии, Персии, Турции, Средней Азии и Кавказа (рис. 1). Кавказское оружие представлено было наравне с другим восточным и среди него. Размещено оно было вдоль стены, располагающейся напротив входной двери. Располагалось оно и в шкафу с предметами турецкого происхождения, и в шкафу с седлами, и в стенной витрине с оружием Персии и Кавказа, и в характерных для оружейных экспозиций XIX века трофеях⁶: в одном случае совместно с персидским оружием, в двух других — отдельно предметы вооружения кавказских горцев⁷. В небольшом 18 зале на постаментах было выставлено различное огнестрельное оружие, что являлось логическим продолжением 17 зала с кремневыми ружьями. Здесь среди персидских, турецких, индийских, арабских, китайских ружей экспонировались черкесская двустволка и дагестанское ружье имама Дагестана Гамзат-бека⁸.

Рис. 1 Экспозиция Арсенала Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в здании Старого Эрмитажа. Восточный зал. Фотография ателье С.Л. и Р.С. Левицких. Конец 1890-х

Выставлялось на экспозиции не только кавказское оружие, но и другие памятники, происходящие с данной территории. Так, в зале 13 среди «христианских древностей» экспонировались три фрагмента грузинской торевтики, а в 14 зале — привезенные с Кавказа серебряные предметы, датированные тогда X–XIV вв., и найденный недалеко от Гори (Грузия) золотой браслет с гранатами⁹. Причем кавказские предметы в 14 зале выставлялись

⁶ Трофеи или военная арматура — смысловые и художественные композиции из оружия, доспехов, знамен, симметрично скомпонованные вокруг некого центра.

⁷ Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. С. 40–69.

⁸ Там же.

⁹ Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже: история формирования и изучения коллекции // *Tyragetia*. 2020. № 2. С. 332–333.

рядом с предметами с других территорий России, многие из которых никакой связи с русскими древностями (а зал был посвящен русским древностям до монгольского нашествия) не имели¹⁰. Говоря об особенностях дореволюционных археологических экспозиций Эрмитажа, И.Л. Тихонов отмечал, что экспонаты зачастую выставлялись не в археологических комплексах, а были разделены, более того, зачастую принцип хронологии или выделение экспозиционных комплексов по темам не соблюдались¹¹. Кавказские предметы в 14 зале иллюстрируют именно такой пример экспозиции в Эрмитаже.

Отдельно «древности Кавказа» были представлены на 53 таблицах в зале 19. Это были археологические находки из раскопок Императорской Археологической комиссии и приобретенной частной коллекции древностей Северного Кавказа К.И. Ольшевского: бронзовые фибулы, зеркальца, поясные пластинки, головные булавки, кольца, бронзовые браслеты и налокотники, серьги, топорики и т.д.¹² Как представляется из описания зала, за редкими исключениями (стеклянные бусы) экспозиция состояла из бронзовых предметов, а другие материалы не экспонировались. Большинство предметов относилось к кобанской культуре, но были представлены и находки из аланских могильников Камунта, Камбулта, Чми¹³.

Необходимо отметить, что данная экспозиция со временем видоизменялась. Путеводитель¹⁴, составленный в 1908 г., позволяет говорить о том, что кавказских предметов экспонироваться стало больше. Так в предваряющей Восточный зал Седельной комнате разместились не вошедшие в следующий зал восточные седла, кольчуги, ружья, среди последних были и 4 кавказских образца. Изменилась расстановка экспонатов в самом Восточном зале, что отражено и на фотографии начала XX в. (рис. 2). На месте постаментов с вазами в центре зала появились настольные витрины с образцами восточных сабель (среди которых — лезгинский палаш, кавказская шашка, грузинская сабля), и клинков различных сортов дамаска (в том числе грузинская сабля). Не упоминалось в предыдущем указателе о двух саблях кавказской работы в шкафу с подношениями эмиров Бухары, о саблях «персидского образца, но в частностях техники и отделки выдающих руку кавказского оружейника»¹⁵ на стене над указанным шкафом. Кавказское оружие выставлялось в витринах и отдельно, не среди другого восточного. Так, в одной из настенных витрин были представлены 4 образца клинков тифлисских мастеров первой четверти XIX в., кинжалы, жезл грузинской работы, пара железных стремян с грузинской надписью. В этой же витрине экспонировался кавказский доспех, над ней — кавказское холодное оружие, справа от нее — ряд кавказских шашек, на стойке под витриной — кавказские ружья XVIII–XIX вв. В другой витрине были выставлены кавказские пистолеты¹⁶.

Итак, культурное наследие Кавказа на экспозиции конца XIX в. — начала XX в. было представлено в нескольких залах. Кавказское оружие экспонировалось вместе с другим восточным как среди него, так и отдельными экспозиционными комплексами (только

¹⁰ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 451–452.

¹¹ Там же. С. 451–458.

¹² Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. С. 333–356.

¹³ Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже. С. 332–333.

¹⁴ Ленц Э.Э. Краткий путеводитель по собранию оружия в Отделении средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же.

Рис. 2 Экспозиция отделения Средних веков и эпохи Возрождения в Императорском Эрмитаже. Зал восточного оружия в 1888–1915 гг. Фотография начала XX века

кавказское). Предметы были размещены в экспозиции декоративно: в больших сложных трофеях из доспехов, щитов и сабель с кинжалами, в застекленных шкафах и витринах («веерами» или другими композициями, составленными по художественному принципу), причем очень плотно. Несомненно, при создании экспозиции учитывались и научные принципы — оружие было размещено по регионам (Индия, Иран, Турция, Средняя Азия), но при этом зачастую было перемешано между собой — декоративность выходила на первый план. Это подчеркивается и отсутствием на экспозиции текстов, которые могли бы как-то объединить или разъяснить группировку в одних витринах тех или иных предметов, и присутствием в зале наряду с оружием украшений и керамики — предметов, которые не связаны с самим оружием ни по времени создания, ни по способам обработки или видам и формам декора. Представлены были наиболее ценные, аттрактивные предметы. Недаром А.А. Половцов, посещая данную экспозицию в 1888 г., отмечал: «Вещи расставлены ненаучно, но приятно для глаза»¹⁷. Отдельные археологические находки и комплексы с территории Кавказа были представлены на дореволюционной экспозиции как в отдельном зале, так и в виде «вкраплений» в другие залы, при этом научной систематизации материала не было, экспонаты в витрине могли быть никак не связаны между собой. Б.Б. Пиотровский также писал, что экспонаты выставлялись здесь «без необходимого разграничения»¹⁸. Подобное представление кавказских предметов в конце XIX — начале XX вв. в Эрмитаже можно объяснить спецификой экспозиций художественного музея того времени, когда главенствующей функцией экспоната была его

¹⁷ Пятницкий Ю.А. Император Александр III, А.А. Половцов и приобретение коллекции А.П. Базилевского для Императорского Эрмитажа // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». Кн.2. СПб., 2014. С. 38.

¹⁸ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: материалы и документы. М., 2000. С. 69.

аттрактивность, эстетическая ценность, а не информативность как памятника той или иной культуры, а важным критерием экспозиции — ее декоративность.

Помещения Старого Эрмитажа экспозиция отделения Средних веков и эпохи Возрождения занимала до 1915 г.¹⁹ — времени начала подготовки эвакуации музейных предметов в связи с Первой мировой войной 1914–1918 гг. Часть предметов была отправлена в Москву, часть — упакованная — хранилась в здании. В 1920 г. было разрешено возвращение в Петроград эвакуированных из Эрмитажа и Зимнего дворца музейных и художественных ценностей²⁰, однако восточное оружие, а также археологические находки с территории Кавказа на свои прежние места на экспозиции не вернулись, не была восстановлена и сама экспозиция.

Следующая постоянная экспозиция, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа, была открыта только в 1925 г., однако еще до этого отдельные кавказские памятники экспонировались на временных выставках. Так, 20 ноября 1922 г. в фойе Эрмитажного театра²¹ открылась выставка сасанидских древностей, организатором которой стал И.А. Орбели²². Это была не просто первая временная выставка, но вообще первая экспозиция, созданная новым отделением Кавказа, Ирана и Средней Азии (такое название получило в 1921 г. образованное в 1920 г. Отделение мусульманского средневековья (Востока)). Выбор темы выставки был, скорее всего, обусловлен как особенностями эрмитажного собрания (одна из лучших в мире коллекций серебра сасанидского времени), так и значимостью данного типа памятников для исследований по культуре и искусству древнего Ирана, и научными интересами сотрудников нового Отделения. На выставке были представлены металлические изделия (чаши, тарелки, кувшины и др.), резные камни и монеты из Эрмитажа, Академии наук, Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК)²³. В Фойе Эрмитажного театра были представлены как памятники непосредственно сасанидского искусства (III–VII вв.), так и более поздние, отражающие его черты. Среди последних были и кавказские бронзовые котлы открытого и закрытого типа, найденные в основном в Дагестане, датированные тогда И.А. Орбели примерно XII–XIII вв.²⁴ На выставке они были представлены как развивающие сасанидские мотивы (изображения «сасанидских зверей, птиц, конных воинов»²⁵, сцены охоты и звериного гона), что ранее не отмечалось в литературе и было заявлено И.А. Орбели в буклете к выставке, а также в более поздней работе про албанские бронзовые котлы²⁶. Можно предположить, что кавказские котлы экспонировались отдельным комплексом среди других «послесасанидских» предметов, демонстрируя взаимовлияния разных видов искусства, устойчивость художественной традиции и ее распространение. Скорее всего, в таком случае, они были представлены не в начале экспозиции, а ближе к ее концу, однако точно утверждать это на данный момент невозможно. К выставке был

¹⁹ Миллер Ю.А. Арсенал // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990. С. 276.

²⁰ Кониев А.В. О эвакуации сокровищ Эрмитажа // История Петербурга. 2019. № 3. С. 84–91.

²¹ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990. С. 216.

²² Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 307.

²³ Востоковедение в Петрограде 1918–1922 г.: Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Пг. 1923. С. 66–67.

²⁴ Орбели И.А. Временная выставка сасанидских древностей. СПб., 1922. С. 14–15.

²⁵ Там же.

²⁶ Он же. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 301–326.

напечатан буклет, набранный в типографии самим И.А. Орбели²⁷, в котором значительная часть текста была посвящена кавказским бронзовым котлам, при этом ни их количество на временной выставке, ни расположение в зале описано не было²⁸.

Следующей эрмитажной временной выставкой стала выставка «Мусульманские изразцы», открывшаяся в 1923 г.²⁹ в большом зале первого этажа бывшего Музея Штиглица, переданного Эрмитажу летом того же года³⁰. Выставка стала частью открытия всей экспозиции бывшего Музея Штиглица (I филиала Эрмитажа), на которой было представлено прикладное искусство Ближнего и Дальнего Востока, а также европейский фарфор³¹. Сохранилась общая фотография данной экспозиции (рис. 3), которая позволяет представить набор выставленных экспонатов и их размещение в большом зале музея. На выставке были представлены иранские, османские, среднеазиатские изразцы. Можно предположить, что среди иранских могли быть выставлены и несколько изразцов из ханаки Пир-Хусейна, которые поступили в Эрмитаж в 1915 г., и которые были в собрании Музея Штиглица. К сожалению, точно атрибутировать их по имеющейся фотографии затруднительно, однако данные изразцы являются прекрасными образцами кашанской (?) керамики, распространенной в XIII–XIV вв. на территории нынешнего Азербайджана, и на подобной тематической выставке они позволили бы проиллюстрировать продукцию одного из известных центров иранской люстровой керамики.

Рис. 3 Выставка мусульманских изразцов. Фотография. 1923 г.

Так или иначе, на двух первых послереволюционных тематических выставках Эрмитажа, культурное наследие Кавказа было представлено как часть иранского или как

²⁷ *Иерусалимская А.А., Иванов А.А.* Отдел Востока. С. 216.

²⁸ *Орбели И.А.* Временная выставка сасанидских древностей.

²⁹ *Он же.* Мусульманские изразцы. СПб., 1923.

³⁰ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 308.

³¹ Там же.

продолжающее традиции иранского искусства. Этот подход, как и принцип группировки экспонатов по материалам (металл, керамика), положенный в основу вышеописанных выставок (первая — в основном металл, вторая — керамика), были развиты уже на постоянной экспозиции памятников культуры и искусства Кавказа, Ирана и Средней Азии, о которой будет сказано дальше.

Первой же послереволюционной постоянной экспозицией с кавказскими памятниками стала экспозиция 1925 г., посвященная оружейному искусству Востока и соседних стран³². Экспозиция 1925 г. (рис. 4) напоминала экспозиции арсеналов, устроенные по декоративному принципу: традиционно одетые на манекены доспехи, кольчуги и латы чередовались с симметричными сложными композициями из оружия и защитного вооружения, предметы внутри витрин были организованы тоже симметрично и в виде художественных композиций. Изучив фотографию экспозиции можно предположить, что при создании экспозиции учитывалась систематизация предметов (по типам и видам вооружения, возможно, и по регионам), однако декоративность построения экспозиции выражена достаточно ярко. Важно добавить, что этикетаж или текстов на экспозиции не замечено. Среди представленных на экспозиции предметов определенно были и кавказские, возможно, выставывавшиеся еще до революции в залах Старого Эрмитажа. Однако на данный момент атрибутировать экспонаты по фотографии экспозиции не представляется возможным. Но так или иначе, сабли, кинжалы, ружья и пистолеты — высокохудожественные предметы, созданные оружейниками Кавказа, позволяющие полно и разнообразно продемонстрировать восточную оружейную традицию, не могли не быть представлены на описываемой экспозиции. Таким образом, на экспозиции 1925 г. кавказское оружие было вновь представлено среди другого восточного, и вновь одним из основных принципов размещения его на выставке был художественный, декоративный. Экспозиция просуществовала как минимум до 1930 г., так как зал № 80 на планах 1929 г.³³ и 1930 г.³⁴ отмечен как экспозиция отделения оружия.

20 ноября 1925 г. в Эрмитаже открылась постоянная экспозиция, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа без оружейного искусства — «постоянная выставка памятников культуры и искусства Кавказа, Ирана и Средней Азии»³⁵. Ее открытие было приурочено к пятой годовщине реэвакуации музейных предметов, о чем сообщил на заседании Совета Эрмитажа 16 ноября 1925 г. директор музея С.Н. Тройницкий³⁶. Кураторами экспозиции выступили Э.К. Кверфельд, И.А. Орбели и другие сотрудники небольшого коллектива Отделения Кавказа, Ирана и Средней Азии.

Создание в Эрмитаже отдельной восточной экспозиции в середине 1920-х гг. не случайно, оно связано как с развитием востоковедения в России³⁷, так и с происходившими политическими событиями³⁸. Активно участвовали в жизни Эрмитажа члены Коллегии по делам музеев Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург и В.В. Бартольд — крупные востоковеды, представители т.н. «школы Розена»³⁹, постулировавшие необходимость изучения

³² Миллер Ю.А. Арсенал. С. 278.

³³ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 3-е изд. Л., 1929.

³⁴ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов и маршрутом осмотра. 4-е изд. Л., 1930.

³⁵ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока. С. 218.

³⁶ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть II. 1920–1926 годы. СПб., 2009. С. 786.

³⁷ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь — март 1927 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 99–120.

³⁸ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 73–74.

³⁹ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа... С. 101.

Рис. 4 Экспозиция Арсенала в Гербовом зале. Фотография. 1925 г.

истории и культуры Востока и Запада в тесной связи, признававшие значительную роль восточных народов в создании и развитии мировой культуры. Именно по инициативе этих ученых в 1920 г. в Эрмитаже было создано Отделение мусульманского Востока (мусульманского средневековья), а его хранителем назначен И.А. Орбели, который в 1922 г. инициировал его переименование в Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии, а в 1926 г. — преобразование в Отдел Востока⁴⁰. Создание экспозиции, демонстрирующей культуру и искусство Востока, в одном музее, рядом с экспозициями западноевропейского искусства, античной культуры и др., визуализировало бы вышеназванные представления востоковедов⁴¹. Если говорить о политической стороне вопроса, отмеченной Ю.А. Пятницким⁴² и Б.Б. Пиотровским⁴³, то восточная экспозиция с акцентом на Среднюю Азию и Кавказ могла служить значительным оружием пропаганды. Здесь можно упомянуть как Декларацию прав народов России 1917 г. (равенство народов, отмена национальных привилегий и ограничений), так и установление советской власти в Средней Азии в 1920 г., а также сложности с Закавказьем, существовавшие на момент создания Отделения мусульманского Востока (часть Закавказья, Армения и Грузия не находились под контролем советской власти, там были созданы национальные образования).

В документах 1925 г. экспозиция фигурирует под названием «галереи Мусульманского Востока», однако с самого начала И.А. Орбели отмечал его условность⁴⁴. Большинство представленных экспонатов создавались в среде, исповедовавшей ислам, но при этом многие из них — некультовые памятники, которые трудно или почти невозможно

⁴⁰ *Иерусалимская А.А., Иванов А.А.* Отдел Востока. С. 221.

⁴¹ *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа... С. 101–102.

⁴² *Пятницкий Ю.А.* Произведения грузинского искусства в Эрмитаже. С. 338.

⁴³ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 73–74.

⁴⁴ *Мусульманский восток.* Л., 1925. С. 3–4.

определить по вероисповедному признаку (например, типично мусульманский подсвечник с христианской армянской надписью). Однако именно это название сразу определяет хронологические и географические границы, а также преимущественный круг народов, создавших эти предметы. Ткани, кожа, керамика, бронза, серебро, стекло, горный хрусталь, лаки, резное дерево — экспозиция была очень значительна по своему содержанию. Она не только демонстрировала отдельные «жемчужины» коллекции, но позволяла представить картину истории развития техник, распространенных на «мусульманском востоке» на протяжении нескольких столетий.

Экспозиция разместилась в Петровской и Романовской галереях Малого Эрмитажа, а также в Аполлоновом зале — залах 52–58 (ныне — залы 255–257, 259–262). О распределении экспонатов по залам позволяют судить планы Эрмитажа 1927 г.⁴⁵, 1928 г.⁴⁶, а также фотографии (рис. 5). В Петровской галерее (залы 52–54) экспонировались керамика и изразцы XII–XVIII вв., кавказская керамика была выставлена в длинном 52 зале наряду с персидской, арабской и туркестанской. В Романовской галерее (залы 55–57) кавказские предметы были представлены только в залах 55 и 57. В 57 зале — кавказские ткани в окружении персидских, бухарских, турецких вышивок, шалей и ковров XVI–XVIII вв. В 55 зале — кавказская бронза среди персидской и арабской XII–XVIII вв., а также кавказские ковры рядом с персидскими, курдскими, туркменскими и турецкими XVI–XVIII вв. Логическим продолжением экспозиции в 55 зале (восточная бронза) стали выставленные в Аполлоновом зале кавказские бронзовые котлы с сасанидскими мотивами XII–XIV вв.

Принципом деления экспозиции на комплексы стал не региональный (Иран, Турция, Средняя Азия), а технологический, основанный на материале предметов и технологии его обработки. И предметы материальной культуры Кавказа были здесь разделены по материалам и представлены в соответствующих разделах экспозиции среди подобных предметов, созданных турецкими, персидскими, арабскими мастерами. Они экспонировались как часть «мусульманского мира», что, вероятно, позволяло сравнить техники обработки материалов в перечисленных культурах, увидеть сходства и различия в декоре, взаимовлияния, представить общую среду, в которой создавались эти предметы.

Все это позволяет заключить, что экспозиция 1925 г. разительно отличалась от предыдущих экспозиций Эрмитажа, на которых тоже были представлены кавказские предметы (дореволюционной экспозиции и экспозиции оружия 1925 г.). Здесь основой для создания экспозиции послужил научный подход — систематизация предметов по материалам и техникам являлась главным критерием выделения крупных экспозиционных комплексов, внутри которых группировка экспонатов осуществлялась уже по территориальному принципу (керамика Ирана, керамика Средней Азии и т.д.). Именно данный подход, а не принцип декоративности определил расположение экспонатов в залах и в витринах. Особенностью экспозиции 1925 г., отличающей ее от дореволюционной экспозиции, является и включение в нее не только ярких, аттрактивных предметов, но и менее эстетически привлекательных (отдельные образцы керамики и бронзы), однако позволяющих широко показать культуру Востока. На примере дореволюционной и новой экспозиций мы можем наблюдать переход от экспозиции художественной (построенной по декоративному принципу, с наиболее яркими экспонатами) к экспозиции, рассказывающей историю культуры, в которой научная составляющая доминирует.

⁴⁵ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. Л., 1927.

⁴⁶ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 2-е изд. Л., 1928.

5а

5б

5в

Рис. 5 Выставка мусульманского Востока в Малом Эрмитаже. Фотографии. 1925 г.

Экспозиция 1925 г. просуществовала в Эрмитаже до 1929 г.⁴⁷, в 1930 г. экспозиции отдела Востока были закрыты в виду переустройства⁴⁸ — началась социалистическая реконструкция музея, «перестройка его научной и экспозиционной работы на принципах диалектического материализма»⁴⁹.

Список литературы

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь-март 1927 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 99–120.

Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Под общей редакцией Сулова В.А. М.: Искусство, 1990. С. 215–234.

Конивец А.В. О реэвакуации сокровищ Эрмитажа. История Петербурга. 2019. № 3. С. 84–91.

Легран Б.В. Социалистическая реконструкция Эрмитажа. Л.: тип. Гос. гидрол. ин-та, 1934. 56 с.

Миллер Ю.А. Арсенал. // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Под общей редакцией В.А. Сулова. М.: Искусство, 1990. С. 275–284.

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 573 с.

Пятницкий Ю.А. Император Александр III, А.А. Половцев и приобретение коллекции А.П. Базилевского для Императорского Эрмитажа // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». Кн.2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 34–42.

Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже: история формирования и изучения коллекции // *Tyragetia*. 2020. № 2. С. 329–354.

Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.

References

Ananyev V.G., Bukharin M.D. Granicy disciplinarnosti i diskussiya o strukture Ermitazha v svyazi s zapiskoj I.A. Orbeli. YAnvar'-mart 1927 g. [The boundaries of disciplinarity and the discussion about the structure of the Hermitage in connection with the note by I.A. Orbeli. January-March 1927], in *Istoricheskij arhiv*. 2021. № 5. P. 99–120. (in Rus.).

Ierusalimskaya A.A., Ivanov A.A. Otdel Vostoka [Department of the East], in *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'. 1764–1988* / Under the general editorship of Suslov V.A. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 215–234. (in Rus.).

Konivets A.V. O reevakuacii sokrovishch Ermitazha [On the re-evacuation of the Hermitage treasures], in *Istoriya Peterburga*. 2019. № 3. P. 84–91. (in Rus.).

Legrand B.V. Socialisticheskaya rekonstrukciya Ermitazha [Socialist reconstruction of the Hermitage]. Leningrad, The State Hydrological Institute Publishing, 1934. 56 p. (in Rus.).

Miller Yu.A. Arsenal [Arsenal], in *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'. 1764–1988* / Under the general editorship of Suslov V.A. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 275–284. (in Rus.).

Piotrovsky B.B. *Istoriya Ermitazha. Kratkij ocherk: materialy i dokumenty* [The history of the Hermitage. Short essay: materials and documents]. Moscow: Iskusstvo, 2000. 573 p. (in Rus.).

⁴⁷ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 3-е изд.

⁴⁸ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов и маршрутом осмотра. 4-е изд.

⁴⁹ *Легран Б.В.* Социалистическая реконструкция Эрмитажа. Л., 1934. С. 8.

Pyatnitsky Yu.A. Imperator Aleksandr III, A.A. Polovcev i priobretenie kolekcii A.P. Bazilevskogo dlya Imperatorskogo Ermitazha [Emperor Alexander III, A.A. Polovtsev and the acquisition of A.P. Bazilevsky's collection for the Imperial Hermitage], in *250 istorij pro Ermitazh: «Sobran'e pestyh glav...»*. [without name of publisher], Book 2. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publishing, 2014. P. 34–42. (in Rus.).

Pyatnitsky Yu.A. Proizvedeniya gruzinskogo iskusstva v Ermitazhe: istoriya formirovaniya i izucheniya kolekcii [Works of Georgian art in the Hermitage: the history of the formation and study of the collection], in *Tyragetia*, 2020. № 2. P. 329–354. (in Rus.).

Tikhonov I.L. Arheologiya v Imperatorskom Ermitazhe [Archeology in the Imperial Hermitage], in *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*. 2014. № 4. P. 427–479. (In Rus.).

Падерина Е.В.

ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДИЯ М. ФУКО НА ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ МУЗЕОЛОГИЮ

Падерина, Елена Витальевна—бакалавр музеологии, методист, Экскурсионно-методический отдел, ЦПКиО им. Кирова, Санкт-Петербург, Россия, paderina.helen@yandex.com.

В статье описывается влияние идей одного из крупнейших философов XX в. Мишеля Фуко на музеологические исследования. Автор обращается к ряду работ М. Фуко («Порядок дискурса», «Археология знания», «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы») и раскрывает суть таких методов и концепций философа, как дискурс, отношения «власть-знание», археология знания, эпистема, генеалогия власти и дисциплинарное общество. Автор прослеживает их использование в музеологических исследованиях, демонстрирует, каким образом музеологи опираются на наследие М. Фуко при анализе дискурса наследия, практик сохранения наследия и истории музейного дела. В статье рассматриваются труды представителей критических исследований наследия, в частности, Лораджин Смит, монографии музеологов Эйлин Хупер-Гринхилл и Тони Беннетта, обращается внимание на общую критическую направленность данных работ, которая, по мнению автора, обусловлена, помимо прочего, влиянием философии М. Фуко. Как итог, отмечается перспективность подобного междисциплинарного подхода к музеологическим исследованиям с опорой на философские концепции.

Ключевые слова: М. Фуко, философия, теоретическая музеология, критические исследования наследия, Э. Хупер-Гринхилл, Т. Беннетт.

THE INFLUENCE OF M. FOUCAULT'S LEGACY ON THEORETICAL MUSEOLOGY

Paderina, Elena Vitalievna—Bachelor of Museology, methodist, Excursion and Methodic Department, Kirov Central Park of Culture and Recreation, Saint-Petersburg, Russian Federation, paderina.helen@yandex.com.

The article describes the influence of the ideas of one of the greatest philosophers of the XX century M. Foucault on the museological research. The author refers to a number of works by M. Foucault («The Order of Discourse», «The Archaeology of Knowledge», «The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences», «Discipline and Punish: The Birth of the Prison») and reveals the essence of such methods and concepts of the philosopher as the archaeology of knowledge, the genealogy of power, the discourse, “power-knowledge relations”, episteme and disciplinary society. The author traces their use in museological research, demonstrates how museologists rely on the legacy of M. Foucault, analyzing the discourse of heritage, heritage preservation practices and the museum history. The article examines the works of representatives of critical heritage studies, in particular, Laurajane Smith, monographs of museologists Eilean Hooper-Greenhill and Tony Bennett, draws attention to the general critical orientation of these works, which, according to the author, is due, among other things, to the influence of M. Foucault's philosophy. As a result, the prospects of such an interdisciplinary approach to museological research based on philosophical concepts are noted.

Key words: M. Foucault, philosophy, theoretical museology, critical heritage studies, E. Hooper-Greenhill, T. Bennett.

Трудно переоценить значение наследия Мишеля Фуко для гуманитарного знания. Его концепции стали частью понятийного аппарата самых разных гуманитарных наук, а его методы открыли новые горизонты для исследователей. Как сказал А.В. Дьяков: «... сегодня уже невозможно говорить о человеке (если, конечно, говорит не фундаменталист), не вспоминая о Фуко или не «забывая» его»¹. В своих трудах этот философ вывел критический дискурс на новый уровень, так что более не представляется возможным писать научное исследование, претендуя на всеобъемлющую перспективу описания реальности или слепо веря в постулируемые истины.

Музейные практики и практики сохранения наследия, а также их осмысление, естественно, испытывают влияние интеллектуального контекста эпохи, общекультурных тенденций и в том числе философских веяний. Данная работа ставит перед собой цель проследить влияние идей и методологии М. Фуко на музеологические исследования и тем самым актуализировать развитие философских идей в теоретической музеологии в качестве перспективного направления будущих музейных исследований.

Отметим существующие работы, касающиеся данной темы. Исследовательница Б. Лорд в своей статье «Foucault's museum: difference, representation, and genealogy» обращается к концепции гетеротопии М. Фуко и проблематизирует музей как гетеротопное пространство. Автор предлагает пересмотреть взгляд на музей как на консервативный институт, транслирующий идеи и ценности эпохи Просвещения, склонный к классификации, упорядочиванию, универсализации и контролю. В противовес такому пониманию музея исследовательница подчеркивает его прогрессивный критический потенциал, обусловленный статусом гетеротопного пространства. Опираясь на труд М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», Б. Лорд акцентирует определение гетеротопии как пространства различий. Музей подходит под это определение, поскольку демонстрирует различие между объектами и концептуальными порядками, тем самым нарушая синтаксис между словами и вещами. Именно интерпретация, по мнению автора, является существенной характеристикой музея, которая и делает его гетеротопией.

Согласно М. Фуко, связь между словами и вещами была нарушена в классическую эпоху, благодаря чему музей и стал пространством представления и различий. Эпоха Просвещения породила сомнения относительно адекватности нашего восприятия реальности. С тех пор музеи интерпретируют предметы с помощью тех или иных концептуальных систем, но постоянно имеют в виду их относительность и предоставляют посетителям возможность оценить адекватность музейных интерпретаций. Таким образом, музей способен к самокритике, к пересмотру порядка вещей, к «подрыву языка», он является идеальным местом для применения генеалогического и археологического методов М. Фуко и дискурсивного анализа. Причем исследовательница утверждает прогрессивный потенциал даже традиционных дидактических музеев, которые практически не оставляют места для оспаривания своих интерпретаций².

Еще одна исследовательница А.Н. Балаш в своей статье «Музей как «другое пространство» культуры» указывает на влияние М. Фуко на формирование концепта «постмузея»

¹ Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2010. С. 601.

² Lord B. Foucault's museum: difference, representation, and genealogy // Museum and Society. 2006. Vol. 4. № 1. P. 1–10.

и «постмузеологии» представителями Лестерской школы, однако не раскрывает суть этого влияния. Под постмузеологией автор понимает междисциплинарные исследования, изучающие пределы музейного поля. Постмузеология ориентирована на науку постмодерна, и далее, при исчерпании ресурсов последнего, на более новую парадигму научного знания. Для постмузеологических исследований характерно обращение к философскому наследию и в целом анализ музея в широком культурном контексте. В связи с этим можно сказать, что в нашей статье рассматривается влияние М. Фуко на постмузеологические исследования.

Исследовательница также обращается к концепции музея как гетеротопии и вслед за Б. Лорд утверждает музей как экспериментальное пространство интерпретации, «место открытых смыслов». Такой подход открывает перспективу для определения музея в терминах философской проблемы. В этой связи А.Н. Балаш рассматривает несколько философских и культурологических концептов отечественных авторов, транслирующих современные подходы к сущности музея как «другого пространства» культуры³.

Если приведенные выше исследования с помощью концепции гетеротопии М. Фуко ставили вопрос о сущности музея, то проанализированные в данной статье монографии сконцентрированы скорее на переосмыслении музейной истории.

Для начала рассмотрим понимание дискурса в философии М. Фуко, чтобы затем продемонстрировать его отголоски в музеологии. Для М. Фуко культура — это пространство дискурса и производства знания и власти, причем все три понятия тесно взаимосвязаны между собой. В работе «Порядок дискурса» М. Фуко ставит проблему опасности дискурса, обращает внимание на угрозу, которую несут в себе бесконтрольные речь и умножение дискурсов. Именно поэтому производство дискурса контролируется и организуется так, чтобы нейтрализовать его властные полномочия, обуздать непредсказуемость и предотвратить хаос. Философ предлагает исследовать процедуры контроля над дискурсом, которые регламентируют, кто и что говорит. Среди них выделим, прежде всего, волю к истине, которая определяет один истинный дискурс и исключает остальные. Она опирается на целый пласт практик и систему институтов и воспроизводится благодаря тому способу, каким знание используется в обществе⁴.

Контроль за дискурсом тесно связан с цензурой, с исключением. В истинный дискурс входит только то, что подчиняется правилам дискурсивной «полицейской», каждое высказывание должно вписываться в определенный тип теоретического горизонта, быть подходящим под доктрину. Доступ к дискурсу неодинаков для всех субъектов, существует расслоение в социальном присвоении дискурсов. В порядок дискурса может вступить лишь тот, кто имеет на это право и чьи высказывания удовлетворяют определенным требованиям. Существуют дискурсивные сообщества, которые сохраняют и производят дискурсы, обеспечивают их обращение в закрытом пространстве между владельцами дискурса и ограничивают доступ к нему остальных субъектов⁵.

В качестве методологии анализа дискурса М. Фуко предлагает изучить системы принуждения, оформляющие дискурс, как они сформировались, изменялись и какую роль играют в упорядочении дискурса, а также рассмотреть, каким образом сформировались различные серии дискурсов, какова была норма каждой серии, условия их появления⁶.

³ Балаш А.Н. Музей как «другое пространство» культуры // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 13–16.

⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 51–59.

⁵ Там же. С. 67–74.

⁶ Там же. С. 84–90.

Дискурс в понимании М. Фуко тесно связан с отношениями «власть-знание», в которых власть и знание непосредственно предполагают друг друга. Власть «производит реальность», производит объекты и знание о них, в свою очередь, знание обеспечивает поддержание и усиление власти⁷.

Можно обнаружить параллели между подходом М. Фуко к анализу дискурса и его теорией «власть-знание» и критическими исследованиями наследия (*critical heritage studies*)⁸. Главный теоретик движения, Лораджин Смит в своей работе «All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums» рефлексировала над процессом изучения наследия и конструирования дискурса наследия. Она выделяет всплеск академического интереса к проблеме наследия в середине 80-х годов XX в. и объясняет это несколькими причинами. После Второй мировой войны частью западной политики стал устойчивый интерес к сохранению памятников прошлого, которые следует беречь, хранить в неприкосновенности и передавать потомкам. Также 80-е годы характеризовались неконтролируемой экономической эксплуатацией наследия, в частности, его вовлечением в туристический сектор. Кроме того, в это время во многих западных государствах наблюдался правый уклон в политике, а наследие использовалось для обоснования консерватизма⁹.

Эти факторы повлияли на понимание наследия. Был сформирован так называемый «авторизованный дискурс наследия» (далее—АДН) (*Authorized Heritage Discourse*), который доминирует в международных дебатах и лежит в основе политики ЮНЕСКО и в целом практики менеджмента наследия. Этот дискурс сфокусирован на сохранении материальной культуры, которой приписывается внутренняя и наследуемая ценность. Альтернативные подходы к пониманию наследия, которые развиваются вне рамок этого дискурса, игнорируются, только АДН имеет власть определять законность конкретных форм наследия. Кроме того, АДН утверждает те формы знания, которые способствуют его развитию. Он наделяет специалистов статусом хранителей человеческого прошлого и обеспечивает для них привилегированный доступ к ресурсам наследия. Специалисты же в своих интересах поддерживают АДН, сохраняя ценности, на которых он базируется. Таким образом, дискурс наделяет экспертов властью, которая обеспечивается их исключительным правом на производство знания. Эксперты, в свою очередь, используют власть для поддержания дискурса¹⁰. В этой же работе Л. Смит затрагивает условия формирования «критического дискурса» наследия, одной из главных выразительниц которого она является, и раскрывает его суть.

В терминологии М. Фуко можно сказать, что АДН выступает в качестве истинного дискурса, он закономерно исключает остальные дискурсы и опирается на целый пласт практик и систему институтов. АДН ограничен определенным теоретическим горизонтом (например, в качестве наследия рассматриваются только объекты материальной культуры). Доступ к этому дискурсу имеют преимущественно эксперты, которые составляют дискурсивное сообщество. Они поддерживают АДН, который наделяет их властью и исключительным правом на производство знания.

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 284.

⁸ Данное направление возникло в 2000-е гг. в рамках исследований наследия (*heritage studies*) и занимается изучением дискурсивных практик определения и использования наследия.

⁹ Smit L. All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums. Amsterdam, 2012. P. 10–12.

¹⁰ Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 28–30.

Таким образом, Л. Смит предпринимает попытку анализа дискурса наследия: рассматривает условия его формирования, теоретические границы, властные полномочия, влияние и последствия. Можно сказать, что это набросок более масштабного исследования дискурса наследия.

Отметим, что в музеологических исследованиях распространен подход к дискурсивному анализу, при котором исследователь стремится выявить, какой дискурс транслируют те или иные практики и тексты. Например, Л. Смит вместе с Э. Уотертоном и Г. Кэмпбелл рассмотрела Хартию Бурра, один из основных документов современной практики сохранения наследия, и продемонстрировала, как гегемония АДН реализуется лингвистически. Проанализировав общую организацию текста, подбор терминов и конкретные семантические и грамматические примеры, авторы пришли к выводу о том, что хартия транслирует основные тезисы АДН о материальности наследия, о неотъемлемости культурной значимости, об авторитете экспертов и о непредвзятости и объективности оценки. Являясь сама продуктом АДН, Хартия транслирует этот дискурс, легитимирует и закрепляет существующие практики сохранения наследия¹¹. Подобный анализ представляет собой довольно перспективный метод для исследования не только документов, но и музейной экспозиции, которую можно воспринимать как текст или дискурсивное пространство.

Другой важный для науки, и в том числе для музеологии, метод, разработанный М. Фуко представляет собой новаторский подход к истории. Если традиционная история занималась закономерностями, непрерывностями, поиском первоначала и традиций, то новая форма истории сконцентрирована на осмыслении прерывностей, порогов, разрывов, она ставит вопрос о критериях единств¹². В своем фундаментальном труде «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» М. Фуко стремится выяснить, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание и на основе какой позитивности формировались идеи и науки. Философ исследует историю условий возможности знаний, исторические трансформации воли к истине с помощью понятия «эпистема». Такую историю он называет «археологией». Следуя своему методу, М. Фуко концентрирует внимание на разрывах в эпистеме западной культуры. Первый разрыв знаменует собой конец Ренессанса и начало классической эпохи (примерно середина XVII в.), второй разрыв датируется началом XIX в. и обозначает порог современности¹³.

В рамках первой ренессансной эпистемы до конца XVI в. конструктивную роль в знании западной культуры играла категория сходства, выражающая смутное родство вещей и порождающая некий общий порядок. Здесь вступает в дело категория микрокосма, которая применяет ко всем сферам природы «игру повторяемых сходств». Сущность этой категории заключается в том, чтобы каждая вещь при более широком охвате нашла своё зеркало и своё «макрокосмическое подтверждение». Это одновременно и гарантия знания, и предел его распространения. В такой ситуации язык составляет часть распределения подобий и примет, а потому его можно изучать как часть природы. Язык находится с миром в отношении аналогии, а не обозначения. Познавать вещи в эту эпоху значит раскрывать систему сходств, а обнаружить эти сходства и подобия можно путем истолкования знаков, образующих текст на поверхности вещей¹⁴.

¹¹ *Waterton E., Smith L., Campbell G.* The Utility of Discourse Analysis to Heritage Studies: The Burra Charter and Social Inclusion // *International Journal of Heritage Studies*. 2006. Vol. 12. № 4. P. 342–350.

¹² *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004. С. 39–46.

¹³ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 33–78.

¹⁴ Там же. С. 62–78.

Классическая эпистема охватывает период со второй половины XVII до конца XVIII вв. В этом новом эпистемологическом пространстве на место аналогии пришел анализ, а на место истолкования — порядок. Если прежде игра подобий была бесконечной, то теперь становится возможным полное перечисление, а сравнение (или познание тождеств и различий) может достигнуть совершенной точности. Деятельность ума теперь заключается не в том, чтобы сближать вещи между собой, а в том, чтобы их различать. Сопричастность слов и вещей была разрушена, язык оказывается анализом мысли и утверждением порядка в пространстве. Тогда же рождается идея универсального языка, способного охватить все возможные порядки: однозначно обозначить каждый элемент представления, указать способ сочетания элементов и их взаимосвязь¹⁵. Вместо раскрытия скрытого содержания утвердился анализ видимой формы. Классическая эпоха придавала исключительную важность видению: она ограничивала пространство своего опыта, исключая из него всё, кроме визуального. Анализу подвергалось то систематически немногое, что могло быть всеми признанным и получить имя, понятное каждому, что вновь предполагает необходимость универсального порядка¹⁶.

Начало XIX в. положило начало современной эпистеме. Знание теперь определяется не тождествами и различиями, а организациями, т.е. внутренними связями элементов. Доминирование визуального осталось в прошлом, на первый план вышли органические структуры и функции, лежащие вне области видимого¹⁷. Было открыто глубинное измерение, в котором вопрос начал ставиться о первоначале, причинности и историчности.

Современная эпистема открыла гуманитарное измерение. В эпистемологическом смысле человек до конца XVIII в. не сознавался. В это время появляется человек в его двусмысленном положении познаваемого объекта и познающего субъекта. Главным атрибутом и сущностью человека становится его конечность¹⁸. Идея конечности человеческого бытия потребовала аналитики человека — антропологии, а на этой почве возникли гуманитарные науки¹⁹.

Подобно тому, как М. Фуко ставит под вопрос существующий порядок вещей и рациональность принятых классификаций, Э. Хупер-Гринхилл²⁰ говорит об относительности существующих способов организации коллекций и критериев отбора предметов. Она использует разработанный М. Фуко «археологический» подход к истории применительно к истории музейного дела. Она критикует существующие исследования по истории музейного дела, которые представляют собой либо всеобъемлющие «энциклопедические» отчеты, содержащие хронологические описания этапов развития музеев, либо повествования, касающиеся отдельных коллекционеров и институтов. Все эти работы написаны в русле «традиционной» истории: они принимают существующие музейные отношения как данность, проецируют их на прошлое и создают нарратив о поступательном линейном развитии этих отношений. Музеи из других исторических эпох рассматриваются как прямые предки современных музеев.

¹⁵ Там же. С. 89–120.

¹⁶ Там же. С. 162–164.

¹⁷ Там же. С. 254–258.

¹⁸ Там же. С. 334–339.

¹⁹ Там же. С. 361–365.

²⁰ Э. Хупер-Гринхилл — представительница Лестерской школы музеологии (Великобритания) — одного из крупнейших центров музеологической мысли.

История музея, написанная с точки зрения «археологического» подхода, стремится анализировать условия возникновения тех или иных музейных практик: как менялись музеи на протяжении истории, в силу каких причин одни практики сменялись другими. Такая история занимается критическим анализом специфических особенностей, различий, она учитывает эпистемологический контекст и раскрывает новые взаимосвязи²¹.

Автор исследует несколько феноменов из истории музейного дела, используя «археологический» подход и применяя эпистемы М. Фуко к музейному материалу. В рамках ренессансной эпистемы, помимо прочего, рассматриваются кунсткамеры, которые исследователи музейного дела зачастую клеймили бессистемным и беспорядочным продуктом донаучных суеверий. Автор, в свою очередь, пытается понять концептуальные основания организации кунсткамер.

Во-первых, собирание и объединение предметов преследовало цель репрезентации универсальной картины мира. Здесь на первый план выходит постоянное соотношение макрокосма и микрокосма, которое устанавливало связи между человеком и Вселенной. Этим определялся порядок вещей, в основе которого лежала система соответствий. Части Вселенной были связаны друг с другом символически, посредством игры сходств. Предметы входили в собрание кунсткамеры именно за счет своего символического значения и своей способности репрезентировать мир искусства и мир природы (*artificialia* и *naturalia*). Так, сюжеты картин представляли природные стихии, различные материалы в виде драгоценных металлов и минералов олицетворяли материальную структуру мира.

Во-вторых, упорядочение предметов должно было демонстрировать познание мира, раскрытие тайны Вселенной. Предметы демонстрировали через свои индивидуальные характеристики конкретные области знания, а через организацию в пространстве — взаимосвязи этих областей. Но эти знания, выраженные в организации кунсткамеры, были в определенной степени секретны и доступны только тем, кто мог правильно истолковать систему знаков и обнаружить игру сходств²². Внешний вид предметов, видимые знаки отсылали к более глубокому, мистическому и, по сути, религиозному опыту.

Чтобы продемонстрировать особенности классической эпистемы, Э. Хупер-Гринхилл анализирует деятельность Хранилища Королевского общества. Его основатели стремились собрать полную коллекцию, которая позволила бы создать универсальную систематику, точно отражающую порядок природы. В XVII в. возникло представление о возможности полного перечисления, знание стало конечным, связь между словами и вещами отныне воспринималась как непосредственная и прозрачная. Задачей знания было создать универсальный язык для объективной классификации вещей, для их «каталогизации». Хранилище Королевского общества должно было стать банком данных, связывающим эмпирические вещи с таксономическими таблицами универсального языка.

Зрению была отведена привилегированная роль, анализ сфокусировался на видимых морфологических особенностях, на измерении видимого и сведении всех измерений к последовательному расположению. Это влекло за собой реорганизацию материальных вещей. Картины были развешаны симметрично, заполняя все пространство стены. Их расположение определялось темой и формой, то есть видимыми особенностями работ. Ради того, чтобы вместить картину в нужное место, ее могли обрезать или другим образом придать ей нужную форму. Художник, эпоха и школа не имели значения²³.

²¹ Hooper-Greenhill E. *Museums and the Shaping of Knowledge*. London; New York, 1992. P. 7–12.

²² Ibid. P. 79–90.

²³ Ibid. P. 137–142.

Уже в XVIII в. стал очевиден фундаментальный недостаток классической эпистемы: ограничения табличной систематики выражались в том, что обширные семиологические области были проигнорированы, поскольку принимались во внимание лишь некоторые визуальные признаки вещей, при этом исключались, например, цвет, текстура и нематериальные аспекты. Интерес к составлению таблицы слов и вещей угас и это сказалось на судьбе Хранилища, которое превратилось в грудку ненужных материалов²⁴.

Современная эпистема выдвинула на первый план исследование глубоких структурных взаимосвязей между объектами, их отношений и функций. Отныне произведения искусства начали группировать по школам, стилям и авторам, подчеркивая функциональную связь между ними и конструируя идентичности—так создавалась история искусства. Рождение гуманитарных наук и концентрация внимания на человеке оказали влияние и на музейную практику: теперь значение материальных вещей напрямую зависело от их отношения к человеку. Основные темы познания—это люди, их истории, жизни и взаимоотношения. Музеи интерпретируют предметы, исходя из их связей с человеком, их роли в жизни человека.

Исследовательница приходит к выводу о том, что в каждую эпоху музей конструируется заново, а вместе с ним переосмысляются классификации и значение вещей, принципы коллекционирования и использования предметов, а также производства знаний. Эти трансформации происходят в соответствии с эпистемологическим и политическим контекстом²⁵.

Таким образом, Э. Хупер-Гринхилл анализирует историю отдельных музейных феноменов, используя «археологический» подход М. Фуко и опираясь на выделенные им эпистемы. Это позволяет ей представить новую оптику в отношении музейного дела и включить его историю в более широкий контекст исторического развития знания.

Другие концепты М. Фуко, нашедшие выражение в музеологической мысли—это генеалогия власти и теория дисциплинарного общества. В данном случае генеалогия власти подразумевает исследование комплексов «власти-знания», обуславливающих те или иные познавательные подходы к человеку. Генеалогия сфокусирована на анализе систем подчинения, властных процедур, условий возникновения институтов.

Эти идеи являются центральными в работе М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Философ описывает западное правосудие до XIX в., отличающееся публичными наказаниями, которые использовались как политический инструмент. Люди в данном случае были зрителями демонстрации власти, которая исходила из центрального источника (от суверена) и задействовала целый ряд юридических и символических ресурсов, чтобы добиться повиновения от населения. Реформаторы пенитенциарной системы конца XVIII—начала XIX вв. осуждали публичные казни как часть неэффективной экономики власти наказывать. Периодическая демонстрация власти суверена с целью запугать население и заставить его повиноваться оказалась тактикой, провальной по политическим и экономическим соображениям. Целью реформы было заложить новую экономику власти наказывать, обеспечить ее лучшее распределение и эффективность, чтобы эта власть могла действовать повсюду и непрерывно²⁶. В итоге, в течение короткого времени именно тюрьма, рассчитанная на изменение поведения заключенных посредством продуманного манипулирования их поведением в среде, созданной специально для этой цели, стала основной и наиболее эффективной формой наказания.

²⁴ Ibid. P. 157.

²⁵ Ibid. P. 185–215.

²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 108–130.

В то же время, начиная с XIX в., тюремной системе предъявляются одни и те же обвинения, сводящиеся к тому, что тюрьмы не снижают уровень преступности. Однако, несмотря на кажущуюся неэффективность, институт тюрьмы продолжает существовать. М. Фуко предполагает, что это объясняется несоответствием между декларируемыми и реальными функциями тюрьмы. Так, тюрьма не может достигнуть своей провозглашаемой цели — сокращения правонарушений, поскольку ее настоящая цель — их подчинение, распределение и использование, иными словами, осуществление дифференцирующего контроля над противозаконностями²⁷.

Рождение тюрьмы связано с более масштабным социальным явлением — становлением дисциплинарного общества в конце XVIII — начале XIX вв. Новые экономические потребности, родившиеся в конце классической эпохи, потребовали распределения людей в соответствии с техниками, существенно отличными от классификации. Таксономия уступила место тактике, выражением которой и является дисциплина, представляющая собой методы, обеспечивающие контроль над телами и навязывающие им отношения послушания-полезности. Дисциплина создает некие живые таблицы, преобразующие беспорядочные массы в упорядоченные множества и позволяющие характеризовать отдельных индивидов. Самым важным принципом дисциплинирующей власти М. Фуко считает «принцип взгляда», подразумевающий устройство, которое принуждает игрой взгляда²⁸.

Т. Беннетт²⁹ опирается на данную теорию М. Фуко в своей монографии «Рождение музея: история, теория, политика», где он анализирует модернизирующую роль музея, в частности, технологии регулирования поведения посетителей. Он обнаруживает параллели между изменением целей и средств власти наказывать и преобразованиями в культурной сфере и деятельности музеев. Если раньше культура служила власти, воплощая, репрезентируя и делая ее видимой, а культурные события (турниры, фестивали и т.д.) служили средством периодической, нерегулярной демонстрации власти населению, то теперь культура все чаще рассматривалась как полезный инструмент для управления населением. Новые культурные практики были нацелены на регулярное и постоянное воздействие на людей и предполагали новую экономию культурной власти. Культуре отныне приписывалась способность трансформировать приемлемые нормы и формы поведения и закреплять их в качестве императивов, наделяя индивидов новыми способностями к самоконтролю и саморегуляции. Вместо свидетелей символической демонстрации власти люди стали восприниматься как активные носители способности к самосовершенствованию, которую, как считалось, воплощала культура.

Эта новая культурная власть реализовывалась, в том числе через музеи. В XIX в. музеи стали публичными и открытыми для широкой аудитории пространствами, в которых посетители могли усвоить цивилизованные формы поведения и широко распространить их по социальному телу. Музей превратился в место наблюдения и регулирования, с целью овладеть телом посетителя и придать ему форму в соответствии с нормами общественного поведения³⁰.

Тони Беннетт описывает несколько способов осуществления музеем дисциплинирующей роли. Например, музей противопоставил себя ярмаркам, тавернам и другим местам

²⁷ Там же. С. 387–407.

²⁸ Там же. С. 216–269.

²⁹ Австралийский культуролог, внес значительный вклад в развитие исследований культурной политики и социологии культуры, а также критической музеологии.

³⁰ *Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London, 1995. P. 18–24.*

народных собраний и провозгласил принятые в них формы поведения неприемлемыми для себя. Для избежания беспорядков были введены правила посещения музеев, запрещающие есть и пить, прикасаться к экспонатам и, довольно часто, указывающие, какой внешний вид посетителям следует соблюдать. Таким образом, будучи формально свободным и открытым институтом, музей в то же время представлял собой культурно дифференцированное пространство, исключая некоторые формы общественного поведения и, как следствие, определенную публику³¹.

Кроме того, музейная архитектура способствовала дисциплинированию посетителей. Т. Беннетт вновь обращается к М. Фуко, который описывал реализацию дисциплинарных технологий с помощью принципа паноптицизма, сформулированного Бентамом. Паноптицизм построен на принципе контролирующего взгляда, который реализуется через специфическую архитектуру, которая все делает видимым для наблюдателя³².

По мнению Т. Беннетта, музеи в XIX в. использовали эту систему наблюдения в своих выставочных пространствах, которые старались организовать таким образом, чтобы посетители могли осматривать не только экспонаты, но и друг друга. Новой целью архитектуры стало обеспечение контроля над публикой и упорядочение ее поведения. Автор выделяет три общих архитектурных принципа, которые впервые были объединены в конструкции Хрустального дворца на Всемирной выставке 1851 г. и оказали решающее влияние на последующее развитие выставочной архитектуры: использование новых материалов (чугуна и листового стекла) для ограждения и освещения больших пространств; обеспечение свободных проходов между экспонатами для создания упорядоченного потока посетителей; организация наблюдательных точек, обзорных площадок, которые обеспечили самонаблюдение публики. Это постоянное наблюдение привело к самостоятельному осуществлению посетителями самоконтроля и поддержания порядка. Таким образом, позволив публике стать одновременно субъектом и объектом контролирующего взгляда (власти), музей воплотил в себе главную цель паноптицизма — демократическое стремление общества стать прозрачным для самого себя³³.

Отметим также еще одну важную параллель, которую Т. Беннетт проводит между тюрьмой и музеем. Призывы к реформированию музеев, раздававшиеся на протяжении XIX в. в основном сводились к тому, чтобы сделать музеи одинаково открытыми и доступными для всех. Т. Беннетт утверждает, что эта декларируемая цель не соответствовала реальному функционированию музеев, следуя М. Фуко, который вскрыл несоответствие между провозглашаемыми и действительными функциями тюрьмы. В то время как демократическая риторика позиционировала публичные музеи как инструменты народного образования, фактически они выполняли функцию реформирования общественных нравов. Хотя от музеев требовали, чтобы они обращались к недифференцированной публике, состоящей из свободных и формально равных людей, в действительности они регулировали и отсеивали формы поведения, связанные с местами народных собраний, такими как ярмарки³⁴.

В результате, опираясь на труды М. Фуко, Т. Беннетт предлагает оригинальный взгляд на историю публичного музея в контексте развития «дисциплинарного общества» и дает нам возможность сменить перспективу и посмотреть на музей как на инструмент реформирования поведения населения.

³¹ Ibid. P. 99–100.

³² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 292–306.

³³ Bennett T. The Birth of the Museum. P. 64–69.

³⁴ Ibid. P. 90–91.

Таким образом, в данной работе было рассмотрено несколько примеров обращения музеологов к наследию М. Фуко. Отметим, что это обращение послужило стимулом к критическому переосмыслению исследователями музейных практик. В целом можно заключить, что такие методы философа, как археология знания и генеалогия власти, его подход к дискурсу, теория «власть-знание», концепции эпистемы и дисциплинарного общества оказались плодотворными инструментами и предпосылками для анализа музейной теории и практики. Такой междисциплинарный подход, подразумевающий обращение к философскому наследию, расширяет теоретические возможности музеологических исследований и задает более широкий общекультурный контекст для изучения музеев.

Список литературы

- Балаш А.Н.* Музей как «другое пространство» культуры // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 12–22.
- Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
- Смит Л.* «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. №2 (8). С. 27–44.
- Фуко М.* Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.
- Bennett T.* The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995. 278 p.
- Hooper-Greenhill E.* Museums and the Shaping of Knowledge. London; New York: Routledge, 1992. 232 p.
- Lord B.* Foucault's museum: difference, representation, and genealogy // Museum and Society. 2006. Vol. 4. № 1. P. 1–14.
- Smith L.* All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums. Amsterdam: Reinwardt Academy, Amsterdam School of the Arts, 2012. 48 p.
- Waterton E., Smith L., Campbell G.* The Utility of Discourse Analysis to Heritage Studies: The Burra Charter and Social Inclusion // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12. № 4. P. 339–355.

References

- Balash A.N. Muzej kak «drugoe prostranstvo» kul'tury [Museum as an “other space” of culture], in *Muzej. Pamjatnik. Nasledie*. 2018. № 1 (3). P. 12–22. (in Rus.).
- Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995. 278 p.
- D'jakov A.V. *Mishel' Fuko i ego vremja* [Michel Foucault and his time]. Saint-Petersburg: Aletejja, 2010. 672 p. (in Rus.).
- Fuko M. *Arheologija znanija* [The Archeology of Knowledge]. Saint-Petersburg: Gumanitarnaja Akademija, 2004. 416 p. (in Rus.).
- Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p. (in Rus.).
- Fuko M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Saint-Petersburg: A-cad, 1994. 407 p. (in Rus.).

Fuko M. *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Knowledge: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal', 1996. 448 p. (in Rus.).

Hooper-Greenhill E. *Museums and the Shaping of Knowledge*. London; New York: Routledge, 1992. 232 p.

Lord B. Foucault's museum: difference, representation, and genealogy // *Museum and Society*. 2006. Vol. 4. № 1. P. 1–14.

Smith L. *All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums*. Amsterdam: Reinwardt Academy, Amsterdam School of the Arts, 2012. 48 p.

Smith L. «Zerkalo nasledija»: narcissicheskaja illjuzija ili mnozhestvo otrazhenij? [The «patrimonial mirror»: narcissistic illusion or multiple reflections?], in *Voprosy muzeologii*. 2013. №2 (8). P. 27–44. (in Rus.).

Waterton E., Smith L., Campbell G. The Utility of Discourse Analysis to Heritage Studies: The Burra Charter and Social Inclusion // *International Journal of Heritage Studies*. 2006. Vol. 12. № 4. P. 339–355.

ПАМЯТНИК

Харченко Д.И.

К ИСТОРИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1920-е — середина 1930-х гг.)

Харченко, Диана Игоревна — студентка бакалавриата, программа «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, st098196@student.spbu.ru.

Научный руководитель — к.и.н., доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.А. Любезников.

В статье рассматривается история возникновения и развития музея на территории Петропавловской крепости в 1920-е — середине 1930-х гг. К началу XX в. сформировалось несколько образов ансамбля, которые нашли отражения в печатных изданиях и повлияли на профиль возникшего музея. Описания зловещей тюрьмы из воспоминаний заключенных, преследуемых самодержавием, соседствовали с трепетным отношением к значимым объектам крепости в путеводителях по городу, однако первое понимание признается автором главенствующим для музейного строительства послереволюционной эпохи. Музеефикация на территории Заячьего острова происходила постепенно и затронула фактически лишь две ключевые постройки — Петропавловский собор и Трубецкой бастион. В статье отмечена роль первых музейных сотрудников — хранителя-архитектора Петропавловского собора О.М. Равицкой и заведующей музеем с конца 1920-х гг. А.Т. Шакол. Их имена редко упоминаются в существующей литературе по теме, а деятельность остается малоизученной. С опорой на имеющуюся историографию и неопубликованные документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга автор, реконструируя процесс музеефикации Петропавловской крепости в 1920-е — 1930-е гг., приходит к выводу о том, что в раннесоветский период надзор за памятниками ансамбля, становившимися объектами музейного показа, осуществляли, главным образом, три организации — Ленинградское отделение Главного управления научными и научно-художественными учреждениями при Наркомпросе, Ленинградский государственный музей Революции, а также Ленинградское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В публикации впервые подробно освещена роль Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в работе музея в 1930-е гг.

Ключевые слова: Петропавловская крепость, музеефикация, Главнаука, Музей Революции, Общество политкаторжан, Петропавловский собор, Трубецкой бастион, О.М. Равицкая.

TO THE HISTORY OF MUSEUMIFICATION OF THE PETER AND PAUL FORTRESS (1920s — mid — 1930s)

Kharchenko, Diana Igorevna — student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, st098196@student.spbu.ru.

The scientific supervisor—O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University

The article is dedicated to the history of the foundation and development of the museum located on the territory of the Peter and Paul Fortress, specifically in the 1920s—mid—1930s. By the beginning of the 20th century, different thoughts about the ensemble had been reflected in printed publications. All of them influenced the section of the museum in the future. Prisoners' memories of an ominous place for those persecuted by the autocracy are combined with reverent attitude towards significant objects of the landmark in travel guides, but the first vision resonates more with the author for museum development in the post-revolutionary period. Museumification on the territory of Hare ('Zayachy') island was carried out gradually. In fact, two key buildings were involved: Peter and Paul Cathedral and Trubetskoy bastion. The article highlighted the role of the first museum workers—custodian-architect of the Peter and Paul Cathedral: Olga Mikhailovna Ravitskaya, and museum chief since the late 1920s: Alexandra Timofeevna Shakol. Unfortunately, their names are rarely mentioned in literature related to this topic and their contribution has been little studied. Based on historiography and unpublished documents from Central State Archive of St. Petersburg and Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg, the author reconstructs the process of museumification of the Peter and Paul Fortress in 1920s—mid—1930s and concludes that in the early Soviet period, supervision over the monuments of the ensemble, which became museum objects, was carried out mainly by three organizations: Leningrad branch of the main directorate of scientific and scientific-artistic institutions under the People's Commissariat for Education, Leningrad Museum of Revolution and Leningrad branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers. For the first time the role of the Leningrad branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers in the work of the museum in the 1930s is described in detail.

Key words: Peter and Paul Fortress, museumification, Glavnauka, Museum of Revolution, branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, Peter and Paul Cathedral, Trubetskoy bastion, O.M. Ravitskaya.

Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге—это сложный и довольно многозначный историко-архитектурный ансамбль, в котором, по справедливому замечанию многих исследователей, «совместилось, казалось бы, несовместимое»¹. На страницах путеводителей, как советских, так и современных, памятник преподносится как результат борьбы русского народа за русские земли и выход к Балтийскому морю, как символ революционных дней и как место, связанное с одной из самых страшных тюрем Российской империи, с доминантой в виде Петропавловского собора. Тройная связь образов—«крепость-тюрьма-собор»—нерушима, но в XX веке добавляется еще одна составляющая—музей. Он начинает свою деятельность в начале 1920-х гг., а в 1930-е гг. становится одним из самых посещаемых историко-революционных музеев Ленинграда, своеобразной «русской Бастилией»—так крепость называют в официальных документах того времени. Какова была судьба царского наследия в новых социально-политических обстоятельствах и что происходило с ним в эти десятилетия? Требовало ли это наследие новой интерпретации в условиях смены власти и добавления иных смыслов? Как масштабный памятник превращался в объект музейного показа и функционировал

¹ *Макогонова М.* Петропавловская крепость: оплот России на Балтике, императорская усыпальница, государева тюрьма, музей под открытым небом. СПб., 1999. С. 3.

в довоенное время? Какие акторы были причастны к созданию и работе музея? И, наконец, с какими проблемами столкнулись музейные сотрудники на первых шагах своей деятельности на Заячьем острове? Настоящая статья — попытка реконструировать процесс музеефикации Петропавловской крепости в 1920-е — середине 1930-х гг. в его полноте и сложности.

В исследовательской литературе предпринимались попытки ответить на поставленные вопросы, хотя история возникновения музея и его функционирования в 1930-е гг. не нашла отражения в какой-либо отдельной монографии и раскрывается лишь в статьях, посвященных отдельным памятникам на территории крепости (прежде всего — тюрьме Трубецкого бастиона, Петропавловскому собору с Великокняжеской усыпальницей²), или в обзорных работах об ансамбле крепости, где рассматривается деятельность музея на том или ином историческом промежутке³. Их авторы — сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга, которые начали активно публиковаться с 1990-х гг. и внесли значительный вклад в изучение объектов крепости и общих аспектов ее истории: Л.В. Андрианова, А.И. Барабанова, Г.А. Попова, М.О. Логунова, Н.Р. Славнитский. Тем не менее, малоизученным моментом остаются персоналии первых музейных сотрудников, их роль в формировании музея. Большинство опубликованных статей основаны на материалах фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Далее — ЦГА СПб) и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее — ЦГАЛИ СПб), в меньшей степени — на материалах архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга (в нем также хранятся и постепенно публикуются архивные документы и научные исследования, по тем или иным причинам не вышедшие в свет в свое время). Дела ЦГА СПб, связанные с началом 1930-х гг., почти не введены в научный оборот и редко затрагиваются исследователями, однако позволяют лучше раскрыть направления музейной работы, осветить проблему сохранности самого архитектурного ансамбля в рассматриваемый период.

К началу XX века Петропавловская крепость воспринималась как военный объект и «Русская Бастилия», место заточения политических заключенных и офицеров. Помимо этого, на ее территории находились Монетный двор с Арсеналом, что делало крепость немаловажным стратегическим объектом. Хотя стоит отметить, что ансамбль больше ассоциировался с тюрьмой. Утрата крепостью своего первоначального смысла как военной цитадели еще в XVIII веке заложила иное господствующее восприятие всего комплекса зданий на территории Заячьего острова. Образ государственной тюрьмы, сформировавшийся уже в Петровское время, не исчезает с наступлением и XX столетия. Публикуются воспоминания бывших заключенных Трубецкого бастиона и Алексеевского рavelина, которые переиздавались в советское время. Они довольно эмоционально описывают свои

² См., напр.: *Славнитский Н.Р.* Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 15. С. 167–179; *Андрианова Л.В.* Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 1994. Вып. 2. С. 316–319.

³ Подробнее см.: *Андрианова Л.В.* Петропавловская крепость в 1917–1945 годах // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 397–407; *Барабанова А.И. Попова Г.А.* Петропавловская крепость-музей // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2001. С. 407–416; *Славнитский Н.Р.* Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). СПб., 2010. Т. 3. С. 421–432.

переживания. Для этих авторов крепость — «каменный гроб», вход — «пасть чудовищного зверя»⁴. Все в этой «каменной громаде» говорит об убийствах и пытках⁵. Яркое художественное изложение связывалось с памятью о товарищах и соратниках, которые сообщали различные сведения о лишениях. Именно в тюрьме «гибли лучшие силы России»⁶. Арестант терял имя, обращение на «вы», возможность общаться. Он «умирал для всего мира»⁷. Созданный на страницах мемуаров образ крепости как зловещего места заточения преследуемых самодержавием арестантов оказался весьма устойчив.

Иначе предстает Петропавловская крепость в дореволюционных путеводителях по городу. Как авторы описывали и воспринимали крепость с ее объектами? Г.К. Лукомский, например, в своей книге про старый Петербург предлагал совершить прогулки по незнакомым частям города. Потомки не вспомнят о находящихся в них «уголках старины» (дворы, ограды, балконы, росписи и пр.), «ведь участь их предрешена, дни их сочтены», поэтому автору важно отметить хотя бы некоторые исчезающие постройки, в отличие от известных, о которых помнят⁸. Тем не менее, в заключении автор всё-таки пишет о Петропавловской крепости с «фортами, собором, Монетным двором (Воронихин) и чудесным домиком «Дедушки русского флота», где каждая маленькая деталь — «въездные ворота, низкие флигеля казарм, ограды — дышит стариной»⁹. Другой пример — практический путеводитель Г.Г. Москвича (по одной из версий — это псевдоним¹⁰), где он приводит примеры сохранения императорами крепости и как бы добавляет, что «в таком приблизительно виде крепость находится и теперь» (возможно, намекая, что благодаря заботе о памятнике он существует до сих пор)¹¹. Далее Г.Г. Москвич пишет о пользе, которую крепость приносит зрителям своим пушечным выстрелом, извещая о полдне или наводнении, и подчеркивает, что рядом с Монетным двором в «особой каменной беседке» сохраняется бот, найденный Петром I¹². Автор отмечает, что Петропавловский собор — один из старейших и служит усыпальницей русских царей. Подробно описывается внешний и внутренний вид, последний «поражает своей грандиозностью, величием и красотой, а усыпальница Императорской Фамилии, в которой насчитывается 37 гробниц, придает ему особенно торжественный характер, оставляя неизгладимое впечатление»; в главном алтаре расположен «ласкающий глаз своей художественной красотой и легкостью стиля» иконостас¹³. Таким образом, в путеводителях начала XX века передавалось другое, особое, трепетное отношение к крепости, ее постройкам и мелким деталям, формировалось понимание, что ансамбль необходимо беречь и сохранять.

Революционные события сыграли значительную роль в последующей музеефикации крепости. Общеизвестен факт, что Петропавловская крепость сдалась без единого

⁴ *Поливанов П.С.* Алексеевский рavelин: Отрывок из воспоминаний. СПб., 1906. С. 18, 20.

⁵ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. Лондон, 1902. С. 324.

⁶ Там же.

⁷ *Поливанов П.С.* Алексеевский рavelин: Отрывок из воспоминаний. С. 51.

⁸ *Лукомский Г.К.* Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг., 1916. С. 10.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ *Лысова Л.И.* Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г.Г. Москвича // *Запад-Восток*. 2016. № 9. С. 108.

¹¹ *Москвич Г.Г.* Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса, 1903. С. 127.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 83.

выстрела. К моменту революционных событий 1917 г. ее гарнизон был революционно настроен и поддержал выступившие вооруженные отряды, а впоследствии принимал участие в штурме Зимнего дворца. Одно из наиболее полных исследований, затрагивающих проблему революционности расквартированных в крепости петроградских частей, — монография Е.П. Бусыревой (1928–1990), выпускницы искусствоведческого отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета, сотрудницы Государственного музея истории Ленинграда (с 1954 г.)¹⁴. В этом труде показана важность взятия крепости для установления власти большевиков. К 1917 г. Петропавловская крепость входила в Петроградский военный округ и была единственной, что состояла из частей войск разного значения, которые, однако, подчинялись коменданту крепости. Самой многочисленной была команда Петроградской крепостной артиллерии. Что важнее, так это артиллерийский склад, который, в силу специфики труда, комплектовался из среды квалифицированных рабочих-металлистов промышленных центров¹⁵. Из других существенных причин известной революционности «обитателей» крепости стоит отметить постоянное нахождение в казармах солдат, прибывавших с фронта для восполнения нехватки специалистов на военных заводах. Другими словами, крепость являлась своеобразной «перевалочной базой», предоставлявшей возможность узнавать последние новости. Недовольство своим положением и затянувшейся войной превратило гарнизон крепости в «пороховой погреб, готовый вспыхнуть, как только к нему будет поднесена спичка»¹⁶. После всех произошедших событий Петропавловская крепость по праву стала считаться колыбелью Октябрьской социалистической революции, располагавшей на своей территории арсеналом и вооруженными частями (большая часть из них накануне и во время революции склонялась к большевикам).

Что же происходило с находившимися на территории крепости архитектурными сооружениями, имевшими историческую и художественную ценность, в первые послереволюционные годы? Петропавловский собор был окончательно закрыт как действующий храм по приказу коменданта крепости А.И. Поппеля в 1919 г., а изъят из пользования общины верующих в 1922 г.¹⁷ По сведениям Л.В. Андриановой, собор был закрыт весной 1918 г. ввиду «причинения неудобств работе администрации крепости», затем открылся по просьбам верующих и перестал действовать в 1919 г., как указано выше¹⁸. Вероятно, «неудобства» заключались в том, что крепость продолжала существовать как военный объект¹⁹. Тем не менее, в сентябре–октябре 1917 г. наиболее ценные вещи были эвакуированы в Москву в связи с угрозой захвата Петрограда немецкими войсками, что предполагало их дальнейшее возвращение, однако судьба этих реликвий неизвестна. Вывоз ценностей в Москву касался и других объектов, например, Эрмитажа, Русского музея. Отправка осуществлялась в три очереди: 1) 15 сентября 1917 г.; 2) 7 октября 1917 г.; 3) 25 октября 1917 г.²⁰

¹⁴ Бусырева Е.П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб., 2017.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. С. 58.

¹⁸ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

¹⁹ Славитский Н.Р. Петроградская (Петропавловская) крепость в годы Гражданской войны // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 16–22.

²⁰ Барабанова А.И. Три документа о ценностях Петропавловского собора // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 1994. С. 322.

Согласно описи вещей, эвакуированных в Москву в первую очередь, из Петропавловского собора вывезен 31 ящик с изделиями Петра I, уникальными рукописными и старопечатными книгами, иконами, церковной утварью и облачениями. Кроме того, в ответе ктитора собора от 19 мая 1919 г. в отдел Юстиции Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, утверждается, что в Москву были отправлены также «книжки сберегательной кассы и банковские документы, хранящиеся в банках капиталы»²¹. В ответе от 25 декабря 1919 г. причт и китор вновь извещают, что «сберегательные книжки на денежные документы, указанные в описи, отправлены вместе с ценностями в Москву в Кремль [отправлены], откуда, по имеющимся сведениям, частью перевезены в Нижний Новгород, частью в Ярославль»²². Во вторую очередь отправился 21 ящик с предметами²³. Как итог, вывоз ценностей повлиял на последовавшее формирование экспозиции музея в соборе.

Тюрьма Трубецкого бастиона продолжила принимать заключенных (хотя официально была закрыта в марте 1918 г.) и действовала до 1921 г. В первые месяцы революции 1917 г. там были заключены министры царского правительства, а после октябрьских событий — арестованные министры уже Временного правительства и юнкера²⁴.

Трансформация крепости и отдельных ее построек в объект музейного показа шла медленно. В 1920 г. на территорию Заячьего острова была допущена первая экскурсионная группа — делегаты Второго конгресса III Интернационала²⁵, однако в литературе встречается информация, что экскурсии стали водить в 1918 г. в еще действующем Петропавловском соборе²⁶. По-видимому, этот опыт не был продолжительным. В новейших исследованиях подчеркивается, что свободный вход на территорию крепости был разрешен только 29 апреля 1921 г., окончательно возможность свободного посещения закреплена была в мае 1921 г.²⁷. Однако здания для посещения все еще были закрыты. В ноябре 1921 г. в подчинение Садовой секции Музейного фонда отходит Петропавловский собор²⁸. В дальнейшем организациями экскурсий занималось Главное управление научными и научно-художественными учреждениями, созданное при Наркомпросе в январе 1922 г. (далее Главнаука). В 1922 г. в ведение Главнауки были переданы Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. Они значились как «самостоятельный музейный объект»²⁹.

²¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее — ЦГА СПб). Ф. Р-151 (Петроградский райсовет народных депутатов СПб). Оп. 2. Д. 109. Дело по наблюдению за деятельностью Петропавловского собора (Анкеты служителей собора и др.). Л. 5.

²² Там же. Л. 8.

²³ Гессен В.Ю. О судьбе имущества Петропавловского собора в Петрограде // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 106.

²⁴ Славитский Н.Р. Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы. С. 167.

²⁵ Логачев К.И. Петропавловская (Санкт-Петербургская) крепость: Историко-культурный путеводитель. Л., 1988. С. 56.

²⁶ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

²⁷ Славитский Н.Р. Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга. С. 421.

²⁸ Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб., 2018. С. 75.

²⁹ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

В 1923 г. Реввоенсоветом было принято решение о передаче Трубецкого бастиона Государственному музею Революции (документально оформлено в начале 1924 г.). С мая 1924 г. появилась возможность посещать здания Трубецкого бастиона и Петропавловского собора. Н.Р. Славнитский отмечает, что распоряжение о передаче Петропавловского собора с Усыпальницей Музею Революции вышло только в конце 1926 г.³⁰ Изначально Петропавловский собор «как архитектурный памятник» вместе с Великокняжеской усыпальницей хотели передать в ведение Ленинградского Губернского исполнительного комитета Губернского Съезда Советов (Губисполкома) или Военного ведомства, в связи с чем Ленинградское отделение Главнауки запрашивало Музей Революции, представляют ли объекты интерес и будет ли музей возбуждать вопрос о передаче их в свое ведение³¹. Ленинградское отделение Главнауки контролировало и процесс создания музея в Трубецком бастионе, предлагая Музею Революции привести бастион в музейное состояние путем разработки плана, «облегчающего возможность широкого ведения политико-просветительной работы»³². В 1927 г., после ремонтных работ в ряде помещений, в Трубецком бастионе открылась экспозиция с восстановленными камерами³³.

Таким образом, 1920-е гг. стали временем постепенного складывания музея на территории Заячьего острова. Петропавловская крепость как конгломерат архитектурных построек, занятых различными государственными учреждениями, подведомственными разнообразным органам власти, в эпоху революции не могла одновременно быть трансформирована в музей. Сложившийся еще до революции образ крепости как места заключения деятелей освободительного движения, преследуемых царизмом, диктовал необходимость превращения в объекты музейного показа, в первую очередь, крепостных казематов. В то же время Петропавловский собор (архитектурная доминанта города), в котором погребены самодержцы, также должен был стать доступным публике. Вокруг этих двух ключевых построек — Трубецкого бастиона и Петропавловского собора — в основном и велась музейная работа.

Пришедшийся на 1920-е гг. процесс формирования образа Петрограда-Ленинграда как центра революционного движения способствовал тому, что Петропавловская крепость рассматривалась как одно из мест памяти о революции³⁴. Появлялись первые официальные путеводители (хотя в последующие годы будет особенно ощущаться дефицит литературы такого рода³⁵), согласно которым главным объектом показа являлся именно Трубецкой бастион: в нем содержались П.А. Кропоткин, С.С. Синегуб, Вера Фигнер и другие видные деятели революционного движения³⁶. В проводимых экскурсиях

³⁰ Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости — филиала Государственного музея Революции // ГМПРИР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России. СПб., 2010. С. 18.

³¹ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 21.

³² Там же. Л. 59.

³³ Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости — филиала Государственного музея Революции. С. 18.

³⁴ Березина В.А. «Знание — путь к коммунизму. Экскурсия — проводник знания»: экскурсия как форма досуга и просвещения петроградцев-ленинградцев в 1918–1929 годах // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (30). С. 92–93.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка с музеем революции о состоянии Петропавловской крепости. Л. 10, 17.

³⁶ Подробнее см.: Ползикова-Рубец К.В. Петропавловская крепость: путеводитель в экскурсионном плане. Л., 1930.

применялись новые на тот момент приемы. Например, раскрывались переживания заключенных с помощью чтения отрывков из их мемуаров во время экскурсии по казематам на тему «Петропавловская крепость как тюрьма», ибо «пустые однообразные переделанные камеры мало дают показательного зрительного материала»³⁷. В итоге с 1 июня 1924 года по 1 июля 1925 года крепость посетили 86 627 человек, больше всего — в составе экскурсий³⁸.

Какие же лица, связанные с этими первыми шагами музея, могут быть названы в первую очередь? Первым хранителем-архитектором Петропавловского собора стала Ольга Михайловна Равицкая. Назначение это от Ленинградского отделения Главнауки было не случайным, тем более, одним из тех, кто ее рекомендовал на службу, являлся известный архитектор К.К. Романов (1882–1942). Она родилась 27 декабря 1890 г. в Вильно (ныне — литовский Вильнюс) в семье ротмистра пограничной стражи³⁹. На момент 1925 г. вдова, ее муж прежде служил городским архитектором в городской управе. Получила среднее образование в Виленском Мариинском женском училище и успешно прошла курс восьмого класса по специализации в математике, с 1909 по 1916 гг. училась в Высшем Архитектурном институте имени Е. Ф. Багаевой и была оставлена при институте для изучения и исследования русского зодчества. В 1919 г. О.М. Равицкая стала членом постоянной комиссии по архитектуре Российской академии истории материальной культуры в Петрограде в качестве ассистента по изучению русского зодчества, попутно ведя работу исследовательского характера, будучи хранителем и архитектором памятников петровской эпохи. Ее первое самостоятельное исследование связано с изучением церкви Рождества на кладбище 1382 года в Новгороде⁴⁰. К сожалению, труд О.М. Равицкой не был напечатан «ввиду очень большого количества чертежей»⁴¹. А в 1920-е гг. она была приглашена на должность архитектора-хранителя в Музейный фонд. Через два года после назначения в Петропавловский собор в 1922 г. О.М. Равицкая стала также архитектором-хранителем Исаакиевского собора. Примерно в это же время ее назначают первым хранителем Летнего дворца⁴². Деятельность О.М. Равицкой связана с Музеем Революции, где она была архитектором и наблюдала за сохранностью Шлиссельбургской крепости, Петропавловского собора и Трубецкого бастиона до 1929 г., когда уволилась (по другой информации — была снята с работы⁴³). Заместитель директора Музея Революции П. Буткевич отмечал ее «медлительность в выполнении даваемых ей служебных поручений», а также то, что она «до сих пор не передала по акту вещи по Петрокрепости» и не оформила официально уход с работы⁴⁴. Нужно

³⁷ Эдельштейн З.А. Новые течения в школьных культурно-исторических экскурсиях // Вопросы экскурсионного дела: по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10–12 марта 1923 г. Пг., 1923. С. 24.

³⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 60.

³⁹ Там же. Д. 876. Равицкая О.М. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Мантуров М.В. Роль архитектора в музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду: участие архитекторов В.Н. Талепоровского, О.М. Равицкой и Н.Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду // Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2021 года. СПб., 2022. Т. XII. С. 138.

⁴³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-285 (Государственный музей Революции). Оп. 1. Д. 5. Списки личного состава сторожевой охраны. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Д. 7. Списки личного состава сторожевой охраны. Л. 28.

заметить, что имя О.М. Равицкой, связанное с целым рядом музеев в 1920-е гг., оказалось в забвении, а ее биография требует дальнейшего изучения.

Еще один человек, который напрямую был связан с Петропавловской крепостью в 1920-е гг. — Александра Тимофеевна Шакол (1886–1958). Она работала научным сотрудником в Музее Революции, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. являлась заведующей Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями. Музей Революции отмечал в 1933 г. проделанные ею работы в Петропавловской крепости, среди которых проработка архивов и на основе данных создание дополнительной экспозиции в Трубецком бастионе, а также дополнительной экспозиции о Международной организации помощи борцам революции (МОПР), проведение исследовательской работы в военном архиве по изучению планов и чертежей за XVIII–XIX вв., в результате чего выполнена модель Петропавловской крепости за 1870–1880-е гг. Одна из печатных работ А.Т. Шакол — статья о казни в 1879 г. В.Д. Дубровина на левом валу Иоанновского рavelина крепости в «Каторге и ссылке» за 1929 г.⁴⁵

Помимо О.М. Равицкой и А.Т. Шакол, персональный состав целой плеяды первых музейных сотрудников на территории Петропавловской крепости все еще требует своего изучения.

Несмотря на признание революционного значения крепости и немалую посещаемость ее экскурсантами, в середине 1920-х гг. музей на Заячьем острове сталкивается с рядом проблем. В 1930-е гг. эти трудности займут одно из центральных мест и достигнут своего пика накануне Великой Отечественной войны. Средств на ремонт и починку зданий, подконтрольных Музею Революции, крайне не хватало. Так, в 1925 г. Музей Революции просил у Главнауки отчислять ему 50 % с входной платы в крепость⁴⁶, с чем не была согласна О.М. Равицкая (только она пишет о половине с входной платы от посещения Петропавловского собора), ведь все предполагаемые деньги на ремонт собора ушли на починку кровли Трубецкого бастиона. На тот момент именно О.М. Равицкая распоряжалась средствами от Главнауки и входной платой и считала, что «приведя в порядок один памятник, необходимо приступить к работам по Петропавловскому собору», хотя и допускала возможность отложить его ремонт ввиду «спешности работ» в Трубецком бастионе⁴⁷. Из-за отсутствия средств музей отказался увеличивать число бесплатных экскурсий в праздничные дни⁴⁸. Даже для устройства выставки в Трубецком бастионе Музей Революции неоднократно обращался о предоставлении денег все к той же О.М. Равицкой, а ремонт и обустройство камер бывшей тюрьмы завершились только в 1927 г. Таким образом, архитектурные объекты на территории Заячьего острова в 1920-е гг. лишь формально попали в ведение Музея Революции, однако в действительности находились под надзором Главнауки. Такое двойственное положение негативно сказывалось на проведении ремонтно-реставрационных работ. Еще ряд проблем касался сохранности всего архитектурного ансамбля, а также взаимодействия организаций и учреждений на крепостной территории.

К началу 1930-х гг. Петропавловская крепость все еще продолжала оставаться военным объектом: около 75 % ее территории занимали учреждения Ленинградского военного округа, части НКВД и Балтфлота, остальную — Монетный двор, Государственный

⁴⁵ Там же. Д. 10. Характеристики и список сотрудников. Л. 6.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 20.

⁴⁷ Там же. Л. 23.

⁴⁸ Там же. Л. 4.

Музей Революции, Газодинамические мастерские, Ленинградское отделение Государственной центральной книжной палаты, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и другие организации⁴⁹. Великокняжеская усыпальница передавалась Книжной палате (в 1936 г. усыпальница стала филиалом Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)⁵⁰. Сосуществование различных по своим функциям и подчинению органов и учреждений не могло не привести к известной разобщенности целостного крепостного ансамбля, что проявлялось как во взаимоотношениях между этими организациями, так и в состоянии самой территории острова.

Потребность в мероприятиях по благоустройству крепости и капитальному ремонту зданий возникла еще в середине 1920-х гг., когда состоялся ремонт Трубецкого бастиона, однако в 1930-е гг. по причине финансовых трудностей и из-за масштаба необходимых работ на первый план выходит проблема сохранности всего комплекса, а не только отдельных объектов. Музей Революции подвергался активной критике за ненадлежащее руководство. Она нашла выражение в ряде публикаций. Так, в 1933 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» за 8 октября Вл. Холодковский поместил резкую заметку под названием «Взятие Петропавловской крепости»⁵¹. В ней красочно описана «мерзость запустения» крепости, «ценнейшего историко-революционного памятника города»: заборчики, свинарники, отсутствие водопровода, канализации, кучки мусора, разруха, грязь, вонь и пр. Положительно он оценивает деятельность Ленинградского отделения Главнауки в 1927 г., так как именно оно привело крепость в приемлемый вид. Автор пишет о бесконечных переговорах по поводу настоящего положения. Главный виновник, по мнению Вл. Холодковского, «хозяин» во множественном числе (их «не то 9, не то 12 — в точности этого, кажется, никто не знает»). Крепость «взята изнутри», а значит, ее должен взять приступом кто-то другой. Решение проблемы он видит во вмешательстве Ленсовета и в приходе единого владельца. Другой пример — статья «Свиньи в Петропавловской крепости» с похожими описаниями: «деревянные заборы, сараи, лачуги, свинарники, конюшни»⁵². Первой публикацией заинтересовалась Ленинградская областная контрольная комиссия Рабоче-крестьянской инспекции, и уже 28 октября 1933 г. был осуществлен осмотр внутренней и внешней частей крепости представителями Ленсовета и Специнспекции, в результате чего подтвердилось «исключительно запущенное состояние памятника»⁵³. В сохранившемся Постановлении Президиума Ленинградского областного комитета ВКП(б) и Коллегии Рабоче-крестьянской инспекции по вопросу о состоянии Петропавловской крепости отмечен факт, что в заметке Вл. Холодковского «не учтено значительное количество еще других дефектов, каковые были обнаружены при осмотре»⁵⁴. Например, наличие самовольных построек без согласования Архитектурно-планировочного отдела Ленсовета и Бюро Охраны памятников, открытых тиров

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384 (Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов). Оп. 17. Д. 287. Материалы по благоустройству Петропавловской крепости и по озеленению г. Ленинграда. Л. 69, 98.

⁵⁰ Барбанова А.И., Попова Г.А. Петропавловская крепость-музей. С. 409.

⁵¹ Холодковский Вл. Взятие Петропавловской крепости // Красная газета. Вечерний выпуск. 1933. № 232 (4012). С. 2.

⁵² ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка с Музеем Революции о состоянии Петропавловской крепости. Л. 35.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-1027 (Областная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции). Оп. 1. Д. 1238. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 10.

для стрельбы. Более того, чтобы комиссия смогла попасть в военную часть, им нужно было получить соответствующее разрешение⁵⁵. Постановление обязывало произвести ремонтные работы и передать всю территорию со строениями в ведение Массового отдела Ленсовета для создания единого историко-революционного музея, а военным органам поручалось развернуть работу военных музеев⁵⁶. В дальнейшем также будет отмечаться ненадлежащее руководство Музея Революции, несмотря на получение дохода от продажи входных билетов. В ответ на возражения А. Шакол, заведовавшая крепостью, сообщала о постоянных обращениях музея к различным учреждениям (Отдел охраны памятников старины и искусства, Массовый отдел Ленсовета) с ходатайством о средствах на неотложный ремонт Трубецкого бастиона и Петропавловского собора, но денег, по ее словам, музей никаких не получал⁵⁷. В августе 1934 г. А. Шакол подводит итог в своем сообщении о состоянии ансамбля: «Крепость продолжает разрушаться»⁵⁸. Попытки исправить ситуацию, однако, все же предпринимались.

В 1934 г., за год до своего разгрома, Ленинградское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев взяло «шефство» над бывшей тюрьмой Трубецкого бастиона и Петропавловским собором для организации политико-просветительной работы вокруг памятника «в широких массах трудящихся Ленинграда»⁵⁹. Организация хотела устроить историко-революционный музей в бывшей квартире смотрителя тюрьмы, так как «в настоящее время посетители видят лишь голые стены»⁶⁰. Второй шаг виделся в восстановлении полуразрушенного памятника в дореволюционном состоянии, в ремонте зданий.

До 1934 г. Общество уже интересовалось памятником, выпустив в 1931 г. в своем издательстве книгу историка А.В. Предтеченского «Летопись Петропавловской крепости»⁶¹. В работе задавалась модель интерпретации Петропавловской крепости, наиболее целесообразная для этой общественной организации. История ансамбля связывалась с этапами революционного движения, и через показ невыносимых условий заключения узников, «пленников правительства» и настоящих борцов, представляла яркая и ужасная летопись Петропавловской крепости. Интерес Общества политкаторжан подкреплялся и тем, что среди его членов были бывшие заключенные «русской Бастилии».

Архитектурные объекты при этом продолжали официально находиться в ведении Музея Революции, а «шефство» Общества на первом этапе понималось как помощь в работе музея по улучшению положения в Петропавловской крепости, то есть без юридической передачи Петропавловского собора и здания бывшей тюрьмы под контроль последнего. Но Ленинградское отделение Общества довольно быстро осознало формальное, ведомственное положение памятника как филиала Музея Революции и откровенно писало о планах превратиться «из шефа в полного хозяина», то есть полностью закрепиться в крепости⁶². Все дальнейшие усилия Общества направлялись на внедрение в крепость его членов на самые разные должности.

⁵⁵ Там же. Л. 11.

⁵⁶ Там же. Л. 4–5.

⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 27.

⁵⁸ Там же. Л. 27 об.

⁵⁹ Там же. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 31.

⁶¹ Предтеченский А.В. Летопись Петропавловской крепости. М., 1931.

⁶² ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 33.

За свой счет, «согласно договоренности» с Музеем Революции, Ленинградское отделение Общества направило 24 июля 1934 г. члена Алексея Николаевича Алешковского (1879–1938), эсера, до революции подвергавшегося арестам, а после работавшего в области внешкольного образования⁶³, для заведования музеем⁶⁴. В период с 25 июля по 1 августа 1934 г. А.Н. Алешковский отправил четыре служебные записки. В первых двух А.Н. Алешковский, ознакомившись с книгами заявлений и пожеланий посетителей, писал про жалобу на отсутствие кипяченой воды в Трубецком бастионе, отчего «возможно заразиться разными болезнями»⁶⁵. Он договорился с воинской частью по соседству о доставке ежедневно трех ведер кипяченой воды за 30 рублей в месяц. В другом отзыве высказана необходимость хозяйственного ухода за двором, иначе «историческая тюрьма превратится в уборную». Решение проблемы автор записки видел в организации субботника с привлечением членов Общества. Следующая (третья) записка основана на мнении самого А.Н. Алешковского: «Организационные работы по музею потребуют большой затраты времени и энергии»⁶⁶. Это и ремонт тюрьмы Трубецкого бастиона, Петропавловского собора, «ожидалки», создание буфета, выставки, библиотеки, налаживание экскурсионной работы. Наконец, последняя говорила о необходимости создания киоска с соответствующей литературой⁶⁷. Таким образом, представители Общества политкаторжан, в первую очередь, А.Н. Алешковский, в начале 1930-х гг. попытались наладить работу филиала Музея Революции в Петропавловской крепости, стимулировали активность сотрудников самого музея.

В начале августа 1934 г. должность заведующего музеем вновь перешла к А.Т. Шакол. Тогда Обществом политкаторжан проводится собрание, на котором признается плохое состояние зданий крепости из-за отсутствия средств у Музея Революции. Предлагается создать руководство для работы в музее и подготовить необходимые кадры с помощью А.Т. Шакол⁶⁸. В это же время формируется группа по политико-просветительной деятельности, а также хозяйственная комиссия. Общество осмотрело Петропавловский собор и Трубецкой бастион на предмет наличия политико-просветительской деятельности и выявило почти полное ее отсутствие, крайнее запустение объектов. Часть расходов по ремонту объектов Общество готовилось взять на себя, а другую, по его мнению, должен был отпустить Ленсовет⁶⁹. В то же самое время Музей Революции просит военное ведомство предоставить ему половину Петровской куртины для обустройства там буфета, помещения для курения и уборной, а также ходатайствует об освобождении Алексеевского рavelина от конюшен и барачков и праве подниматься на бастион Петра I. О предоставлении помещения «с удобствами» просит и Общество у Ленинградского городского комитета ВКП(б)⁷⁰.

В конце августа 1934 г. Музей Революции фактически впервые составляет подробный план работ по «нашей Бастилии» и отправляет его Обществу⁷¹. Планируемый результат

⁶³ О нем подробнее см.: *Филимонов А.В.* Псковские статистики и общество краеведения (1920-е гг.) // Псков. 2015. № 42. С. 84–93.

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 6. Кроме А.Н. Алешковского, для проведения экскурсий на время отсутствия сотрудника Музея Революции в виде общественной нагрузки прикреплялся член Общества Махлин.

⁶⁵ Там же. Л. 7, 8.

⁶⁶ Там же. Л. 9.

⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁸ Там же. Л. 13, 13 об.

⁶⁹ Там же. Л. 29–33.

⁷⁰ Там же. Л. 16.

⁷¹ Там же. Л. 23–26.

всех предприятий — превращение Петропавловской крепости в «музейный центр (музейный городок)» ввиду ее всесоюзного и европейского значения. Подготовка к осуществлению этого замысла состояла в выселении «случайных хозяев», назначении единого хозяина, запрете искажать здания, предоставлении ряда зданий для музейного использования (музеи, библиотеки, лектории, кино), ремонте крепости, обслуживании посетителей, охране. Все работы делились на пять видов: организационные, ремонтные, музейные (экспозиционные), обслуживание посетителей и охрана.

В перечне об организационных работах отразились наиболее острые проблемы последних лет: устройство зала ожидания, получение права водить экскурсии на бастион Петра I, передача Ботного здания для книжного киоска и почтового отделения, организация помещения для служащих. Ремонтные работы состояли в починке Трубецкого бастиона, Петропавловского собора, помещения для экскурсантов и служащих, Ботного здания (капитальный и хозяйственный ремонт). Музейные работы распределялись по объектам. Так, в Трубецком бастионе планировалось отремонтировать камеры, оборудовать заново место заключения Горького и т.д. Кроме того, предполагалось создание дополнительной экспозиции в квартире зрителя. Петропавловский собор не попадал под пристальное внимание Музея Революции, есть только упоминание о формировании в здании экспозиции на тему «Религия на службе у государства». Новая инициатива, содержащаяся в плане, — установка мемориальных досок на территории Петропавловской крепости, развития в тот период не получила. Блок работ, связанных с обслуживанием посетителей, включал в себя издательскую деятельность (путеводители, листовки, открытки и др.). Наконец, в числе охранных мероприятий упоминались самые общие положения, которые касались Трубецкого бастиона.

В 1934–1935 гг. Ленинградское областное отделение Общества политкаторжан и Музей Революции совместно составляли планы по ремонту и благоустройству Петропавловского собора и Трубецкого бастиона. Воплощение в жизнь этих планов, хотя и имело место, но существенных изменений в облике музея не произошло. Как свидетельствовали результаты проводимой Обществом политкаторжан инспекции, «проходы к Трубецкому бастиону содержатся правда чище, чем это было видно, мусора сейчас там не видно», но «в остальном всё по-прежнему»⁷². Судить об уровне культурно-просветительской работы в филиале Музея Революции в середине 1930-х гг. затруднительно. Информация о проведении экскурсий в Петропавловском соборе и тюрьме Трубецкого бастиона фрагментарна. На одном из собраний ударной бригады Музея Революции по Петропавловской крепости 27 апреля 1933 г. обсуждался фашизм и его привязка к экскурсии по собору⁷³. Предлагалось рассказывать о царском и фашистском терроре, о военной угрозе, которую несет СССР фашизм. В протоколе собрания 16 мая того же года давались соображения по поводу рассказа о строительстве крепости, например, предлагалось использовать противопоставления: «захватническая политика царского правительства» и «наша политика мира», затраченные средства на собор и строительство Домов Культуры, диктатура финансового капитала и диктатура пролетариата⁷⁴. В Трубецком бастионе планировалось

⁷² Там же. Д. 750. Дело по наблюдению за деятельностью музея «Петропавловская крепость». Л. 20.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. Р-4410 (Общество пролетарского туризма и экскурсий). Оп. 1. Д. 555. Протоколы собраний бригад музеев: Революции, Петропавловской крепости и методоразработка тем для экскурсий. Л. 4–4 об.

⁷⁴ Там же. Л. 8.

сравнивать строительство камер и «наше строительство»⁷⁵. Подчеркнутое стремление идеологизировать экскурсионное обслуживание, использовать музей в качестве орудия идеологической борьбы типично для начала 1930-х гг., однако процесс складывания целостного музейного организма в Петропавловской крепости оказался осложнен изменениями в социально-политической реальности тех лет. Шефствовавшее над музеем Общество политкаторжан ликвидировали в 1935 г.⁷⁶, Музей Революции был временно закрыт в мае 1935 г.⁷⁷ Попытки предпринять более решительные меры по сохранению, ремонту, реставрации и музеефикации ансамбля крепости будут предприниматься только в конце 1930-х гг., но этим планам помешает война.

Петропавловская крепость в 1920-е–1930-е гг. оказалась в фокусе внимания разнообразных сил, стремившихся использовать расположенные на ее территории объекты для своих нужд. Историческое и художественное значение архитектурных сооружений крепости способствовало процессу их музеефикации, проходившему в послереволюционную эпоху отнюдь не беспрепятственно. Музейный статус получили в послереволюционные десятилетия фактически лишь два объекта—тюрьма Трубецкого бастиона и Петропавловский собор. Надзор за ними осуществляли представители трех учреждений—Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса, Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Ленинградского Государственного музея Революции. Масштаб требовавшихся ремонтно-реставрационных работ, необходимость постоянного взаимодействия с многочисленными размещавшимися на территории Заячьего острова организациями, в том числе подведомственными Наркомату обороны, осложняли процесс музеефикации, при том что необходимость расширения музейных площадей уже однозначно осознавалась к середине 1930-х гг. Однако сформировавшийся к этому периоду публичный образ Петропавловской крепости как «русской Бастилии», поддерживаемый Музеем Революции, хотя и лежал в основе историко-революционного профиля действовавшего музея, не позволял разрешить проблему сохранности всего историко-архитектурного комплекса.

Список литературы

Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб.: Искусство России, 1994. Вып. 2. С. 316–319.

Андрианова Л.В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах // Петропавловская крепость: страницы истории: к 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 397–406.

Барабанова А.И. Попова Г.А. Петропавловская крепость-музей // Петропавловская крепость. Страницы истории: к 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 407–416.

Барабанова А.И. Три документа о ценностях Петропавловского собора // Краеведческие записки: исследования и материалы. СПб.: Искусство России, 1994. Вып. 2. С. 320–325.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ О ликвидации общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 34. Ст. 299.

⁷⁷ *Мальшева С.Н.* Культурно-просветительская работа Государственного музея Революции в 1920–1930-х гг. // Политическая история России. Теория и музейная практика: сборник научных трудов. К 100-летию Государственного музея политической истории России. СПб., 2019. Вып. X. С. 256.

Березина В.А. «Знание— путь к коммунизму. Экскурсия— проводник знания»: экскурсия как форма досуга и просвещения петроградцев-ленинградцев в 1918–1929 годах // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (30). С. 88–98.

Бусырева Е.П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб.: ГМИ СПб, 2017. 164 с.

Гессен В.Ю. О судьбе имущества Петропавловского собора в Петрограде // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 103–116.

Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 208 с.

Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М.: Луч, 2001. 163 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. Лондон: Издание фонда вольной русской прессы, 1902. 477 с.

Логачев К.И. Петропавловская (Санкт-Петербургская) крепость: Историко-культурный путеводитель. Л.: Аврора, 1988. 143 с.

Лукомский Г.К. Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг.: Свобод. Искусство, 1916. 81 с.

Лысова Л.И. Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г.Г. Москвича // Запад-Восток. 2016. № 9. С. 107–125.

Макогонова М. Петропавловская крепость: оплот России на Балтике, императорская усыпальница, государева тюрьма, музей под открытым небом. СПб.: П–2, 1999. 28 с.

Мальшева С.Н. Культурно-просветительская работа Государственного музея Революции в 1920–1930-х гг. // Политическая история России. Теория и музейная практика: сборник научных трудов. К 100-летию Государственного музея политической истории России. СПб.: Тип. «Любавич», 2019. Вып. X. С. 250–265.

Мантуров М.В. Роль архитектора в музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду: участие архитекторов В.Н. Талепоровского, О.М. Равицкой и Н.Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду // Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2021 года. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2022. Т. XII. С. 134–141.

Москвич Г.Г. Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса: Тип. Юж.-рус. о-ва печ. дела, 1903. XVIII, 288, XLVIII с.

Ползикова-Рубец К.В. Петропавловская крепость: путеводитель в экскурсионном плане. Л.: Гос. изд-во, 1930. 103 с.

Поливанов П.С. Алексеевский равелин: Отрывок из воспоминаний. СПб.: В знании и борьбе— сила и право В. Распопова, 1906. 128 с.

Предтеченский А.В. Летопись Петропавловской крепости. М.: изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1932. 120 с.

Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости— филиала Государственного музея Революции // ГМПРИР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России. СПб.: Норма, 2010. С. 17–23.

Славнитский Н.Р. Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Труды первого всероссийского

съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. Т. 3. С. 421–432.

Славнитский Н.Р. Петроградская (Петропавловская) крепость в годы Гражданской войны // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 16–22.

Славнитский Н.Р. Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2007. Вып. 15. С. 167–179.

Филимонов А.В. Псковские статистики и общество краеведения (1920-е гг.) // Псков. 2015. № 42. С. 84–93.

Эдельштейн З.А. Новые течения в школьных культурно-исторических экскурсиях // Вопросы экскурсионного дела: по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10–12 марта 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1923. С. 23–27.

References

Andrianova, L.V. *Iz istorii Petropavlovskogo sobora i Velikoknjazheskoj usypal'nicy 1920–1940-h godov* [To the history of the Peter and Paul Cathedral and the Grand Ducal Burial Chapel in 1920–1940s], in *Kraevedcheskie zapiski: Issledovanija i materialy*. Saint-Petersburg: Iskusstvo of Russia Press, 1994. Vol. 2. P. 316–319. (in Rus.).

Andrianova, L.V. *Petropavlovskaja krepost' v 1917–1945 godah* [The Peter and Paul Fortress in 1917–1945], in *Petropavlovskaja krepost'. Stranicy istorii: k 300-letiju Sankt-Peterburga*. Saint-Petersburg: Art-Palاس Press, 2001. P. 397–406. (in Rus.).

Barabanova A.I., Popova G.A. *Petropavlovskaja krepost'-muzej* [Peter and Paul Fortress Museum], in *Petropavlovskaja krepost'. Stranicy istorii: k 300-letiju Sankt-Peterburga*. Saint-Petersburg: Art-Palاس Press, 2001. P. 407–416. (in Rus.).

Barabanova, A.I. *Tri dokumenta o cennostjah Petropavlovskogo sobora* [Three documents on the values of the Peter and Paul Cathedral], in *Kraevedcheskie zapiski: Issledovanija i materialy*. Saint-Petersburg: Art of Russia Press, 1994. Vol. 2. P. 320–325. (in Rus.).

Berezina, V.A. «*Znanie — put' k kommunizmu. Jekskursija — provodnik znanija*»: *jekskursija kak forma dosuga i prosveshhenija petrogradcev-leningradcev v 1918–1929 godah* [“Knowledge is the way to communism. Excursion is the conductor of knowledge”: excursion as a form of leisure and enlightenment of Petrograders-Leningraders in 1918–1929], in *Vestnik Permskogo universiteta*. 2015. Vol. 3 (30). P. 88–98. (in Rus.).

Busyreva, E.P. *Petropavlovskaja krepost' v dni revoljucii 1917 goda* [Peter and Paul Fortress during the revolution in 1917]. Saint-Petersburg: GMI St. Petersburg Press, 2017. 164 p. (in Rus.).

Edelstein, Z.A. *Novye techenija v shkol'nyh kul'turno-istoricheskikh jekskursijah* [New trends in school cultural and historical excursions], in *Voprosy jekskursionnogo dela: po danym Petrogradskoj jekskursionnoj konferencii, 10–12 marta 1923 g.* Petrograd: Nachatki znaniy, 1923. P. 23–27. (in Rus.).

Filimonov, A.V. *Pskovskie statistiki i obshhestvo kraevedenija (1920-e gg.)* [Pskov statisticians and local history society (1920s)], in *Pskov*. 2015. № 42. P. 84–93. (in Rus.).

Gessen, V.YU. *O sud'be imushhestva Petropavlovskogo sobora v Petrograde* [Archival documents relating to the fate of the property of the Peter and Paul Cathedral in Petrograd in 1916–1918], in *Vestnik cerkovnoj istorii*. 2020. № 1–2 (57–58). P. 103–116. (in Rus.).

Ivanov, D.V. *Revoljucii i kollekcii: Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzejnogo fonda i Muzej antropologii i jetnografii* [Revolutions and collections: Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]

Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. Saint-Petersburg: MAE RAN Press, 2018. 208 p. (in Rus.).

Kaulen, M.E. *Muzei-hramy i muzei-monastyri v pervoe desjatiletie Sovetskoj vlasti* [Museums-temples and museums-monasteries in the first decade of Soviet power]. Moscow: Luch, 2001. 163 p. (in Rus.).

Kropotkin, P.A. *Zapiski revoljucionera* [Memoirs of a Revolutionist]. London: Publ. "Fond vol'noj russkoj literatury", 1902. 477 p. (in Rus.).

Logachev, K.I. *Petropavlovskaja (Sankt-Peterburgskaja) krepost': Istoriko-kul'turnyj putevoditel'* [Peter and Paul (St. Petersburg) Fortress: Historical and Cultural Guide]. Leningrad: Avrora Press, 1988. 143 p. (in Rus.).

Lukomsky, G.K. *Staryj Peterburg. Progulki po starinnyim kvartalam stolicy* [Old St Petersburg. Walks through the old neighbourhoods of the capital city]. Petrograd: Svobodnoye iskusstvo Press, 1916. 81 p. (in Rus.).

Lysova, L.I. *Neizvestnye stranicy zhizni avtora pervogo putevoditelja po Krymu G.G. Moskvicha* [Unknown pages of life author of the first guide to Crimea G.G. Moskvich], in *Zapad-Vostok*. 2016. № 9. P. 107–125. (in Rus.).

Makogonova, M. *Petropavlovskaja krepost': oplot Rossii na Baltike, imperatorskaja usypal'nica, gosudareva tjur'ma, muzej pod otkrytym nebom* [Peter and Paul Fortress: Russia's stronghold on the Baltic, imperial burial vault, sovereign's prison, open air museum]. Saint-Petersburg: P-2 Press, 1999. 28 p. (in Rus.).

Malysheva, S.N. *Kul'turno-prosvetitel'skaja rabota Gosudarstvennogo muzeja Revoljucii v 1920–1930-h gg.* [Cultural and educational work of the State Museum of the Revolution in the 1920–1930], in *Politicheskaja istorija Rossii. Teorija i muzejnaja praktika: sbornik nauchnyh trudov. K 100-letiju Gosudarstvennogo muzeja politicheskoi istorii Rossii*. Saint-Petersburg: "Lubavitch" Press, 2019. Vol. X. P. 250–265. (in Rus.).

Manturov, M.V. *Rol' arhitekтора v muzeifikacii Letnego dvorca Petra I v Letnem sadu: uchastie arhitektorov V.N. Taleporovskogo, O.M. Ravickoj i N.E. Lansere v sozdanii dvorca-muzeja «Letnij dvorec Petra I» v Letnem sadu* [The role of the architect in the museumification of the Summer palace of Peter I in the Summer garden: participation of architects V.N. Taleporovsky, O.M. Ravitskaya and N.E. Lancere in the creation of the palace museum "Summer palace of Peter I" in the Summer garden], in *Dvorec kak portret vladel'ca: Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii GMZ "Petergof", Sankt-Peterburg, 27–28 sentjabrja 2021 goda*. Saint-Petersburg: GMZ "PETERGOF" Press, 2022. Pt. XII. P. 134–141. (in Rus.).

Moskvich, G.G. *Prakticheskij putevoditel' po S.-Peterburgu i ego okrestnostjam* [A practical guide to St. Petersburg and its surroundings]. Odessa: "Yuzhnoye russkoye obshchestvo pechatnogo dela" Press, 1903. XVIII, 288, XLVIII p. (in Rus.).

Polivanov, P.S. *Alekseevskij ravelin: Otryvok iz vospominanij* [Alexeyevsky Ravelin: An extract from memoirs]. Saint-Petersburg: V znanii i bor'be—sila i pravo V. Raspopova, 1906. 128 p. (in Rus.).

Polzikova-Rubets, K.V. *Petropavlovskaja krepost': putevoditel' v jekskursionnom plane* [The Peter and Paul Fortress: a guidebook in a sightseeing plan]. Leningrad: State Publishing House Press, 1930. 103 p. (in Rus.).

Predtechensky, A.V. *Letopis' Petropavlovskoj kreposti* [Chronicle of the Peter and Paul Fortress]. Moscow: Publ. "The Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers", 1923. 120 p. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Istorija Petropavlovskoj kreposti—filiala Gosudarstvennogo muzeja Revoljucii* [History of the Peter and Paul Fortress, a filial of the State Museum of the Revolution], in GMPiR: 90 let v prostranstve istorii i politiki. 1919–2009: materialy nauchnoj konferencii, posvjashhennoj jubileju Gosudarstvennogo muzeja politicheskoi istorii Rossii. Saint-Petersburg: Norma Press, 2010. P. 17–23. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Muzeifikacija Petropavlovskoj kreposti i ee vključenje v sostav Gosudarstvennogo muzeja istorii Sankt-Peterburga* [Museumification of the Peter and Paul Fortress and its integration into the State Museum of the History of St. Petersburg], in Trudy pervogo vsrossijskogo s#ezda istorikov-regionovedov (Sankt-Peterburg, 11–13 oktjabrja 2007 goda). Saint-Petersburg: Presidential library Press, 2010. Pt. 3. P. 421–432. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Petrogradskaja (Petropavlovskaja) krepost' v gody Grazhdanskoj vojny* [The Petrograd (Peter and Paul) Fortress during the Russian Civil War], in Istorija v podrobnostjah. 2013. № 12 (42). P. 16–22. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Tjur'ma Trubeckogo bastiona Petropavlovskoj kreposti v 1918–1940 gody* [Prison of the Troubetskoy Bastion of the Peter and Paul Fortress in 1918–1940], in Trudy Gosudarstvennogo muzeja istorii Sankt-Peterburga. Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2007. Vol. 15. P. 167–179. (in Rus.).

Туркин А.И.

ОТКРЫТКА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА КАК КОМПЛЕКСНЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ О ПРОШЛОМ

Туркин, Александр Ильич—студент бакалавриата, программа «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, st106267@student.spbu.ru.

Научный руководитель—кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ А.А. Никонова.

Статья посвящена проблеме рассмотрения почтовой открытки как комплексного носителя исторической, культурологической, лингвистической и др. информации о прошлом. Кратко излагается история открытки, в частности, русской открытки. На примере двух открыток из личного архива анализируются типографские элементы открытки начала XX в. и детали их полиграфического оформления, уделяется внимание почтовой марке как источнику информации по истории и культуре, проводится расшифровка рукописного текста и его интерпретация с целью осмысления исторических событий начала XX века в Российской империи. Почтовые открытки из личных архивов являются ценным материалом для исследований. С ростом интереса к судьбам обычных людей, их повседневной жизни, значение подобных источников для исторических исследований повышается.

Ключевые слова: почтовая открытка, открытое письмо, художественная открытка, видовая фотооткрытка, атрибуция, визуальный образ, исторический источник, эпистолярная коммуникация, интерпретация, Санкт-Петербург, Российская империя, гимназия, женские курсы.

POSTCARD FROM THE FAMILY ARCHIVE AS A COMPREHENSIVE CARRIER OF INFORMATION ABOUT THE PAST

Turkin, Alexander Ilich—student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, st106267@student.spbu.ru.

The scientific supervisor—A.A. Nikonova, Candidate of Science in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

The article is concerned with the problem of considering a postcard as a complex carrier of historical, cultural, linguistic and other information about the past. The history of the postcard, in particular the Russian postcard, is briefly outlined. Using the example of two postcards from a personal archive, the typographic elements of a postcard from the early 20th century are analyzed. and the details of their printing design, attention is paid to the postage stamp as a source of information on history and culture, the handwritten text is deciphered and interpreted in order to understand the historical events of the early 20th century in the Russian Empire. Postcards from personal archives are valuable research material. With growing interest in the fate of ordinary people and their daily lives, the importance of such sources for historical research is increasing.

Key words: postcard, open letter, art postcard, specific photo postcard, attribution, visual image, historical source, epistolary communication, interpretation, St. Petersburg, Russian Empire, gymnasium, women's courses.

Век открытки начался в России в 1870 годы. Пореформенная эпоха, характеризовавшаяся переменами в социально-экономической жизни, интенсификацией промышленного производства, ростом городов и развитием транспорта, оказывала влияние на миграцию населения внутри империи и тем самым формировала потребность в установлении новых способов коммуникации. Новации коснулись почтового сообщения. Так, в 1872 году была изготовлена первая отечественная открытка из почтовой бумаги сероватого цвета размером 122×90 мм. Она была не маркирована и не имела рисунков. На бланке открытого письма с левой стороны сверху был изображен герб России, под ним два почтовых рожка. Справа сверху — место для марки. Ниже, в центральной части — надпись «Открытое письмо» и место для адреса. Обратная сторона оставалась полностью пустой, для того, чтобы человек мог написать текст послания. В 1874 году Россия вступила во Всемирный почтовый союз и подписала решение о допущении открытых писем в международном общении с оплатой в размере половины стоимости закрытого письма. До 1894 года открытки могло печатать только почтовое управление. С 1894 года государственная монополия на издание открыток исчезла, и это право было доверено частным издателям. Начался бум в издании открыток. Открытки могли издавать владельцы магазинов, аптек, табачных лавок. Первые цветные, художественные, иллюстрированные открытки были изданы в 1895 году. Это были виды Москвы. Община святой Евгении, в поисках средств для сестер милосердия, в 1896 году издала первые русские художественные открытки на основе рисунков русского художника Николая Каразина. В 1904 году макет открытки поменялся. Текст и адрес стали находиться на одной стороне открытки, а другая сторона была предназначена для художественного оформления. На лицевой стороне могли быть помещены репродукции картин художников, фотоизображения с видами какой-либо местности или портретом исторической личности, известные памятники, сюжеты к праздникам, поздравительные тексты, карикатуры, политические лозунги и другое¹.

Открытка быстро вошла в моду. Следует отметить, что среди художников, которые работали над открытками общины святой Евгении, были представители художественного объединения «Мир искусства» (1902–1917). Это — Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, А.П. Остроумова-Лебедева, Н.К. Рерих, М.В. Добужинский, Е.М. Бем, С.С. Соломко. Одним из оригинальных направлений были открытки с архитектурным пейзажем. Началось активное развитие мирового и отечественного туризма и открытки с видами городов пользовались популярностью. Видовые фотооткрытки являлись универсальной формой просвещения и расширения кругозора для жителей России и мира. В открытках отражены «жизнь и быт народов, виды различных местностей, живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, народное творчество»² Старинная почтовая открытка — это «бесспорный документ эпохи»³, имеющий также и высокое художественное значение. В диссертации М.В. Самбур дано определение открытки, которого мы будем придерживаться: «Под открыткой следует понимать иллюстрированные

¹ Об открытках подробнее см.: *Файнштейн Э.Б.* В мире открытки. М., 1976.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 119.

и неиллюстрированные почтовые карточки, а также разнообразные по размеру и технике исполнения открыточные материалы, которые относятся к конкретным культурно-историческим процессам и явлениям»⁴. Почтовые открытки с изображениями каких-либо архитектурных памятников выступают как ценный исторический источник, позволяющий судить и о производстве бланков открытых писем, и о развитии художественных вкусов и приемов в момент такого производства, и – благодаря анализу текстового содержания — об аспектах повседневной жизни самих корреспондентов.

В архиве моей семьи сохранилось две почтовые открытки начала XX века. Обе открытки были посланы Клавдии Никаноровне Игнатъевой, которая была родственницей моей прапрабабушки Акилины Андреевны Воробьевой. Точно родственную связь установить не удалось, но сам факт сохранности открыток в семье А.А. Воробьевой свидетельствует не только о родственных, но и о дружеских или уважительных отношениях между ними. Источниковедческий анализ этих документов позволяет уточнить не только некоторые факты биографии корреспондентки и адресата, но способствует формированию более целостного представления о культурной и социальной жизни Петербурга-Петрограда начала XX века.

Обе открытки стандартного размера и сделаны из плотного картона. На лицевой стороне первой открытки напечатано фотоизображение памятника императрице Екатерине II на фоне Александринского театра. Александринский театр — один из символов Петербурга, шедевр архитектора Карла Росси. Этот сюжет в открытках часто встречается. В каталоге В.П. Третьякова «Петербург–Петроград–Ленинград. Каталог фотооткрыток 1895–1941 гг.» открытка представлена под №316⁵. Название фотосюжета «Памятник Екатерине II» и название города Санкт-Петербург — напечатаны на открытке; язык названия — русский и французский; место расположения названия — лицевая иллюстрированная сторона; издатель Е.К.Û.; номер сюжета — 31; тип издания — «Открытое письмо»; обратная адресная сторона открытки разделена вертикальной чертой; открытка стандартного формата 9 x 14 см, черно-белая. Этот сюжет переиздавался разными издательствами не менее четырех раз. На обратной стороне, пожелтевшей от времени, в верхней части по центру напечатана надпись «Всемирный почтовый союз», ниже — Union Postale Universelle, ниже — «Открытое письмо». На открытке два почтовых штемпеля, которые позволяют понять, откуда, куда и когда была отправлена открытка — Петроград (27.1.16) и Стерлитамак (цифры не читаются). В правом верхнем углу открытки наклеена марка номиналом 5 копеек с рамочной перфорацией. Такая марка была выпущена в 1908 году на новой бумаге без водяных знаков, но со специальной меловой ромбовидной сеткой для предотвращения фальсификации марок⁶. Марка имела хождение до 1917 года, когда была перевыпущена без зубцовки и с мелким сетчатым покрытием на лицевой поверхности. Текст письма написан чернилами тёмно-фиолетового цвета, только слова «*Вашии привет*» были дописаны химическим карандашом.

Отправителем открытого письма является молодая девушка. Имя её неизвестно. Получателем письма — Клавдия Никаноровна Игнатъева, гимназистка VIII класса Стерлитамакской

⁴ Самбур М.В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 12.

⁵ Альбом-каталог фотооткрыток «Петербург-Петроград-Ленинград. 1895–1945 годы». Из собрания Государственного музея-заповедника «Петергоф» (коллекция Н.П. Шмитта-Фогелевича) и других государственных и частных собраний и коллекций. Т. 1: 1859–1917 годы. Центральные площади. Невский проспект и район Александро-Невской лавры. СПб., 2011. С. 341.

⁶ Вигилев А.Н. История отечественной почты. Часть вторая. М., 1979. С. 3.

женской гимназии⁷. Скорее всего старшая подруга Клавдии после окончания гимназии решила продолжить образование в Петрограде и оттуда пишет ей открытое письмо. Для анализа содержания текста открытки необходимо сделать небольшой экскурс в историю женского образования в России в начале XX века. Грамотность населения Российской империи была низкой по сравнению с другими европейскими странами. По данным статистического ежегодника России за 1915 год грамотность по империи в среднем составляла 23 %⁸. Степень грамотности была неравной в зависимости от регионов, мужчины были грамотней женщин, городские жители образованнее представителей крестьянства. В Уфимской губернии грамотными были 17 %⁹. Система образования включала в себя три ступени: начальную (церковно-приходские, народные училища), среднюю (гимназии, реальные училища), высшую (университеты, институты). Усилиями Министерства народного просвещения, городского общества, уездного земства в 1914 году на одной из главных улиц Стерлитамака — Базарной (ныне — Комсомольской) — по соседству с усадьбой помещицы Падуровой было построено двухэтажное здание гимназии с просторным актовым залом, учебными классами. Обучение в женской гимназии продолжалось 7 лет и было платным: 10 рублей в год. Девочки из семей сельских обывателей освобождались от платы. Отличившихся в учёбе и имеющих примерное поведение по итогам выпускных экзаменов награждали золотой или серебряной медалью, а «ударников» — дорогой книгой — славяно-русским Евангелием¹⁰. Те, кто собирался посвятить себя педагогической деятельности, оставались на восьмой год обучения и изучали методику преподавания предметов начальной школы. Кстати, в нашей домашней библиотеке сохранилась книга «Сочинения Н.В. Гоголя», изданная в Петербурге в 1911 году, с вклеенным листом, согласно тексту на котором Педагогический Совет Стерлитамакской женской гимназии 25 сентября 1912 года наградил этой книгой «за отличное поведение и успехи» ученицу 6 класса Клавдию Игнатьеву — адресата рассматриваемого письма.

Предметы, преподававшиеся в гимназиях, подразделялись на научные, графические и практические. К первым относились Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, естественная история, алгебра, геометрия и новые языки (английский, немецкий, французский); ко вторым — чистописание и рисование; к третьим — рукоделие и пение. Изучение большинства предметов носило обязательный характер. Из числа необязательных предметов на платной основе преподавались «новые» языки (английский, немецкий, французский), латынь, танцы и музыка; на бесплатной — гигиена, рисование, пение и педагогика. Гимназическое образование способствовало формированию у девушек новых взглядов на жизнь и предназначение женщины. У девушек появлялась возможность выбора — посвятить себя семье или продолжить образование и получить профессию¹¹. По-видимому, автор сохранившихся открыток К.Н. Игнатьевой решила продолжить свое профессиональное становление в столице империи.

Обратимся к расшифровке самого текста первой открытки. На лицевой стороне открытки (рис. 1) слева надпись от руки: «*Александринский театр. Бываю очень часто.*

⁷ Родственницей К.Н. Игнатьевой и была моя прапрабабушка А.А. Воробьева.

⁸ Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. С. 99.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Синенко С. Женская гимназия в Стерлитамаке. URL: <https://posredi.ru/zhenskaya-gimnaziya-v-sterlitamake.html> (Дата обращения: 02.10.23).

¹¹ Подгайко Е.Г. Изменения в повседневной жизни горожанок на Южном Урале в годы Первой мировой войны // Гороховские чтения: Материалы третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 189.

Образц.[овый] театр». Слева вверху надпись «Памятник Екатерине II» зачеркнута, вписано: «Мой адр.: С. Петербург¹². В.О.,15 линия, д.72 кв.90». Справа на лицевой стороне открытки надпись: «Екатерининский сквер». На оборотной стороне открытки сделана надпись в правом нижнем углу: «Стерлитамак, Уфимской губ. Гимназия. 8 класс. Клавдии Никаноровне Игнатьевой». Ниже дописка: «Вашим привет»

Рис. 1

На самой открытке надписи расположены как в обычном положении, так и «вверх ногами», видимо, для того, чтобы уместить больше текста (рис. 2). Текст был написан уже после того, как была наклеена марка. Сначала автор писал строчки «вверх ногами», перевернув оборотную сторону открытки на 180 градусов. Письмо начинается так: «Милая Клавдя, наконец-то выбрала время, написать тебе. Поселилась у Веры Поповой, которая приучила немного к усидчивости. Но это ненадолго. На этой неделе заказываю выходное платье (деньги есть) и снова буду ходить по театрам. Бываю на докладах (в университете, в политехническом). Много слышала лекции Котляревского и др. перечислять не стоит. Я служу в Государственном Контроле. Поступила в гимнастическое общество «Сокол». В студенческий театр. Много и других попыток делала да бросила все».

В обычном расположении написан следующий текст: «Курсы мало увлекают. Жизнь бьёт ключом. Туда к вам уже не заманишь. <Неразб.> устроить не так трудно. К<неразб.> хочу к лету выписать в Петроград. Надо и ей дать некоторое развитие. Теперь она живет в чувашской деревне, где воет ветер и ходят голодные волки. Александр, брат мой, в Петрограде. Ходит часто ко мне. Меня часто спрашивают, как это я сразу устроилась в первый же год. А я, Клавдя, сама не знаю, как это у меня выходит. В Петрограде жить можно, если языки знаешь хорошо или хотя бы нужно уметь писать на машинке. Так я не дремала: выучилась писать на ней. Ещё сходила 20 часов как мне попало объявление такого содерж[ания]: Нужна барышня хотя бы не особенно хорошо умеющая писать на машинке. Как раз я ещё совсем почти не умела, решила пойти и поступила. На службе же и научилась писать. Вашим привет».

¹² Автор вписала свой адрес на Васильевском острове после пропечатанного на открытке наименования города.

женские политехнические курсы, открывшиеся в 1906 году¹⁴. Может быть, автор письма училась именно на последних.

В тексте автор пишет, что она «поступила в гимнастическое общество ”Сокол”». Сокольское движение вошло в воспитательное пространство Российской империи именно в тот период, в конце XIX—первой четверти XX в. Получив статус государственной системы, сокольская гимнастическая система стала одним из основных средств физического воспитания в учебных заведениях, армии, использовалась в других спортивных обществах. Сокольские общества отличались своей демократичностью—посещать занятия могли все желающие, необходимо было получить рекомендацию двух членов общества и платить 50 копеек в месяц. Учащейся молодежи разрешалось заниматься на льготных условиях, открывались женские и детские отделения¹⁵. Таким образом, хорошо знавшая К.Н. Игнатьеву корреспондентка вела в Петрограде весьма активную социальную жизнь, старалась влиться в столичные будни, делясь своим опытом с оставшейся в Уфимской губернии знакомой.

В семейном архиве имеется ещё одна открытка этого же автора примерно того же времени написания (рис. 3). Адресатом также является Клавдия Никаноровна Игнатьева. В поле «Адрес» написано: г. Стерлитамак Уфимской губ. Женская Гимназия VIII кл. Клавдии Игнатьевой. Содержание текста второй открытки позволяет узнать новые факты активной жизни молодой девушки в Петрограде.

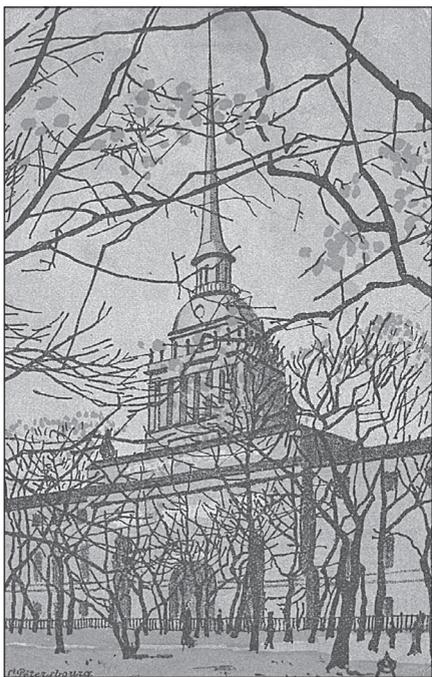

Рис. 3

На внутренней стороне открытки (рис. 4) сверху написано: *«Клавдия, какого черта ты мне не пишешь. Что обещала то исполню. Только здоровье побереги для Петрограда. Он безжалостен. Я уже решила бесповоротно съездить в Париж. Месяца на четыре. Вернешь? От слова до дела у меня обыкновенно проходят года, а всё-таки исполняется мое намерение всегда. Могу тебя даже и летом в Петрограде устроить. Учись на машинке и больше обрати на французский. Я сейчас французский прохожу, латынь бросила, но её также придется готовить, чтобы выдержать экзамен. Достань, Клавдия, мои [документы] из гимназии! Особенно характеристику».*

Перевернув открытку на 180 градусов можно прочесть следующее: *«Сегодня иду в Маршинский со знакомым. Силы участвую (так! — А. Т.) самая лучшая, а то бы я не пошла. Надоело уже. Билеты куплены ровно за месяц, т.е. 23 марта. До свидания. По левому краю написано: «Привет знакомым и родным». По правому краю, в верхнем углу мелкими буквами написано: «Привет Валентине».*

¹⁴ Юкина И.И., Гусева Ю.Е. Женский Петербург: Опыт историко-краеведческого путеводителя. СПб., 2004. С. 210.

¹⁵ Качулина Н.Н. Сокольское движение как часть воспитательной системы Российской империи в конце XIX—первой четверти XX вв. // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 4–2 (16). С. 116.

Письмо <неразб.> ты получила от меня с плеча написанное». Почтовый штемпель содержит цифры «28. 4» и чётко читаемые буквы «Уфим».

Рис. 4

Открытка из картона. Печать типографская цветная. Размер 10,5×14,7 см. Название открытки «Санкт-Петербург. Адмиралтейство». Автор сюжета: художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева. Она по праву считается родоначальницей русской художественной гравюры на дереве. Выполненные ею многочисленные цветные гравюры с видами Петербурга и его окрестностей были растиражированы на открытках и стали широко известны зрителям¹⁶. Эти открытки, изданные «Общиной св. Евгении», являются одухотворенной поэмой о Петербурге¹⁷. Издатель — община св. Евгении. Тип издания — «Открытое письмо»; оборотная адресная сторона открытки разделена двойной волнистой вертикальной чертой. Слева от черты надпись «Место для письма». Справа — «Место для адреса». В левом верхнем углу знак в виде красного креста над которым царская корона и мантия. Под ним мелко написано «В пользу общины святой Евгении». Надпись в центре — «Открытое письмо» и «Carte Postale». Текст письма также написан тёмно-фиолетовыми чернилами. Из-за потёртости в левом нижнем углу некоторые слова невозможно прочитать. В тексте письма используется буквы «ѣ» и «і» в дореформенной русской орфографии.

В текстах обеих открыток их автор использует яркие образы и крылатые выражения: «влет ветер и ходят голодные волки», «Петербург безжалостен», «жизнь бьет ключом». Язык письма передает эмоции автора. Это активный и жизнерадостный человек. Но возможно ли определить более конкретно, кем был этот корреспондент?

Представляется, что обе открытки дают возможность продолжить поиск, в первую очередь, обратившись к неопубликованным документам, освещающим историю деятельности в Стерлитамаке женской гимназии. Кроме того, содержание писем позволяет

¹⁶ Мозохина Н.А. Образ Петербурга в художественной оригинальной открытке Общины святой Евгении // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2006. № 5. С. 127.

¹⁷ Файнштейн Э.Б. В мире открытки. С. 19.

заклЮчить, что их автор устроилась в Петрограде машинисткой в Государственный контроль, по-видимому, в 1915 году. Проживала на 15 линии Васильевского острова вместе с Верой Поповой, возможно, также покинувшей Уфимскую губернию ради столичной жизни. Неизвестная петроградская корреспондентка К.Н. Игнатъевой была членом общества «Сокол». Таким образом, возможно, какие-либо делопроизводственные документы, связанные со службой, повседневной жизнью и увлечениями этой незнакомки позволят в будущем узнать ее. В равной степени актуальным может являться и поиск в архивохранилищах Башкортостана сведений о самой К.Н. Игнатъевой, проходившей обучение в гимназии.

Итак, сохраненные в семейном архиве открытки — источник по истории дореволюционного Стерлитамака, развития женского образования в Уфимской губернии и, главное, источник, позволяющий проникнуться мыслями и чувствами молодой девушки, живо переживавшей более 100 лет назад плюсы и минусы столичной жизни. Помимо сугубо семейной истории всего две небольшие открытки в результате научного анализа, учитывавшего их внешнюю и внутреннюю критику, не только передают живые эмоции людей начала прошлого века, но и отражают особенности социальной мобильности населения в предреволюционные годы, специфику восприятия Петрограда и предоставляемых им возможностей энтузиастами-выходцами из глубинки. Сохраненные в семейных архивах подобные проанализированным открытки обеспечивают связь времен и преемственность этапов отечественной культуры.

Список литературы

Альбом-каталог фотооткрыток «Петербург-Петроград-Ленинград. 1895–1945 годы». Из собрания Государственного музея-заповедника «Петергоф» (коллекция Н.П. Шмитта-Фогелевича) и других государственных и частных собраний и коллекций. Т. 1: 1859–1917 годы. Центральные площади. Невский проспект и район Александро-Невской лавры. / В.П. Третьяков, Е.В. Анисимов. СПб.: Сад искусств, Галерея Третьякова, 2011. 448 с.

Вишнев А.Н. История отечественной почты. Часть вторая. М.: Связь, 1979. 160 с.

Качулина Н.Н. Сокольское движение как часть воспитательной системы Российской империи в конце XIX-первой четверти XX вв. // Символ науки: международный научный журнал. 2016 № 4–2(16). С.115–119.

Мозохина Н.А. Образ Петербурга в художественной оригинальной открытке Общины святой Евгении // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2006. № 5. С.123–132.

Подгайко Е.Г. Документы как источники по истории повседневной жизни женщин в городах Южного Урала в конце XIX—начале XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. №3(31). С.33–35.

Подгайко Е.Г. Изменения в повседневной жизни горожанок на Южном Урале в годы первой мировой войны // Гороховские чтения: материалы Третьей региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2012. С. 185–192.

Самбур М.В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Мос. гос. ун-т культуры и искусств, 2014. 28 с.

Синенко С. Женская гимназия в Стерлитамаке. URL: <https://posredi.ru/zhenskaya-gimnaziya-v-sterlitamake.html> (Дата обращения: 02.10.23).

Файнштейн Э.Б. В мире открытки. М.: Планета, 1976. 123 с.

Юкина И. И., Гусева Ю.Е. Женский Петербург: Опыт историко-краеведческого путеводителя. СПб.: Алетейя, 2004. 544 с.

References

Al'bom-katalog fotootkrytok "Peterburg-Petrograd-Leningrad. 1895–1945 gody". Iz sobranija Gosudarstvennogo muzeja-zapovednika «Peterhof» (kollekcija N.P. Shmitta-Fogelevicha) i drugih gosudarstvennyh i chastnyh sobranij i kollekcij. Vol. 1: 1859–1917 gody. Central'nye ploshhadi. Nevskij prospekt i rajon Aleksandro-Nevskoj lavry. / V.P. Tret'jakov, E.V. Anisimov. [Album-catalog of photo postcards "Petersburg-Petrograd-Leningrad. 1895–1945." From the collection of the State Peterhof Museum-Reserve (collection of N.P. Schmitt-Fogelevich) and other public and private collections. T. 1: 1859–1917. Central squares. Nevsky Prospekt and the Alexander Nevsky Lavra area] SPb.: Sad iskusstv, Galereja Tret'jakova, 2011. 448 p. (in Rus.).

Vigilev A.N. *Istorija otechestvennoj pochty. Chast' vtoraja.* [History of Russian post. Part two] M.: Svjaz', 1979. 160 p. (in Rus.).

Kachulina N.N. Sokol'skoe dvizhenie kak chast' vospitatel'noj sistemy Rossijskoj imperii v konce XIX-pervoj chetverti XXvv. [Sokol movement as part of the educational system of the Russian Empire at the end of the 19th—first quarter of the 20th centuries] In *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal.* 2016 № 4–2(16). P. 115–119. (in Rus.).

Mozohina N.A. Obraz Peterburga v hudozhestvennoj original'noj otkrytke Obshhiny svjatoj Evgenii [The image of St. Petersburg in an artistic original postcard from the Community of St. Eugenia] In *Nauchnye trudy Sankt-Peterburgskoj akademii hudozhestv.* 2006. № s. P. 123–132. (in Rus.).

Podgaiko E.G. Dokumenty kak istochniki po istorii povsednevnoj zhizni zhenshhin v gorodah Juzhnogo Urala v konce XIX—nachale XX veka [Documents as sources on the history of women's everyday life in the cities of the Southern Urals at the end of the 19th—beginning of the 20th centuries] In *Vestnik Cheljabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv.* 2012. №3(31). P. 33–35. (in Rus.).

Podgajko E.G. Izmenenija v povsednevnoj zhizni gorozhanok na Juzhnom Urale v gody pervoj mirovoj vojny [Changes in the daily life of townspeople in the Southern Urals during the First World War] In *Gorohovskie chtenija: materialy Tret'ej regional'noj muzejnoj konferencii.* Cheljabinsk: Cheljabinskij gos. kraevedcheskij muzej, 2012. P. 185–192. (in Rus.).

Sambur M.V. *Otkrytka v kontekste kul'tury: atribucija, nauchnoe opisanie, jeksponirovanie.* [Postcard in the context of culture: attribution, scientific description, exhibition.] Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: Mos. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2014. 28 p. (in Rus.).

Sinenko S. *Zhenskaja gimnazija v Sterlitamake* [Women's gymnasium in Sterlitamak] URL: <https://posredi.ru/zhenskaya-gimnaziya-v-sterlitamake.html> (accessed 02.10.23). (in Rus.).

Fajnshtejn Je.B. *V mire otkrytki* [In the world of postcards]. M.: Planeta, 1976. 123 p. (in Rus.).

Jukina I.I., Guseva Ju.E. *Zhenskij Peterburg: Opyt istoriko-kraevedcheskogo putevoditelja* [Women's Petersburg: Essay in a historical and local history guide.]. SPb.: Aletejjja, 2004. 544 p. (in Rus.).

НАСЛЕДИЕ

Светлова Е.А.

В.К. МАКАРОВ И ИДЕЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ПЕТЕРГОФЕ

Светлова, Екатерина Андреевна—бакалавр музеологии, магистр истории, научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия, katyasvetlova@mail.ru.

В статье рассматривается идея создания в восстановленном после Великой Отечественной войны и оккупации Большом дворце в Петергофе музея Петровской эпохи. Одним из наиболее последовательных сторонников и вдохновителей этой идеи являлся историк искусства Владимир Кузьмич Макаров (1885–1970), музейный специалист Петрограда-Ленинграда с большим опытом. Опираясь на остающийся неопубликованным дневник В.К. Макарова, отложившийся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, а также на уже введенный в научный оборот стенографический отчет проходившей в марте 1944 года научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов, можно получить наиболее полное представление о развитии и публичном представлении этого замысла. Предложенный В.К. Макаровым проект организации музея Петровской эпохи, актуализировав вопрос о перераспределении музейных коллекций, не встретил единодушной поддержки музейного сообщества.

Ключевые слова: В.К. Макаров, Большой дворец в Петергофе, музей Петровской эпохи, Великая Отечественная война, восстановление пригородов Ленинграда.

V.K. MAKAROV AND THE IDEA OF CREATING A MUSEUM OF THE PETER THE GREAT ERA IN PETERHOF

Svetlova, Ekaterina Andreevna—Bachelor of Museology, Master of History, Researcher at the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg, Russia, katyasvetlova@mail.ru.

The article discusses the idea of creating a museum of the Peter the Great era in the restored after the Great Patriotic War and the occupation of the Grand Palace in Peterhof. The inspiration for this idea was Vladimir Kuzmich Makarov, who was a museum specialist with extensive experience. Based on the stored in the Manuscripts Department in the Russian National Library diary of V.K. Makarov, which he kept during the war, as well as on the shorthand report of a scientific and practical conference on the restoration of suburban palaces, one can get the most complete picture of this idea. Suggested by V.K. Makarov's project for organizing a museum of the Peter the Great era, having raised the issue of redistribution of museum collections, did not meet with unanimous support from the museum community.

Key words: V. K. Makarov, The Peterhof Palace, the Museum of the Peter the Great era, the Great Patriotic War, restoration of Leningrad suburbs.

Стремление сохранить наследие первого российского императора Петра I характерно уже для XVIII века¹. Образ монарха вдохновлял его преемников на престоле², и связанные с фигурой царя-преобразователя различные архитектурные сооружения, предметы быта и гардероба (личные вещи), рукописи подлежали попечению и охране. Однако революционные события 1917 г., крах династии Романовых и установление республиканского строя не могли не отразиться на состоянии памятников Петровской эпохи, сбережение которых требовало не только внятного идеологического обоснования, но и немалых финансовых ресурсов и активного участия профессиональных специалистов — архитекторов, историков искусства, музейных деятелей³. Проблема «правильного» музейного показа архитектурного наследия царизма в послереволюционное десятилетие стала предметом специальной научной рефлексии⁴. Изменения в идейно-политической атмосфере 1930-х гг., характеризующиеся более терпимым, чем в первые годы после революции, отношением к фигурам ряда российских самодержцев, сделали возможным появление художественных произведений (романов, фильмов и т.п.) и музейных временных экспозиций, раскрывавших роль монархов в становлении государственности⁵. Идея организации специального крупного музея, посвященного Петру Великому и его эпохе, получает развитие в дальнейшем в годы Великой Отечественной войны. Инициатива его открытия принадлежала одному из видных музейных работников раннесоветской России, историку искусства Владимиру Кузьмичу Макарову (1885–1970), многолетняя служебная деятельность которого не была до сих пор предметом специального рассмотрения в монографических изданиях. В настоящей статье впервые в отечественной историографии предпринимается попытка с опорой на неопубликованные документы личного фонда В.К. Макарова, в том числе его дневниковые записи, реконструировать процесс зарождения и развития замысла организации музея Петровской эпохи в Большом дворце в Петергофе.

Владимир Кузьмич Макаров родился в 1885 г. и получил искусствоведческое образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1911 г. После революции, в 1917–1918 гг. В.К. Макаров являлся членом комиссии по приемке и охране дворцов Петергофа. В дальнейшем, с 1918 по 1928 гг. в течение 10 лет находился в должности директора Гатчинского дворца-музея⁶, а впоследствии стал старшим научным сотрудником Эрмитажа по сектору западноевропейского искусства⁷. В годы Великой Отечественной войны, а именно в 1944 г., ученый состоял в должности заместителя председателя Государственной Закупочной Комиссии по г. Ленинграду⁸. Круг научных изысканий В.К. Макарова, сложившийся к этому времени, был весьма широк, однако Петровская эпоха входила в число приоритетных направлений. Можно предположить, что интерес к личности Петра I и его эпохе начал складываться

¹ Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 119–123.

² Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 395–396.

³ Андреев А.И. Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 171–191.

⁴ Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 131–196.

⁵ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М., 2009. С. 96–115.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 53. Макаров В.К. Жизнеописание. Л. 1–3.

⁷ Там же. Д. 6. Макаров В.К.: Трудовой список. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 15. Макаров В.К.: Трудовая книжка. Л. 4–5.

у В.К. Макарова после революции, когда в 1917—1918 гг. он служил в Петергофе, где принимал активное участие в преобразовании бывшей императорской резиденции в музей. В это же время выходит очерк В.К. Макарова «Петергоф. Фонтаны»⁹. На страницах этой пусть и небольшой по объему книжечки можно обнаружить явно положительное отношение автора к основателю одной из главных царских резиденций и его деятельности: «Фонтаны начали бить здесь в конце царствования Петра Великого в 1721 г. Петр сам с лопатой в руках принимал участие в устройстве водопровода и обсуждал с художниками проекты отдельных фонтанов»¹⁰. В.К. Макаров как будто бы симпатизировал Петру, подчеркивая его роль в протекавших преобразованиях. В издании 1921 г. о Гатчинском парке В.К. Макаров напишет: «Немногие знают, что представляла окрестность Петербурга до XIX в., и как изменилась она в своем пейзаже за XVIII в. со времени Петра Великого, неукротимая энергия которого изменила самую природу»¹¹. Исходя из этих кратких характеристик, которые В. К. Макаров дает Петру I между делом, можно предположить, что интерес ученого к Петровской эпохе был связан, в первую очередь, с его уважительным отношением к самой личности императора.

Январь 1944 г. стал началом амбициозного замысла В.К. Макарова в контексте его интереса к петровской эпохе в связи с освобождением пригородов Ленинграда от вражеских захватчиков. Исходя из кратких записей в дневнике¹², который В.К. Макаров вел во время блокады Ленинграда, оставаясь в осажденном городе, можно обнаружить, что он пристально следил за этапами освобождения Ленинградской области, и особенно тех районов, где находились дворцово-парковые ансамбли: «Ночь с 19 на 20 января. [1944 г.—Е.С.] Весь день «Киров» вел огонь по отступающим немцам. Стекла вылетали от его выстрелов в Академии Художеств, Менишиковском дворце и др. береговых зданиях. Взятые: Петергоф, Ропша, Красное, Дудергоф. На очереди—Пушкин и Гатчина! <...> 22 янв. 1944. События разворачиваются быстро. Взята Мга. Наши подходят к Гатчине. <...> 24 янв. <...> Взятые Царское Село и Павловск. Гатчина окружается. Взятые Войсковое и пр. Дорога на Нарву от Гатчины перерезана. <...> 25 янв. Бои на окраинах Гатчины. <...> 26 янв. Гатчина освобождена от немцев. Бои за нее шли в самом городе. Город взят в ночь на сегодня (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹³. Не менее примечательны и те записи в дневнике В.К. Макарова, которые наглядно отражают его мысли при получении известия о сожжении пригородных дворцов: «27 янв. Гатчинский дворец погиб. Павловский сгорел. Что тут можно сказать! Это больше слов. Вечером—взятые Волосово, Елизаветино, Суйда <...> Немцы отброшены на 100–65 км. от Ленинграда. Блокада снята! (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹⁴.

Сразу же после освобождения пригородов Ленинграда перед музейными сотрудниками, реставраторами, архитекторами, специалистами по охране памятников встал вопрос о дальнейшей судьбе дворцово-парковых ансамблей. Над этим вопросом размышляет и В.К. Макаров, причем довольно подробные записи о его идеях относительно

⁹ Макаров В.К. Петергоф. Фонтаны. Пг., 1918.

¹⁰ Там же. С. 1–2.

¹¹ Макаров В.К. Гатчинский парк. Пг., 1921. С. 2.

¹² Цитаты из остающегося неопубликованным дневника В.К. Макарова приводятся курсивом для более удобной дифференциации текста статьи и текста этого важнейшего первоисточника по истории Ленинграда 1940-х гг.

¹³ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 69–70.

¹⁴ Там же Л. 71.

восстановления Петергофа, Павловска, Пушкина и Гатчины появляются в дневнике уже 3 февраля 1944 г., то есть через неделю после освобождения последнего из пригородов—Гатчины. Судя по этой записи в дневнике, ясно, что к рассмотрению вопроса относительно дальнейшей судьбы пригородов В.К. Макарова привлек Николай Николаевич Белехов—начальник Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. Кроме того, именно в этой записи также содержится первоначальный «схематический» план В.К. Макарова относительно будущности Петергофа: *«3 февр. <...> Обдумываю статью (краткую) о реставрации «целиком разрушенных зданий» для Белехова—ясно почувствовал, что могу сделать для многих интересный доклад о характере восстановления наших сгоревших дворцов—Гатчины, Петергофа, Павловска и Пушкина. Внешний архитектурный облик возрождается вместе с окружающим парковым пейзажем. <...> Главный вопрос о внутреннем убранстве. Петергоф восстанавливается как ряд интерьеров петровского барокко и растреллиевского рококо. (Дворцовый быт 1-й пол. XVIII в.) <...> Населить залы фигурами (в рост), большими историч. композициями (Коцебу!) там, где невозможно восстановить старые интерьеры скрупулёзно! В других случаях вспомнить комнату Сердюкова (Н.Н. Лансере) на «Купеческой выставке»—(для нижнего этажа Петергофского Б. Дворца) и залы выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»—в Академии Наук. Замечательное объединение портретов этого времени из залов Русского музея, Эрмитажа и других мест. (В нижнем этаже—гравюры, книги, костюм, бытовые вещи, садово-парковое искусство. (Петергоф) (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹⁵. Запись эта свидетельствует, что на раннем этапе своего замысла В.К. Макаров планировал развернуть в Большом дворце экспозицию, посвященную еще и елизаветинскому времени. Почему? Можно предположить, что он исходил из двух соображений. Во-первых, именно во время правления императрицы Елизаветы Петровны Большой дворец был существенно перестроен и расширен архитектором Франческо Растрелли, а значит, этот этап истории дворца тоже может быть интересен музейной аудитории. Во-вторых, демонстрация елизаветинской эпохи казалось наиболее логичной именно в Петергофе, так как, к примеру, Екатерининский дворец в Пушкине сохранял существенные элементы и более поздних периодов.*

Видимо, в тот момент В.К. Макаров еще точно не знал последствий случившегося пожара Екатерининского дворца. Запись в его дневнике от 3 февраля гласит: *«Говорят, от недостатка охраны сгорел Екатерининский дворец в Детском (с 1918 по 1937 гг. город имел название Детское Село—Е.С.) Что он горит, я слышал в госпитале уже 3-го дня. Это безобразие непростительно»*¹⁶. Масштабы разрушений Екатерининского дворца были В.К. Макарову неизвестны, поэтому все в той же дневниковой записи от 3 февраля он записал только: *«Царское—реставрируется в прежнем виде—по возможности»*¹⁷. Однако уже на следующий день, когда подробности пожара стали известны, В.К. Макаров изменяет свое мнение о будущности пригородных дворцов: *«4 февраля. Пятница. <...> Гибель Царского ещё как-то не усвоена. Не должно быть дублирования. Возможно ли будет там развернуть придворный быт и царский портрет. Походы и пр. Вот, куда подойдут кареты Эрмитажа!»* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)¹⁸. Итак, после известия о пожаре в Пушкине В.К. Макаров, как и в случае с Петергофом и Гатчиной, отказался от идеи

¹⁵ Там же. Л. 74–76.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 77–78.

досконального восстановления внутреннего убранства Екатерининского дворца «в прежнем виде» и пришел к убеждению в том, что в восстанавливаемых дворцах «не должно быть дублирования», видимо, потенциальное воссоздание Екатерининского дворца предполагало ориентацию на время Елизаветы Петровны, в чье царствование дворец был перестроен тем же Франческо Растрелли, а в Петергофе же логичен, по формировавшемуся убеждению В.К. Макарова, музей исключительно Петровской эпохи.

5 февраля 1944 г. В.К. Макаров совместно с другими специалистами в области охраны памятников и музейного дела — Н.Н. Белеховым, А.П. Удаленковым, М.В. Фармаковским, Г.Г. Гриммом — предпринимает организованную Инспекцией по охране памятников поездку в Петергоф для осмотра дворцово-паркового ансамбля и фиксации ущерба, нанесенного захватчиками. Свои впечатления от увиденного В.К. Макаров подробно фиксирует в дневнике, преимущественно в виде кратких характеристик каждого сооружения на территории парка Александрии и Нижнего парка, например: *«Александровский домик — исчез. Готическая церковь — цела. Внутри деревянная будка для дежурного с отоплением. Сигналы с аккуратными надписями. Готич. конюшни — целы. Есть, конечно, поврежд. части. Фрейлинские дома — есть. Оранжерея — сгорела. Эрмитаж — сильно разрушен со стороны моря. Восстановим. <...> Львиный каскад — разрушен. Марли — сгорело. Гранильная фабрика — сгорела. Ужасная картина города — Старый Петергоф. Так же страшен Новый Петергоф. Вокзал (Н. Бенуа) стоит. Издали видели Бельведер на Бабьей горе. Частично разрушена колоннада (подчеркнуто в тексте — Е.С.)»¹⁹. Особый интерес представляют заметки В.К. Макарова, связанные с разрушением Большого дворца, в котором автор предполагал двумя днями ранее создать новую экспозицию: *«Большой дворец — сгорел. Кроме флигеля к Кухням («За Гербом»)»* (подчеркнуто в тексте — Е.С.)». Тем не менее, В.К. Макаров был уверен в возможности восстановления памятника: *«Стены на 4/5 можно использовать старые. Есть остатки внутрен. отделок. (Фельтен. Большой зал). Восстановление здания возможно»* (подчеркнуто в тексте — Е.С.)²⁰. Таким образом, побывав лично в Петергофе и оценив масштаб разрушений дворцово-паркового ансамбля, В.К. Макаров получил возможность лучше проработать концепцию создания новой экспозиции в отреставрированном Большом дворце. Именно в этот момент идея организации экспозиции по дворцовому быту первой половины XVIII в. трансформируется в окончательную задумку о создании музея Петровской эпохи.*

Эта идея была более детально продумана В.К. Макаровым в обсуждениях с архитектором-реставратором Александром Петровичем Удаленковым, который также был привлечен в качестве эксперта к работе Ленинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 21 марта 1944 г. на большой, объединившей несколько десятков музейных работников и специалистов по истории и реставрации Научно-технической конференции, посвященной вопросу реставрации пригородных дворцов, А.П. Удаленков и В.К. Макаров — оба — представляли в своих докладах выработанную совместно концепцию восстановления Петергофа. Замысел организации музея Петровской эпохи в Петергофе был озвучен публично.

В своем выступлении А.П. Удаленков, уделяя внимание теме важности сохранения национальной архитектуры и проблемам методики реставрации²¹, подчеркивал, что

¹⁹ Там же. Л. 80, 82.

²⁰ Там же. Л. 81.

²¹ Любезников О.А. Архитекторы-исследователи и проблема преемственности в деле архитектурной реставрации в Ленинграде 1920-х — 1940-х гг. Часть 1 // Клио. 2020. № 9 (165). С. 130–131.

внешний облик Большого дворца в Петергофе должен быть возрожден, как и его внутренняя планировка. Однако восстанавливать интерьеры, по мнению архитектора, нужно только там, где это возможно, а само пространство дворца желательно использовать под музей, по примеру Русского музея в Михайловском дворце, разместив в залах экспозицию произведений искусства петровского времени²². А.П. Удаленков подчеркивал: «Мы получаем опять высокого значения музей, но не быта, а предметов искусства Петровского времени. И не случайно Петергоф переименован в Петродворец!»²³

В.К. Макаров же делал акцент на создании именно новой экспозиции и возможности передачи в пригороды коллекций из других музеев. В начале выступления В.К. Макаров постулировал, что в Ленинграде сохранившиеся памятники петровской архитектуры представляют Петра I исключительно как частного человека, тогда как в пригородах раскрывается его роль как великого преобразователя—владельца могучей империи. Отсутствие музея, посвященного Петру и его эпохе,—в основе предложенной В.К. Макаровым концепции создания музея. Он достаточно эмоционально обращался к аудитории: «Отдадим себе здесь ясный отчет: у нас нет музея Петровской эпохи. Разве можно назвать музеем этой эпохи и этого грандиозного человека, каким был Петр, маленький дворец в Летнем саду или домик Петра? <...> Петр—плотник в рваных башмаках—это один Петр, а другого мы стали чувствовать, когда вышли в загородные хозяйства (Стрельна, Ораниенбаум), где он хотел показать Россию богатой искусством. <...> И у нас нет памятника большого в смысле музея этой эпохи и этого человека. Разве можно удовлетвориться небольшим, скромным с различным интерьером [дворцом] в Летнем саду или Домиком Петра на берегах Невы? Нет, это не достойно этого большого человека. И Петергоф, который теперь переименован в Петродворец, должен превратиться в памятник Петровской эпохи»²⁴.

В.К. Макаров полагал, помимо прочего, что создание музея Петровской эпохи также будет являться «актом спасения» комплекса музейных предметов первой четверти XVIII столетия, который, по его словам, «рассеян по музеям чисто бытового значения. Он гибнет на складах, и они [предметы—Е.С.] должны быть восстановлены как личные вещи Петра»²⁵. Соединение предметов Петровской эпохи в одном музее повышало, по мнению В.К. Макарова, их ценность, актуализировало их значимость по сравнению с тем положением, когда они были рассредоточены по разным музеям.

Оба докладчика музей Петровской эпохи в Петродворце планировали символически связать с Монплезиром, чтобы, по словам А.П. Удаленкова, «дать быт Петра»²⁶. В.К. Макаров в дневнике еще 5 февраля 1944 г. характеризовал состояние Монплезира: *«Монпле-зир—стоит! Он опустошен. Нет дубовой обшивки гл. зала. Нет кафелей на кухне, нет <...> стен «Китайского Кабинета», но росписи и лепка потолка целы безукоризненно. Первый раз хорошо увидел богатую роспись потолков в галереях (Русские ученики Пильмана). Нет стекол и даже простенков. Крыша может осесть. Необходимы подпорки!* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»²⁷ Ансамблевая экспозиция в воссозданном Монплезире,

²² Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 112–113.

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Там же. С. 117.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 113.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 81–82.

по мысли В.К. Макарова, помогала бы посетителям наилучшим образом прочувствовать повседневность петровской эпохи, а также личность ее создателя. В Большом же дворце экспозиция была бы тематической, состоящей из разных музейных предметов, целью которых было бы наиболее полно раскрыть для посетителей далекий XVIII век. В совокупности, Большой дворец и Монплеизир могли бы с помощью экспозиций, построенных по различным методам, дать комплексное представление об истории, культуре и искусстве России во времена правления Петра I.

В.К. Макаров не был сторонником точного воспроизведения всех утраченных элементов реставрируемых архитектурных сооружений со всеми наслоениями прошедших эпох. На его взгляд, допустимыми являлись попытки воссоздать первоначальный, задуманный при проектировании, но уже давно (задолго до разрушений военного времени) не существовавший облик постройки. В своем выступлении на конференции В.К. Макаров точно не обозначил, что, по его мнению, можно было бы «изъять» из ансамбля Большого дворца в Петергофе, вслух были сказаны лишь общие фразы: «И Большой дворец будет восстановлен, за исключением, может быть, окраин (нужно, может быть, сократить ненужную площадь)»²⁸. Однако в дневнике сохранились его размышления о возможной переделке Большого дворца: «*Вместо церкви можно сделать симметричный «Гербу» павильон. Так было первоначально и на проекте Леблона*»²⁹. Таким образом, архитектурный облик музефицированного памятника мог, по мысли В.К. Макарова, при реставрации претерпевать определенные изменения.

В ходе своего выступления В.К. Макаров привел примеры возможных экспонатов для будущего музея. Так, он упоминал о шпалере «Петр I, спасающий тонущих на Ладожском озере», созданной по картине К.К. Штейбена (на сегодняшний день эта шпалера находится в постоянной экспозиции ГМЗ «Петергоф» в Екатерининском корпусе — Е.С.). Еще одно из упомянутых им произведений искусства — работа русского живописца-баталиста А.Е. Коцебу «Присяга Риги на подданство России в 1710 году», находящаяся сегодня в Государственном Эрмитаже³⁰. Несмотря на то, что данные предметы не были созданы в первой четверти XVIII века, все же, по мнению В.К. Макарова, они необходимы для раскрытия той эпохи. Так, относительно картины А.Е. Коцебу он подчеркивал, что на этой картине «чрезвычайно эффектно переданы и костюмы, и архитектура, когда Меньшиков вместо Петра принимает ключи от Риги»³¹. Соответственно, на концептуальном уровне предлагаемый В.К. Макаровым музей должен был тематически раскрывать Петровскую эпоху, а не отражать исключительно предметный ряд того времени.

Предложения В.К. Макарова и А.П. Удаленкова встретили и поддержку, и возражения. Архитектор Г.Г. Grimm, выражая одобрение озвученной идее, констатировал: «Воссоздание дворца в Большом Петергофском дворце Петровской эпохи в широком смысле этого слова, охватывающего историческую и художественную стороны, является наиболее правильным решением вопроса. Это заставляет создать единственный по значимости памятник Петровской эпохи в том месте, где он является наиболее органическим.

²⁸ Стенографический отчет научно-практической конференции... С. 118.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 81.

³⁰ Государственный Эрмитаж. Предметы коллекции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/337391> (Дата обращения 05.01.2024).

³¹ Стенографический отчет научно-практической конференции... С. 118.

Именно там чувствуется дух Петровской эпохи. И понятно, восстанавливая дворец и не будучи в состоянии восстановить полностью его таким, как он был, было бы хорошо иметь здесь именно музей Петровской эпохи, заняв под него все основные помещения Большого дворца»³².

Против идеи создания музея выступил Владислав Михайлович Глинка—многолетний музейный сотрудник, а с 1944 г. главный хранитель Отдела истории русской культуры Эрмитажа. Его критика базировалась на нескольких составляющих. Во-первых, по его мнению, было невозможно подобрать экспонаты для нового музея, не нанеся удара по старым, как, например, Летнему дворцу. Во-вторых, по заверению В.М. Глинки, петровских вещей в принципе мало, и создать из столь немногочисленного материала целый музей не представляется возможным вовсе³³. Противоположная точка зрения была у М.А. Тихомировой, старшего научного сотрудника и хранителя Петергофа. Она поддержала идею А.П. Удаленкова и В.К. Макарова, указав В.М. Глинке на ошибочность его тезисов относительно того, что для музея будет невозможным собрать большой материал: «Вопрос об основном музее Петергофа—Петровском музее, который вызывает сомнение. Конечно, такой музей необходим, и место для него—Петергофский дворец, так как такого музея мы не имеем. Почему это меня не пугает? Здесь идет разговор не о музее Петровских вещей и т.д., но о музее, отражающем деятельность Петра. И сюда может быть привлечен и более поздний материал—гобелены, картины (Коцебу и др.). Плюс к этому документы и колоссальное количество литографий—и мы такой музей построим»³⁴. Фактически М.А. Тихомирова повторила положения В.К. Макарова—стремление взять для музея не только музейные предметы первой четверти XVIII столетия, но и более поздние экспонаты, отражающие эпоху. Скепсис В.М. Глинки, отстаивавшего неделимость сложившихся музейных коллекций ради организации нового музея, и резкость его во время дискуссии вызвали раздражение В.К. Макарова. В дневнике в день конференции появилась такая запись: «*Март 1944. <...> 21. Конференция о загородных дворцах. Их будущее. Мой доклад и Удаленкова. Отвратительное поведение Глинки...* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»³⁵.

На следующий день—второй день конференции—22 марта 1944 г.—В.К. Макаров возвращается к критике В.М. Глинки и пытается аргументированно отстаивать обозначенные накануне идеи, давая развернутый ответ на опасения относительно нехватки экспонатов для нового музея: «Я помню гатчинские портреты, гравюры, изображающее Петра и его эпоху, портрет Наталии Кирилловны Нарышкиной и другие, которые нигде не зафиксированы. Может быть, и московский материал будет использован для этого, так как я не представляю себе, что это будет келейная работа. <...> Кроме того, профессор Удаленков разрешил мне огласить, что сегодня утром от него поступило заявление, что он жертвует в фонд те великолепные петровские вещи, которые у него имеются. Мы можем набрать много предметов, имеющих отношение к Петровской эпохе. Например, вещи, связанные с заграничной поездкой Петра. Сколько гравюр, дублетных листов, вещей, относящихся к завоеванию берегов Финского залива, к баталиям, памятники побед над шведами. Разве все это не представлено богатейшими гравюрами, которые

³² Там же. С. 120.

³³ Там же. С. 121–122.

³⁴ Там же. С. 122–123.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 86.

пропадают, так как их никто не смотрит кроме специалистов?»³⁶ Помимо аргументов об обилии экспонатов петровского времени, В.К. Макаров в очередной раз подчеркивает, что при создании музея необязательно использовать в экспозиции исключительно подлинные предметы той эпохи и для раскрытия многих тем вполне подойдет живопись последующих веков. Кроме того, по мнению В.К. Макарова, можно отразить в экспозиции не только петровские реформы и победу в Северной войне, но и, например, различные экономические и социальные аспекты периода: «И мебели достаточно, обстановка не будет бедной. А украшения стен — живопись того времени, и, если ее будет мало, то найдется еще, если не оригиналы, то живописные произведения, которые изображают эту эпоху — особенно баталии завоевания Балтийского моря (картины находятся сейчас в складах Эрмитажа). Почему нам не отразить и борьбу за окраины, которую вел Петр, и борьбу за берега Невы, и походы на Персию, пути сообщения, которые были в то время, на картах и макетах? Фабрики и заводы Урала и т. д. Все это может быть отражено»³⁷.

Примечательно, что в своем выступлении В.К. Макаров уделил особое место излюбленной теме — мозаике. В фокус его внимания попала ломоносовская мозаика «Полтавская баталия», которая находится на парадной лестнице в здании Академии наук. Исследователь подчеркивал, что мозаика занимает не самое выигрышное положение: «А такой великолепный памятник Петру как Ломоносовская «Полтавская баталия», находящаяся на площадке лестницы Академии наук? И прямо надо сказать: нет ничего более неудачного, чем это место. Смотреть на нее приходится в упор и ничего не видно, она теряется, так как на нее нужно смотреть с большого расстояния»³⁸. В.К. Макаров надеялся на то, что уникальную мозаику можно будет переместить в петергофский Большой дворец для будущего музея.

В последующие месяцы вопрос о характере восстановления пригородных дворцов оставался острым. Поддержку инициативам Инспекции по охране памятников во главе с Н.Н. Белеховым³⁹, направленным на консервацию уцелевших фрагментов и последующую реставрацию дворцов (вопреки расхожей идее о приспособлении их под другие — утилитарные — учреждения) оказали наиболее крупные в сложившейся советской иерархии архитектурно-художественных сил лица — А.В. Щусев и И.Э. Грабарь. Их авторитет поспособствовал тому, что 23 апреля 1944 г. Исполком Ленгорсовета принял решение № 112–22 «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев». С этого момента и начинается восстановление пригородов Ленинграда⁴⁰. Однако ход восстановительных работ и сам принцип воссоздания разрушенных дворцов-музеев как памятников архитектуры и декоративно-прикладного искусства фактически оттеснили на задний план высказанное В.К. Макаровым предложение по организации узкотематической экспозиции в петергофском Большом дворце. Бывшие императорские резиденции в ленинградских пригородах оказались комплексными музеями-заповедниками, а от мысли о придании им как музеям какого-либо одного (по предложению В.К. Макарова в отношении Петергофа — исторического) профиля отказались.

³⁶ Стенографический отчет научно-технической конференции... С. 144.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Семенов В.А., Воронин В.В., Бахарева Ю.Ю., Филиппенко Г.Ю. Сто страниц. Из истории охраны памятников Ленинграда — Санкт-Петербурга. К 100-летию государственной охраны памятников Санкт-Петербурга 1918–2018. СПб., 2018. С. 101.

⁴⁰ Там же. С. 103.

Аргументы В.К. Макарова, высказавшего на излете Великой Отечественной войны мысль о необходимости создания музея Петровской эпохи, оказались достаточно убедительными. В дальнейшем вопрос о музейной презентации Петровской эпохи поднимался неоднократно. В 1980-х гг., помимо уже имеющихся в Ленинграде домика Петра I и Летнего дворца, были музеефицированы домик Петра I в Стрельне и Меншиковский дворец, в которых также при помощи ансамблевых экспозиций реконструировалось петровское время. В XXI столетии новые экспозиции, посвященные императору-преобразователю и его эпохе, тоже возникали. Так, вследствие реставрационных работ в составе Государственного Эрмитажа открыт реконструированный Зимний дворец Петра I и постоянная экспозиция «Галерея Петра Великого», в рамках которой раскрываются разные грани личности реформатора. Кроме того, в 2022 г. в честь 350-летия со дня рождения Петра была организована Ассамблея петровских музеев, целью которой стала популяризация наследия знаменитого императора.

Список литературы

Андреев А.И. Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1995. С. 171–191.

Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Стлинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М.: Академический проект, ДНК, 2009. 416 с.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Любезников О.А. Архитекторы-исследователи и проблема преемственности в деле архитектурной реставрации в Ленинграде 1920-х—1940-х гг. Часть 1 // Клио. 2020. № 9 (165). С. 124–138.

Макаров В.К. Гатчинский парк. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 30 с.

Макаров В.К. Петергоф. Фонтаны. Пг.: Община в пользу св. Евгении, 1918. 15 с.

Семенов В.А., Воронин В.В., Бахарева Ю.Ю., Филипченко Г.Ю. Сто страниц из истории охраны памятников Ленинграда—Санкт-Петербурга: к 100-летию государственной охраны памятников Санкт-Петербурга. 1918–2018. СПб.: [Б.и.], 2018. 239 с.

Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб.: ООО «фирма «Алина», 2007. С. 109–150.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л.: Academia, 1929. 245 с.

References

Andreev.A.I. Ostrov Ekateringof [Ekaterinhof Island] in Nevsky arhiv: Istoriko-kraevedcheskij sbornik. Vip. II. Moscow, Saint-Petersburg: Atheneum, Feniks, 1995. P. 171–191. (in Rus.).

Brandenberger D.L. Nacional-bolshevizm. Stalinskya massovaja kultura i formirovanie russkogo nacionalnogo samosoznaniija. 1931–1956 [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Russian National Identity. 1931–1956]. Moscow: Akademicheskij proekt, DNK, 2009. 416 p. (in Rus.).

Kaulen M.E. Muzeefikacija istoriko-kulturnogo nasledija Rossii [Museification of the historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna, 2012. 432 p. (in Rus.).

Lubeznikov O.A. Arhitektory-issledovateli I problema preemctvennosti v dele arhitekturnoj restavracij v Leningrade 1920-x–1940-x gg. Chast' 1 [Architects-researchers and the problem of continuity in the practice of architectural restoration in Leningrad in the 1920s–1940s. Part 1] in *Klio*. 2020. № 9 (165). P. 124–138. (in Rus.).

Makarov V.K. Gatchinskij park [Gatchina Park]. Petrograd. State press, 1921. 30 p. (in Rus.).

Makarov V.K. Petergof. Fontaty [Peterhof. Fountains]. Petrograd. The community in favor of St. Eugenia, 1918. 15 p. (in Rus.).

Semenov V.A., Voronin V.V., Bahareva U.U., Filipchenko G.U. Sto stranic iz istorii ohrany pamjtnikov Leningrada—Sankt-Peterburga: k 100-letiju gosudarstvennoj ohrany pamjatnikov Sankt-Peterburga. 1918—2018 [One hundred pages from the history of the protection of monuments of Leningrad—St. Petersburg: to the 100th anniversary of the state protection of monuments of St. Petersburg. 1918–2018]. Saint-Petersburg, 2018. 239 p. (in Rus.).

Stenograficheskiy otchet nauchno-prakticheskoy konferencii po voprosu restavracii prigorodnyh dvorcov in Istoricheskie kollekcii mezeev. Proshloe I nastojaschie. Materialy nauchnoj konferencii. [Verbatim report of the scientific and practical conference on the restoration of suburban palaces in Historical collections of museums. Past and present. Materials of the scientific conference] Saint-Petersburg : Alina Firm LLC, 2007. P. 109–150. (in Rus.).

Uortman R.S. Scenarii vlasti. Mufy I ceremonii russkoj monarhii. V 2 t. T.1. Ot Petra Velikogo go smerti Nikolaja I [Scenarios of power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: In 2 vols. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow: OGI, 2002. 608 p. (in Rus.).

Shmit F.I. Muzejnoe delo. Voprosy ekspozicii [Museum business. Exposure issues]. Leningrad: Academia, 1929. 245 p. (in Rus.).

Романов Н.А., Двойникова П.А.

ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧЕТЕ

Романов, Никита Александрович— кандидат культурологии, начальник отдела по организации государственного учета воинских захоронений Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», Санкт-Петербург, Россия, romanov_na@bk.ru;

Двойникова, Полина Алексеевна— специалист по ведению реестра воинских захоронений отдела по организации государственного учета воинских захоронений Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», Санкт-Петербург, Россия, apolioinikova@gmail.com.

Авторы статьи обращают внимание на значение государственного учета воинских захоронений Санкт-Петербурга в качестве одного из механизмов сохранения культурного наследия. Анализируются основные этапы формирования комплекса воинских захоронений на территории Санкт-Петербурга, которые отражают смену отношения к местам погребения погибших при защите Отечества в разные исторические периоды. Утверждается, что государственный учет воинских захоронений играет важную роль в защите и сохранении исторического наследия, позволяет проводить новые научные исследования, сохранять и передавать память о событиях истории будущим поколениям. Уделяется внимание различным аспектам создания мемориальных комплексов на территории воинских захоронений Санкт-Петербурга. Отмечается важность репрезентации достоверной и корректной информации о воинских захоронениях в современном медиапространстве, которое всё чаще выступает основным источником знакомства для пользователей цифровых технологий с окружающим миром. Обозначаются основные перспективы развития государственного учета воинских захоронений в качестве одного из способов сохранения культурного наследия. Делается вывод о том, что государственный учет является одним из инструментов сохранения исторически значимых погребений и надгробных сооружений, не обладающих на настоящий момент официальным статусом объекта культурного наследия.

Ключевые слова: воинское захоронение, культурное наследие, культурная память, государственный учет, медиапространство.

MILITARY GRAVES OF ST. PETERSBURG AS CULTURAL HERITAGE:
ON THE ISSUE OF STATE ACCOUNTING

Romanov, Nikita Aleksandrovich— candidate of cultural studies, head of the department for organizing state registration of military graves of the St. Petersburg state budgetary institution “Center for Patriotic Education of Youth “Dzerzhinets”, St. Petersburg, Russia, romanov_na@bk.ru;

Dvoynikova, Polina Alekseevna— specialist in maintaining the register of military graves of the department on the organization of state registration of military graves of the St. Petersburg

state budgetary institution “Center for Patriotic Education of Youth “Dzerzhinets”, St. Petersburg, Russia, apolioinikova@gmail.com.

The authors of the article draw attention to the importance of state registration of military graves in St. Petersburg as one of the mechanisms of preserving of cultural heritage. They analyzed the main stages of the formation of a complex of military graves on the territory of St. Petersburg which reflect a change in attitude to the burial sites of those killed in the defense of the Fatherland in different historical periods. It is argued that the state registration of military graves plays an important role in the protection and preservation of historical heritage, allows for new scientific research, and preserves and transmits the memory of historical events to future generations. The authors also pay attention to the monumental and architectural aspects of the creation of memorial complexes on the territory of military graves in St. Petersburg. It is noted the importance of representing reliable and correct information about military graves in the modern media space, which increasingly acts as the main source of acquaintance for users of digital technologies with the world. The article indicates the main prospects for the development of state registration of military graves as one of the ways to preserve cultural heritage. It is concluded that state accounting is one of the tools for preserving historically significant burials and tombstones that currently do not have the official status of a cultural heritage site.

Key words: military burial, cultural heritage, cultural memory, state accounting, media space.

Современный контекст

Сегодняшнюю культуру невозможно представить без современных средств массовой коммуникации и информации. Через новые медиа во многом конструируются и транслируются маршруты существования субъектов культуры по всему миру. Цифровые гаджеты повсеместно используются в виде мобильных и стационарных устройств, а «аналоговая» культурная действительность всё чаще воспринимается не через естественное взаимодействие с материальными объектами, а через опосредованную репрезентацию в медиа.

Воинское захоронение как проявление культурного — в отличие от природного — является результатом человеческой деятельности. Как место памяти оно олицетворяет собой культурную и историческую взаимообусловленность прошлого, настоящего и будущего. Как территориально определенное место погребения является одной из сложившихся форм упокоения человеческих останков. Как факт наличной действительности оно напоминает нам о конечности земного человеческого пути, а также о межличностных, социальных, политических и межгосударственных конфликтах, которые сопровождают человеческую культуру с древнейших времен. Как история семьи погибшего оно формирует и определяет жизнь ныне живущих его родственников и будущих потомков, для которых это является одновременно как и личной потерей, так, по-видимому, и основанием для гордости, поскольку их член семьи достойно закончил свою жизнь, защищая Родину и Отечество. Как часть истории государства оно является неотъемлемой аспектом патриотической культуры, направленной на воспитание гражданственности и оформление духовно-нравственных ценностей, которые, в свою очередь, позволяют уважительно относиться к прошлому, осознавать ценность настоящего и определять будущее. Как часть материального культурного наследия является отражением характерных монументальных форм различных эпох. Уже из предложенных вариантов рассмотрения несложно сделать вывод, что воинские захоронения являются местами сакральными и символическими как на индивидуальном, так и на социокультурном уровне, а значит, являются не только наследием и историей, но и настоящим сегодняшней культуры.

Однако настоящим нашей сегодняшней культуры также является и процесс тотальной медиатизации реальности, когда практически все сегменты окружающей нас повседневности проходят процесс оцифровки и цифровизации, а значит, оказываются представленными в современном медиапространстве. В пределе возникают ситуации, когда феномен или артефакт культуры, не представленный в медиа, фактически не существует для современного человека. В таком случае речь идет о том, что достоверность, наличие и существование того или иного события и факта реальности во многом определяется современными медиа. На данный момент в Интернете мы можем встретить фактически неограниченное количество информации, которая, как правило, носит развлекательный характер и связана с современными медиапродуктами. Тем не менее, вместе с этим оцифровываются традиционные артефакты и феномены культуры прошедших эпох: произведения изобразительного искусства, памятники зодчества, литературное творчество, музыкальные произведения, предметы повседневного обихода и многое другое. Но так или иначе остаются сегменты действительности, которые до сих пор недостаточно хорошо репрезентируются в современном медиапространстве, а порой и вовсе исключены из него.

Воинские захоронения как культурное наследие могут и должны быть представлены в современном медиапространстве, так как оно все чаще выступает в качестве современного «интерфейса» в повседневности, а технические устройства, например, смартфоны, становятся локусом социальности — местом пересечения общественной и межличностной коммуникации. Для отражения любого явления материальной и духовной культуры в цифровых медиа прежде всего необходимо осуществить их описание и оценку в наиболее широком смысле. Говоря другими словами — подготовить их для репрезентации в медиа. Прежде всего, речь идет о том, что для сохранения и последующей ретрансляции информации о фактически существующих в материальной действительности феноменах культуры необходимо удостовериться, насколько качественно они описаны и не противоречат ли сведения о них историческим данным на современном уровне научного знания. С одной стороны, обусловлено это принципом достоверности информации, соблюдение которого позволяет минимизировать распространение заведомо ложных («фейковых») данных о репрезентируемых в медиа феноменах культуры. С другой стороны, выверенность и конкретность данных формирует «хрестоматийный» образец, к которому можно возвращаться в целях сверки, а также с помощью которого можно определять взаимосвязи с другими феноменами современной культуры. При этом именно достоверность и релевантность информации в медиа позволяют устанавливать посредническую функцию с конкретными явлениями и объектами реальной жизни. Наиболее наглядным примером реализации данного параметра может являться любая поисково-информационная картографическая система, позволяющая за счет качественной медиации устанавливать посредническую функцию с конкретными явлениями и объектами реальной жизни. То есть создается взаимосвязь между виртуальным и реальным за счет совпадения смыслового содержания, при котором одновременно сохраняется разделение между медиаконтентом и «аналоговыми» объектами культуры. Вместе с этим корректность репрезентации позволяет оцифрованным объектам материальной действительности быть воспринятыми пользователями цифровых медиа. В ситуации разрастающегося информационного шума внимание пользователей является одним из дефицитнейших ресурсов, а значит, внятность любой информации в медиа является одним из ключевых параметров, особенно относительно тех сегментов действительности, которые не всегда

непосредственно явлены в повседневной жизни. Можно сказать иначе: субъект культуры как никогда ранее сегодня узнает об окружающем его мире через различные медиа.

Озвученное выше не только не теряет своей актуальности по отношению к воинским захоронениям, но и обретает новые смыслы. Прежде чем сообщать о воинских захоронениях в медиа, необходимо уделить им внимание как с точки зрения государственного учета, так и с позиции архивно-исследовательской работы, что в ситуации появления в общем доступе в сети Интернет оцифрованных документов, свидетельств и тематической литературы, позволяет провести их атрибуцию на новом уровне. Чем больше релевантных действительности данных будет представлено в сети Интернет, тем более корректную информацию пользователи будут получать о культуре в целом.

Как любой объект материальной действительности, который представляет историко-культурную ценность, воинские захоронения обладают определенным информационным полем, существуют практики их описания, которые меняются с течением времени. Чтобы обозначить актуальные особенности существования воинских захоронений в современной российской культуре, целесообразно на примере Санкт-Петербурга выявить специфику того, как оформлялись, сохранялись и транслировались сведения о воинских захоронениях в предшествующие исторические периоды.

Основные этапы формирования комплекса воинских захоронений на территории Санкт-Петербурга

Как правило, когда в обыденной жизни мы говорим о воинских захоронениях, в памяти возникает образ братских могил времен Великой Отечественной войны. Данное обстоятельство по отношению к современному Санкт-Петербургу является не случайным, так как оно обусловлено тем, что на подступах к охваченному военной блокадой Ленинграду велись ожесточенные и кровопролитные бои. Именно погребения данного периода истории преобладают в общем числе всех захоронений на территории районов Санкт-Петербурга, а также Ленинградской области. Тем не менее, воинские захоронения также существовали в дореволюционном Санкт-Петербурге, Петрограде и Ленинграде, но на данный момент основное внимание уделяется прежде всего захоронениям погибших в Великую Отечественную войну. Данное обстоятельство является естественным следствием неоспоримой и судьбоносной важности Победы в Великой Отечественной войне для нашей страны. Внимание к воинским захоронениям дореволюционной эпохи в силу идеологических особенностей Советской власти практически не оказывалось, а другие локальные вооруженные конфликты советской эпохи не могли сравниться по масштабу событий с Великой Отечественной войной. Таким образом, особый интерес вызывает, каким образом в силу особенностей исторического развития нашей страны в XX веке сведения о воинских захоронениях становились доступными как для исследователей, так и для широкого круга людей.

Прежде чем приступить к обзору особенностей воинских на территории Санкт-Петербурга необходимо отметить, что в условиях военного времени, на отдаленных от столичных городов территориях, братские захоронения создавались вблизи мест крупных сражений, а также рядом с местными населенными пунктами. До Великой Отечественной войны территория Санкт-Петербурга не становилась театром сравнимых по своему масштабу военных действий, этот факт отразился на общем числе зафиксированных воинских захоронений на территории города. Случаи захоронения погибших при защите Отечества в их родных городах оставались скорее исключением и были характерны, как правило, для представителей привилегированных сословий, а также для

военнослужащих, занимавших высокие военные посты. Так, например, на территории Никольского кладбища Александро-Невской лавры расположены индивидуальные захоронения генерал-майора В.М. Добровольского, погибшего в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерала-лейтенанта Р.И. Кондратенко и лейтенанта А.В. Гирса, погибших в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Процесс исследования воинских захоронений, накопления сведений об особенностях мемориальных сооружений и личностях погибших, происходил неотрывно от общей тенденции к развитию некрополистики как одной из вспомогательных исторических дисциплин. Несмотря на публикацию в дореволюционный период ряда справочных изданий о кладбищах Санкт-Петербурга, сведения о гибели военнослужащих в результате боевых действий особым образом в них не отмечались. Так в одном из значимых трудов, посвященном историческим кладбищам, а именно «Петербургский некрополь» (1912–1913 гг.), который был составлен В.И. Сайтовым, указывались годы жизни и звания погребенных. Однако сведения о обстоятельствах гибели военнослужащих зачастую отсутствовали, что на данный момент в значительной степени затрудняет причисление того или иного захоронения к могилам погибших при защите Отечества¹.

Процесс радикального переустройства городских кладбищ после Октябрьской революции повлек за собой утрату ряда воинских захоронений, что привело к невозможности полноценного сохранения мест фактического погребения военнослужащих. В ряде случаев надгробные сооружения утрачивались, перемещались и использовались повторно для других захоронений, в том числе и воинских. Вместе с тем, боевые столкновения в результате событий революции, а также последующей Гражданской войны и военной интервенции, привели к созданию новых кладбищ и памятников бойцам, погибшим уже за новую Советскую власть. В Санкт-Петербурге среди них можно выделить мемориальный комплекс на Марсовом поле, Воинское кладбище в парке Лесотехнической академии, памятники на территории Александровского и Павловского парков и ряд других². Подобные погребения становились не только местом поминовения погибших в годы войны, но и объектом политико-просветительской работы: в памятные даты на мемориалах проводились митинги и возложения цветов.

Трагические события Великой Отечественной войны, приведшие к большим потерям среди военнослужащих и гражданского населения, привели к необходимости повсеместной организации воинских захоронений в целях достойного погребения погибших в боях за Родину военнослужащих, а также их последующему учету. Согласно вышедшему накануне войны «Положению о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время» предписывалось фиксировать в донесениях о потерях сведения о месте гибели бойцов и их погребении, а также указывать расположение плановых, боевых и санитарных захоронений на картах и схемах³. Позднее данные функции были поручены местным административным органам, которым предписывалось вести учет и сбор необходимой информации. Уже по окончании войны на них возлагалась работа по благоустройству захоронений на вверенной им территории⁴.

¹ Николай Михайлович, вел. кн. [Сайтов В. И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.

² Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009.

³ Приказ НКО СССР № 138 от 15.03.1941 «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время».

⁴ Бабанин Т.В. Укрупнение воинских захоронений в 1940–1960-е гг. и проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево

В 1950–1960-е годы на государственном уровне было принято решение по укрупнению уже существующих братских могил за счет перезахоронения останков бойцов из могил, расположенных на окрестных территориях. Параллельно с этим происходил процесс составления обновленных списков погибших, данные о которых хранились в районных военкоматах или местной администрации. Несмотря на ряд сложностей в установлении личностей и имен военнослужащих, а также характерных неточностей, которые были вызваны необходимостью обработки большого количества информации, на данном этапе проводилась систематическая работа по созданию списков погибших военнослужащих с целью установления как можно более точного числа потерь Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, а также определения общего числа воинских захоронений, которые в обязательном порядке должны подлежать сохранению.

Следует отметить, что подобные списки носили не публичный характер, а значит были недоступны для широкого круга лиц. Закрытость этих сведений отразилась и в облике мемориальных сооружений крупных братских могил, созданных в первые послевоенные годы. В этом отношении примечательно издание «Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны», выпущенное в 1947 году и предлагающее готовые решения для проектирования мемориальных комплексов и сооружений на территории воинских захоронений⁵. При изучении данного источника можно обратить внимание на то, что только в проекте одного надмогильного сооружения предполагается нанесение имен погибших при защите Отечестве и погребенных на захоронение. В Ленинграде характерным примером является братский участок на Волковском Лютеранском кладбище, на территории которого по актуальным данным Обобщенного банка данных «Мемориал» захоронено 897 военнослужащих, при этом мемориальные таблички с именами вовсе отсутствуют⁶. Из этого можно предположить, что возможная информация о погребенных на подобных захоронениях была известна родственникам погибших, либо передавалась устным образом от человека к человеку, а значит, судя по всему, не была доступна широкому кругу лиц, так как фактически отсутствовала в официальных источниках.

Заметные изменения в облике и типологии мемориальных сооружений произошли в последующие десятилетия. В период 1960–1980-х годов ведется работа по реконструкции крупных братских воинских захоронений на территории Ленинграда. Над новыми мемориальными комплексами работают профессиональные архитекторы, художники, скульпторы и мастера декоративно-прикладного искусства. В архитектурном облике обновленных мемориальных сооружений начинают преобладать черты, которые характерны для искусства середины XX века: лаконичность и строгость геометрических форм, использование в качестве материалов серого гранита и бетона, расположение объектов на большой площади, а также их сочетание с природным ландшафтом.

Пустошкинского района Псковской области) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 186–188.

⁵ Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Под ред. Н.Я. Колли. М., 1947.

⁶ Информация о захоронении // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL.: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=87737050&p=1> (Дата обращения 19.01.2024).

Одним из ярких примеров данного процесса можно назвать работу по созданию архитектурного ансамбля Пискаревского мемориального кладбища⁷. Во многом это способствовало формированию личного эмоционального восприятия событий Великой Отечественной войны у тех, кто родился после ее окончания. Значимым событием для Ленинграда стало создание в период с 1965 по 1968 год комплекса мемориальных сооружений «Зеленого пояса Славы», который был организован вдоль линии обороны города с включением в него некоторых крупных братских воинских захоронений.

Вместе с этим на другие сооружения на воинских кладбищах наносятся имена бойцов согласно имеющимся учетным спискам в специально предусмотренных для этого местах. В целом репрезентативными примерами этому процессу могут служить: Воинский мемориал «Павшим» в Зеленогорске, мемориал «Приморский» в Петергофе и Невское воинское кладбище. Таким образом, в ряде случаев списки погибших бойцов впервые становятся доступны для ознакомления в общественном пространстве, что ещё раз наглядно демонстрировало современникам важность сохранения памяти о Великой Отечественной войне, а, в частности, о судьбах сотен тысяч сограждан, которые несколькими десятилетиями ранее отстояли суверенитет и будущее страны. Данный процесс также поспособствовал формированию мест памяти не только на общем социокультурном, но и на личностном уровне, когда родственники погибших при защите Отечества ежегодно в торжественные и знаменательные даты посещали места захоронений именно своих родных.

Вышедшее в 1976 году решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета народных депутатов «О взятии под государственную охрану гражданских и воинских братских захоронений периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и могил Героев Советского Союза»⁸ на новом государственном уровне закрепило значимость охраны воинских захоронений как объектов, представляющих ценность для формирования идентичности горожан, объединенных общей памятью. По итогам данного процесса под охрану было взято 146 воинских захоронений.

К началу 1990-х годов была введена обновленная система учета воинских захоронений, позволяющая определить их количество, состояние и число захороненных бойцов. Способствовало данной работе и рассекречивание ранее недоступных документов, в связи с этим в тот же период во многих регионах страны была начата усиленная работа по составлению Книг Памяти. Также была утверждена форма учетной карточки воинского захоронения, единая для всех субъектов Российской Федерации. Функции по государственному учету были закреплены за военными комиссариатами районов и городов. Таким образом, за более чем 20 лет проведения данной работы только на территории Санкт-Петербурга было паспортизировано и поставлено на государственный учет почти 400 воинских захоронений.

Перспективы государственного учета

С развитием цифровых технологий становятся доступными различные источники, из которых мы можем узнавать об обнародованных сведениях о воинских захоронениях. В частности, с помощью таких ресурсов как обобщенный банк данных «Мемориал»

⁷ Каснэ И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 59–105.

⁸ Решение Исполкома Ленгорсовета от 03.05.1976 года № 328 «О взятии под государственную охрану гражданских и воинских братских захоронений периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и могил Героев Советского Союза».

и информационная система «Память народа» становится возможным изучать историю Великой Отечественной войны, а также самостоятельно искать информацию ныне живущими родственниками о своих героях, которые погибли при защите Отечества. Оцифрованные воспоминания очевидцев, фотографии, карты и другие архивные документы в равной степени начинают привлекать внимание как всё большего числа исследователей, так и интересующихся историей и культурой своей страны граждан. Появляются в свободном доступе также данные о воинских захоронениях, которые относятся не только к Великой Отечественной войне, но и к другим вооруженным конфликтам.

По состоянию на начало 2024 года в Санкт-Петербурге проводится работа по очередному этапу паспортизации воинских захоронений, в рамках которой благодаря новым материалам и обнародованной информации появляется возможность изучать воинские захоронения на новом уровне. Так, в соответствии с Распоряжением Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями от 15.03.2022 № 17-р «О реализации постановления Правительства Санкт-Петербурга от 17.02.2022 № 127» работа по государственному учету воинских захоронений поручена Санкт-Петербургскому государственному бюджетному учреждению «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец» (далее — СПб ГБУ «Дзержинец»). Необходимо отметить, что данная деятельность включает в себя архивно-исследовательскую работу, изучение именных списков погибших, определение границ воинских захоронений, проведение фотофиксации и оценки состояния воинского захоронения, а также объектов, которые увековечивают память погибших при защите Отечества и располагаются на воинских захоронениях. Актуальные версии поставленных на государственный учет воинских захоронений размещаются на официальном сайте СПб ГБУ «Дзержинец» (URL: <http://dzerjinet.kpmp.gov.spb.ru/>), а точные места воинских захоронений с указанием их актуальных границ впервые фиксируются в Региональной геоинформационной системе Санкт-Петербурга. Таким образом, проводится комплексная работа по государственному учету воинских захоронений с применением современных медиаресурсов и критическим анализом уже имеющейся информации с целью устранения фактических ошибок и неточностей.

В заключение необходимо отметить, на наш взгляд, основные характерные черты и перспективы развития государственного учета воинских захоронений как одного из способов сохранения культурного наследия:

Использование информации и источников, которые на данный момент обнародованы в сети Интернет, позволяет выявить и сопоставить обстоятельства гибели военнослужащих, погибших в годы Великой Отечественной войны, а также установить их места захоронений, исправить фактические ошибки и неточности, которые ранее не представлялось возможным выявить.

Объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества, являются также одним из ценных источников, которые позволяют проследить ранее не исследованные аспекты и тенденции в архитектуре и строительстве, связанные с практиками увековечения памяти и сохранения культурного наследия.

Изучение воинских захоронений и памятников мемориальной архитектуры привлекает внимание представителей общественных движений, инициативных граждан и добровольцев. Данный процесс объединяет наших современников в стремлении внести свой вклад в установление исторической достоверности об истории воинских захоронений и информации о погребенных на них военнослужащих. В таких условиях особенно важным становится обмен исследовательским опытом, имеющимися материалами

и источниками между представителями государственных органов власти и общественными организациями.

Процесс государственного учета позволяет не только паспортизировать воинские захоронения на территории города, но и является одним из инструментов сохранения исторически значимых погребений и надгробных сооружений, не обладающих на настоящий момент статусом объекта культурного наследия, хотя по праву и заслуживающих этого.

Современный процесс государственного учета направлен на паспортизацию воинских захоронений не только советской эпохи, но и дореволюционного периода и настоящего времени.

Репрезентация результатов государственного учета и публикация информации о воинских захоронениях от общественных объединений и заинтересованных лиц позволяет в современном медиапространстве продолжать традицию сохранения памяти о погибших при защите Отечества и в настоящий момент, тем самым поддерживая историческую преемственность и передовая культурную память последующим поколениям.

Список литературы

Бабанин Т. В. Укрупнение воинских захоронений в 1940–1960-е гг. и проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2014. №17 (139). С. 186–188.

Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Под ред. Н. Я. Колли. Москва: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1947. 153 с.

Каспэ И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. №1. С. 59–105.

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. Москва: Центрполиграф, 2009. 797 с.

Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В.И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.

References

Babanin T.V. Ukpurnenie voinskix zaxoronenij v 1940–1960-e gg. i problemy` uvekovechivaniya pamyati pogibshix zashhitnikov Otechestva (na primere bratskogo kladbishha v derevne Sergejevo Pustoshkinskogo rajona Pskovskoj oblasti) in Vestnik of RUSH [The enlargement of military graves in the 1940s and 1960s and the problems of commemorating the memory of the fallen defenders of the Fatherland (using the example of the fraternal cemetery in the village of Sergeitsevo in the Pustoshkinsky district of the Pskov region)], in *Bulletin of the RGGU Seriya: Literaturovedenie. Yazy'kovedenie. Kul'turologiya*. 2014. №17 (139). P. 186–188. (in Rus.).

Kaspe` I. Mesto smerti: o znachenii Leningradskoj blokady` v pozdnesovetskoj kul'ture [Place of death: on the significance of the Leningrad Blockade in Late Soviet culture], in *Sociologicheskoe obozrenie*. 2018. №1. P. 59–105. (in Rus.).

Kobak A.V., Piryutko Yu.M. *Istoricheskie kladbishha Sankt-Peterburga* [Historical cemeteries of St. Petersburg], Moscow: Centrpoligraf, 2009. 797 p. (in Rus.).

Nikolaj Mixajlovich, vel. kn. [Saitov V. I.] *Peterburgskij nekropol'* [St. Petersburg Necropolis], T. 1–4. Saint Petersburg., 1912–1913. (in Rus.).

Tipovy'e proekty` pamyatnikov bratskix i individual'ny'x mogil voinov Sovetskoj armii, voenno-morskogo flota i partizan, pogibshix v boyax s nemecko-fashistskimi захватчиками в годы` Velikoj Otechestvennoj vojny [Typical projects of monuments of mass and individual graves of soldiers of the Soviet army, Navy and partisans who died in battles with the Nazi invaders during the Great Patriotic War], Pod red. N. Ya. Kolli. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva vooruzhenny'x sil Soyuza SSR, 1947. 153 p. (in Rus.).

ДИСКУССИЯ

Головин Р.Е., Дворко А.В., Шупер О.О.

КУРАТОРСКИЕ ДЕБАТЫ: ЭКСПЕРИМЕНТ VS АЛГОРИТМ МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Головин, Роман Евгеньевич — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, Roma.golovin@list.ru;

Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.В. Беззубова;

Дворко, Анастасия Владимировна — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, An_dvorko@mail.ru;

Научный руководитель — кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ А.А. Никонова;

Шупер, Ольга Олеговна — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, Olga_shuper@vk.com;

Научный руководитель — кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ А.А. Никонова.

Статья является коллективной студенческой работой по выявлению актуальных тенденций экспозиционного проектирования по материалам онлайн-встреч Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева «zooMuseum: Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок». Авторы выявляют особенности организации и проведения встреч в формате дебатов, анализируется нестандартный подход и потенциальные возможности использования данной формы профессиональной коммуникации не только в онлайн-проектах, но и их адаптация для образовательных целей.

Ключевые слова: музейное сообщество, кураторские дебаты, профессиональная коммуникация, экспозиция, музейное проектирование.

CURATORIAL DEBATE: EXPERIMENT VS ALGORITHM OF MUSEUM DESIGN

Golovin, Roman Evgenievich — Student of Master Programme, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, Roma.golovin@list.ru;

The scientific supervisor — O.V. Bezzubova, Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University;

Dvorko, Anastasiya Vladimirovna — Student of Master Programme, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, An_dvorko@mail.ru;

The scientific supervisor — A.A. Nikonova, Candidate of Science in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University;

Shuper, Olga Olegovna—Student of Master Programme, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, Olga_shuper@vk.com;

The scientific supervisor—A.A. Nikonova, Candidate of Science in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

The following paper is a collective student work on identifying current trends in exposition design, presented in a series of online conferences “zooMuseum: Curatorial Debates. Three conversations about the design features of museum expositions and exhibitions” held by The Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History. The authors identify the peculiarities of organizing and holding panel meetings in the format of debates, analyse a non-standard approach and potential opportunities for using this form of professional communication in online projects, as well as the prospect of their adaptation for educational purposes.

Key words: Museum community, curatorial debates, professional communication, exposition, museum design.

Общение музейных сотрудников, выходящее за рамки привычных видов профессиональной коммуникации (круглые столы, конференции, научные советы)—это не всегда вынужденные меры периода ограничений, связанных с пандемией COVID-19¹. Возможность аккумулировать рабочие, но забытые средства общения, которые имеют четко сформулированное пространство для высказывания, строгие критерии тайминга, а главное— бережливое отношение к сторонам диалога—тот самый случай, когда в споре рождается истина (как максимум), или выявляются «болевые» точки, на которые откликается музейное сообщество. Успешным примером можно считать серию «Кураторских дебатов» от онлайн-проекта Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева zooMuseum. Профессионалы из разных городов, объединенные интересом к экспозиционному проектированию, представляли и отстаивали свою точку зрения по ключевым аспектам создания музейной экспозиции. Встречи были доступны онлайн для всех заинтересованных, слушатели дебатов имели возможность проголосовать за ту или иную точку зрения, а также задать вопросы, на которые кураторы отвечали в прямом эфире и после. Запись трансляции доступна на официальной странице музея на платформе YouTube. Темы, предложенные участникам, фокусировались на ключевых аспектах экспозиционного проектирования и группировались в соответствии с двумя противоположными мнениями—с позиции индивидуального эксперимента и сформированного алгоритма, например, «Сценарий vs ТЭП», «Отстраненность vs Авторское начало» и т.д. Аргументируя позицию и приводя примеры, участники смогли создать живой диалог и поделиться обогащающим опытом со слушателями.

Коллектив авторов настоящей статьи сложился в рамках учебного задания по дисциплине «Теория экспозиции». На семинарских занятиях мы как студенты знакомимся с онлайн-проектом «zooMuseum», самостоятельно анализировали вебинары и заполняли предложенную преподавателем, доцентом А.А. Никоновой таблицу (приложение 1). Такой формат открыл поле для совместной дискуссии, позволил выявить основные тематические блоки для дальнейшего осмысления в экспериментальном формате коллективной

¹ «Смотреть и видеть» ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва)—онлайн-проект, в котором музейные встречи искусствоведов, психологов, театральных режиссеров и представителей сферы культуры транслировались для широкого круга заинтересованных зрителей. URL: https://pushkinmuseum.art/events/archive/2021/others/look_and_see/index.php?find=смотреть%20и%20видеть / (Дата обращения: 26.03.2024).

статьи. Перед авторами стояли непростые задачи объективного анализа аргументации, выявления актуальных тем экспозиционного проектирования, описания методики проведения дебатов и вопрос о возможности дальнейшего ее использования в рамках образовательного процесса. Экспериментальный формат коллективной статьи стал для нас как авторов своеобразным вызовом — в ходе внутренних обсуждений были распределены блоки написания работы, выбраны конкретные темы кураторских встреч, показавшиеся наиболее перспективными для осмысления, результаты которого предложены ниже в форме стенограммы.

Перед началом основной части обсуждения стоит привести список участников, чьи позиции по ключевым проблемам современного музейного проектирования и стали основой для тем, раскрытых в данной статье:

Александра Селиванова — кандидат архитектуры, историк архитектуры, куратор, руководитель Центра авангарда (с 2013) — <http://avantgarde.center/>. Куратор галереи «На Шаболовке» — <https://shabolovka.vzmoscow.ru/>. Старший научный сотрудник Музея Москвы;

Андрей Рымарь — куратор, филолог, основатель музейного бюро «АРКФ» — <https://solarsense.org/>. Создавал экспозицию «Максим Горький» в Литературном музее Самары — <https://samlitmus.ru/>, постоянную экспозицию в музее Находки — <https://museum-nakhodka.ru/>, Музей Петра Первого в Дербенте — <https://derbentmuseum.ru/muzejnyj-kompleks-domik-petra-i/>;

Тимур Булгаков — телесценарист, автор сценария постоянной экспозиции музея ГУЛАГа <https://gmig.ru/>;

Анна Щербакова — куратор специальных и выставочных отделов Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева; создатель постоянных и временных выставочных проектов, разработчик постоянной экспозиции Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева <https://old.arseniev.org/press/16445/>;

Александр Годованец — искусствовед, куратор выставочных проектов, начальник службы экспозиционно-выставочной деятельности Государственной Третьяковской галереи, работал в фонде Academia Rossica, в музее Булгакова;

Надежда Пантюлина — старший научный сотрудник Государственного биологического музея имени К.А. Тимирязева. Автор и куратор передвижной выставки Государственного биологического музея имени К.А. Тимирязева «Засушенному — верить» <https://m-i-e.ru/zasushennoe>, а также автор проекта «Почему я человек» <https://www.culture.ru/events/2985320/vystavka-pochemu-ya-chelovek>. Является автором методики под названием «Интуитивное проектирование», предполагающей сбор изображений с деталями будущей экспозиции на первых этапах ее проектирования;

Виктор Кладов — кандидат исторических наук, с 2011 по 2021 гг. — заместитель директора Муниципального учреждения культуры «Музейно-выставочного центра» города Заречного Пензенской области по научной работе. С 2021 года занимал должность заместителя директора Пензенского краеведческого музея по научной работе. С июня 2023 г. — заместитель министра культуры и туризма Пензенской области. С недавнего времени был освобожден от поста заместителя министра культуры и туризма Пензенской области, в связи с чем был назначен на должность заместителя директора Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» по науке;

Марина Краснова — музеолог, заведующая экспозиционно-выставочным отделом Государственного литературного музея им. Дала. В 2005 году окончила факультет истории искусств РГГУ по специальности «Музеология». Более 5 лет работала в Государственном

музее В. В. Маяковского. В 2013 году пришла в Государственный литературный музей на должность заведующей отдела научно-просветительской и методической работы. В 2017 году назначена заведующей экспозиционно-выставочным отделом ГМИРЛИ имени В.И. Даля.

Что лежит в основе экспозиционного проектирования?

Роман: Теперь мы хотели бы более полно раскрыть проблематику этих дебатов в формате диалога, который сам по себе является способом дополнить и актуализировать темы, заданные организаторами. Начнем с вопроса, который был обозначен на первой встрече²: *способствует ли устранение субъектности проектировщика раскрытию субъектности посетителя?* То есть, достаточным ли условием для того, чтобы находиться «на стороне посетителя», будет устранить следы своего собственного видения, или посетителя все же нужно направлять и вовлекать?

Ольга: На мой взгляд, это очень интересная тема. В музее идея создания инструментария, не изменяя материю показа и сохраняя «отстраненный взгляд», актуальна, потому что это помогает сохранить и передать историческое и культурное наследие в его первозданном виде. Использование традиционных средств показа экспонатов без их изменения позволяет зрителям более полно погрузиться в атмосферу и контекст выставки, сохраняя при этом ценность и подлинность предметов и исторических артефактов. С другой стороны, идея вовлекать зрителя в отзывчивый диалог используя различные технологии, в том числе использование методик, например, из иммерсивного театра и современного искусства, представляются для посетителей актуальными.

Анастасия: *Но какими методами руководствуется команда в процессе создании музейной экспозиции? Не является ли «новое» своего рода попыткой артикулировать смыслы привычными методами, понятными для зрителя?*

Роман: «Новое» в музее, как уже было отмечено одним из участников, — это новые задачи и методы. Суть последних — «сделать интеллектуальную позицию переживанием», чему способствует изначально «метаболическая» природа музея, который способен «впитывать» в себя и «перерабатывать» практически всё из совершенно разных культурных сфер, более того, музей был таким изначально. Комментируя мысль Андрея Рымаря, что «музей — про устройство сознания», важно также учитывать, что знание само по себе не фиксировано, а постоянно конструируется и создается, мы скорее можем говорить про динамику развития, а значит, не столько про устройство, сколько про функционирование сознания в процессе, о совместном с посетителем семиозисе и производстве знания.

Ольга: Что насчет темы вторых дебатов³, то, честно говоря, уже само название вызвало у меня вопросы, ведь говорится о двух принципиально разных документах. Тематико-экспозиционный план фокусируется на организации материала и информации в пространстве музея, в то время как сценарий описывает ход событий и взаимодействие с посетителями. Я абсолютно согласна с позицией Анны Щербаковой в том, что ТЭП — это итог проектирования, а не процесс экспозиционного творчества, а также с тем, что сценарий можно поместить и в ТЭП, если нужно, и наоборот, сценарий

² Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок. Встреча 1. Изобретаем заново vs Конструируем из известного. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0UnfvXEIxVs> (Дата обращения: 31.03.2024).

³ Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок. Встреча 1. Сценарий vs ТЭП. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0UnfvXEIxVs> (Дата обращения: 31.03.2024).

можно перевести в ТЭП. На мой взгляд, оба элемента однозначно важны для успешной и интересной экспозиции в музее.

Анастасия: Можно сказать, что это два разных подхода к организации информации. Для Анны Щербаковой, куратора специальных и выставочных отделов Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева, — ТЭП является официальным документом, который «закрепляет высказывание на уровне предметов», для Тимура Булгакова, теле-сценариста, сценариста Музея истории ГУЛАГа, — это документ, фиксирующий траекторию драматургии. В этой встрече звучит и важная тема документации выставочных проектов. Что остается после завершения показа? Как исследователи могут анализировать эволюцию выставочных проектов, которые более не существуют в музее? То, что остается, фиксируется во времени — это документ.

Роман: Кстати, интересно было бы добавить, ссылаясь на упомянутое участниками определение ИКОМ, что «музей — это пространство для диалога между временами», что он также предоставляет такую возможность и для диалога между различными фазами «жизни» самого музея — его эволюции, как было только что сказано. Я согласен с вами, при разговоре об этих темах нужно понимать, что речь в таком «противопоставлении» идет о слишком разных вещах, и она даже не совсем касается основ проектирования. Сценарий и ТЭП не противоречат друг другу, а в основе экспозиции лежит в любом случае скорее концепция, которая частично может быть реализована в сценарии, частично или полностью в ТЭП (если она достаточно простая и совпадает по большей части с классификацией, которую ТЭП предлагает), а оптимально (как я это вижу) в условиях современности может быть определенным продуктом совместной работы куратора, дизайнера, художника, сценаристов, инфографиков и прочих проектировщиков и представлять собой совокупность 2D/3D функциональных графических схем и сцен, а не просто таблицы и/или текст.

Ольга: Проблемой музейного проектирования становится выбор концепций и подходов, сбалансированности между традицией и инновацией, учета потребностей аудитории, сохранения культурного наследия и интеграции современных технологий. В учебной литературе уже давно описаны основные принципы музейного проектирования, но на деле каждый специалист выбирает собственную систему ориентиров. Одним из ключевых элементов музейного проектирования является проектирование музейных экспозиций. Этот творческий процесс включает в себя разработку исходной документации для будущих экспозиций, а также осуществление авторского наблюдения за их реализацией. Создание уникальной и привлекательной экспозиции требует не только технических навыков, но и художественного видения и понимания потребностей аудитории.

Как должен поступить опытный проектировщик, с чего он должен начать? С разработки тематико-экспозиционного плана или сценария? Конструировать не изменяя материю показа или же вовлекать зрителя в отзывчивый диалог используя различные технологии? Должен ли он отстаивать свою авторскую позицию или позволить посетителю пройти свой личный путь самостоятельно? Решить данные проблемы «возможно только благодаря высокому профессионализму музейных сотрудников, от «эрудиции, от такта, от практического опыта музейца целиком зависит обеспечить равнодействующий компромисс: условно примирить в стенах музея нужды современного ученого, сохранность материалов, интересы будущих ученых и запросы современного нам массового посетителя»⁴.

⁴ Никонова А.А. А.Ф. Котс об антиномиях музейного пространства // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 17.

Таким образом, получается, что все зависит от цели, которую ставят перед собой экспозиционеры-проектировщики.

Анастасия: Любая авторская работа имеет индивидуальное начало — создателя, поэтому позиции участников второй встречи проекта⁵ не могут противоречить друг другу. Но удачнее, когда авторское начало скрыто за вариативностью смыслов, доступных посетителю. Прослеживается мысль о тенденциях демократизации выставочных проектов, когда музей создает рамки диалога, но его исход остается за каждым уникальным зрительским опытом.

Роман: *Мы можем сказать, что от авторства нельзя уйти, но так ли это важно, как для проектировщиков, так и для посетителей?* При потреблении любого культурного контента (чтении, просмотре, прослушивании) мы всегда можем обращать внимание на то, что автор, с одной стороны, «мертв», с другой на то, что *полностью обезличенной информации не существует, но так ли это для нас значимо в процессе?* Так же и в музее. Да, мы можем критически задаваться вопросом об авторстве, но скорее всего не будем этого делать, если критически будем подходить к процессу восприятия самого выставочного материала, в том случае, если в нем выдержана планка субъективности и объективности.

Ольга: В данном случае я считаю, что авторская позиция помогает определить тематику, концепцию и основные идеи экспозиции, а также внести оригинальные и интересные элементы, которые сделают экспозицию запоминающейся и уникальной. Авторское решение также может помочь создать своеобразную атмосферу и передать определенные эмоции или сообщения посетителям музея. В этих дебатах позиция Александры Селивановой для меня оказалась не очень убедительной. Если у посетителя нет никакого представления на какую-либо тему, ему будет сложно. На авторскую позицию и мнение посетитель может опираться, использовать ее как вспомогательную, поэтому здесь я согласна с Тимуром Булгаковым. Если посетитель сможет увидеть разные точки зрения, он сможет на базе этого сформировать и свою. Совершенно необязательно воспринимать авторскую позицию как навязанную всем вокруг. Думаю, важно учитывать момент, что в то же время авторская позиция должна быть сбалансирована и учитывать потребности и интересы аудитории музея.

Роман: Стоит также отметить, что, как верно подметила участница дебатов Александра Селиванова, авторская позиция, которая старается быть скрытой — путь к формированию идеологии. Определенно, это так, но это, как правило, довольно легко распознать.

Анастасия: Да, ты прав. Подобную позицию можно проследить в высказывании Надежды Пантюлиной, в особенности, когда упоминаются проекты сложной умозрительной структуры: «тяжелое прошлое», «осмысление негативного военного опыта». *Здесь без эмоциональной включенности сложно «пережить опыт», но всегда ли это необходимо?*

Роман: Перед тем, как ответить на этот вопрос, можно вспомнить слова Надежды о том, что даже рациональное сомнение в единстве и непреложности фактов является составляющей научного мышления. Переживание же — это нечто глубинное и многослойное, а не только поверхностные эмоции. *Как, однако, можно эти слои разделить,*

⁵ Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок. Встреча 2. Отстраненность vs Авторское начало. URL: <https://youtu.be/tSWyPBf1QRk?si=4gIDt4cN690muTq7/> (Дата обращения: 26.03.2024).

должна ли выставка/экспозиция дробиться на более и менее доступные (простые) части, или все уровни переживания должны быть представлены одновременно в одном тексте/объекте/комплексе?

Анастасия: Разделять скорее все же нужно, как минимум, соотносить с возрастом посетителя. Удачным примером может послужить опыт европейских музеев истории Холокоста. Посетители получают браслеты, открывающие мультимедийные блоки в экспозиции, информация которых фильтруется с учетом возраста. Браслет, предназначенный для ребенка, не сможет открыть информацию, потенциально сильного эмоционального воздействия, она доступна только посетителям 18+. В любом случае, эмоциональный отклик будет у каждого, такие темы не могут оставлять равнодушными, но экспозиция не лишена траектории знакомства с конкретными историческими фактами.

Роман: Исходя из вышесказанного, хотелось бы высказать мысль, что функционально знание находится скорее на стороне содержания, а переживание — формы экспозиции, однако изначально они должны содержать условия друг для друга. В реализации этих условий знание, однако, тоже обладает многослойностью (в различных интерпретациях, методах исследования, источниках и т.д.), что структурно сближает его с переживанием и устраняет принадлежность чего-то из них по отдельности к форме или содержанию. Переживание же, сконструированное должным образом, продолжает линию мысли и способно преобразовать первичный аффект в размышления.

Ольга: Согласно с вами, знание играет важную роль в понимании предметов, истории, культуры и т.д. Однако переживание также имеет большое значение, поскольку музейная экспозиция должна вызывать эмоции, вдохновлять и удивлять посетителей. Виктор Кладов говорил в этих дебатах о том, что, только зная, что изображено, мы сможем испытать эмоции. Сильнее, чем если бы мы не знали. И я согласна с ним, исходя из личного опыта. Например, когда приезжаешь в другую страну и видишь достопримечательность, о которой хотя бы что-то знаешь, эмоции действительно становятся ярче. Через понимание и осознание эффект усиливается. Надежда Пантюлина мыслит противоположно. Ее мнение: эмоции пробудят в нас интерес к теме. Возможно, у каждого человека этот механизм работает по-разному.

Анастасия: Демократизация музейной среды — это не только реакция на меняющиеся запросы посетителей, но и “рождение” множественности, говорящей о музее как о живой, меняющейся мультидисциплинарной сфере. Мы отмечаем, что современные выставочные проекты — это командная работа специалистов из области театрального и драматического искусства, психологии, медиа, музейного и научного знания. Несмотря на различия базовой подготовки, те, кто сегодня занимаются экспозиционным проектированием, объединены стремлением прозвучать в пространстве смыслов — в музее. Говорят со зрителем осторожно, бережно, задавая путь, но траекторию движения оставлять на выбор собеседника.

Сложные направления гуманитарных исследований, которые исследуются в социокультурном пространстве, такие как Memory Studies и Trauma Studies, также представлены и в музее⁶. История военного «трудного» прошлого и рефлексия травматичного опыта, вопросы мемориальной культуры, тема борьбы и сопротивления — *кто иницирует этот диалог и для чего? Нужно ли добиться от зрителя аффекта восприятия или цель дать конкретные знания?* Аргументы Надежды Пантюлиной звучат убедительно

⁶ Смирнов А.В. Партиципаторный музей как пространство репрезентации культурной травмы // Studia Culturae. 2019. Вып. 2 (40). С. 162–171.

не только в дебатах, но и в выставочном пространстве проектов, куратором которых она является. «Засушенному верить»⁷ — это открытый диалог со зрителем, без прикрас и утаивания, на темы, в которых куратор чутко использует синонимию хрупкое-прочное, временное-постоянное, сильное-слабое. Передача тонких семиотических знаков через коллекцию гербариев открывает разговор со зрителем о сложной теме личного опыта узников ГУЛАГа. Через восприятие и переживание дает возможность знакомства и изучения сложных тем прошлого, сопровождая незримым голосом на пути. Маршрут всегда уникален, складывается из индивидуальных характеристик и подготовки зрителя, отстраненность куратора не мешает диалогу, а только инициирует начало разговора.

Роман: Согласен с последним, однако выставочное пространство является отдельной сферой коммуникации, и далеко не все могут правильно с ней работать. Куратор не показывает способ хранения вещей, а рассказывает о них так, чтобы люди могли продолжать эту коммуникацию и задавать вопросы. Важно, чтобы музей мог инициировать беседы о важных проблемах в обществе. А также, я в целом согласен с той мыслью, что в музеях есть способы говорить о политическом и социальном контекстах в рамках истории, а показывать предметы лишь внутри своей области — это определенное упрощение.

Ольга: Действительно, можно согласиться с тем, что сценарий определяет основные смысловые акценты экспозиции. Однако, абсолютное отрицание существенного вклада дизайнера в создание экспозиции, которое настойчиво подчеркивает Марина во второй половине дискуссии⁸, является слишком категоричным. Позиция Андрея Рымаря представляется более демократичной, поскольку учитывает многообразие специалистов и их уникальные навыки, не ограничиваясь исключительной ролью одного элемента, такого как сценарий. Разумеется, хочется сказать, что обе роли безусловно важны для успешного музейного проекта, поэтому главное — это сотрудничество и взаимодействие между дизайнером и сценаристом.

Роман: Оппозиция между дизайнером и сценаристом искусственна, в идеале сценарист и дизайнер оба должны быть «сценографами», но на практике такое бывает редко, а в худших случаях приводит к дилетантизму. Работа же дизайнера не поверхностна (создание «красивой картинки»), а так же концептуальна и структурна, как и работа любого другого проектировщика — в современной выставочной деятельности меняется понятие о форме и содержании в целом, так как одно может переходить в другое.

Анастасия: Когда мы, однако, сталкиваемся с чисто дизайнерскими экспозициями, музейная составляющая часто проигрывает и требует дополнения. Хорошо, когда в рабочей группе на старте проектирования достигается договоренность о смыслах, которые будут представлены в экспозиции. Преобладание «визуального» в современной культуре, когда образы «видят нами»⁹, формирует опасность высказываний, зрительно

⁷ Проект передвижной выставки «Засушенному — верить» Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева. URL: <http://zasushennye.ru/> (Дата обращения: 26.03.2024).

⁸ Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок. Встреча 3. Дизайнер vs Сценарист. Предмет vs Идея. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5at3zne91Eg&t=3280s> (Дата обращения: 31.03.2024).

⁹ Ср. с: «Суммируя, можно сказать, что конфигурация медиареальности раскрывается максимум — «все есть медиа», или иначе *media ergo sum*, что дает ответ на вопросы каким образом я воспринимаю или не воспринимаю мир, сообщаю себя с другим, о себе, о том, что делают медиа со мной, о том, наконец, посредством чего сообщаю о себе, общаюсь к другому, соответствую своему о себе представлению?» См.: *Савчук В.В.* О предмете медиафилософии // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3 (4). С. 10.

считываемых посетителем. Те визуальные фразы, которыми высказывается дизайнер, могут напрямую влиять на восприятие и задавать чрезмерное эмоциональное напряжение. В этом есть ответственность и забота дизайнера, да и всей команды в целом.

Ольга: Я бы подчеркнула мысль Надежды Пантюлиной: обязанность куратора — так представить предметы, чтобы посетители смогли считать идею. В любом случае, считаю, важно, чтобы идея и предметы в музее взаимодействовали между собой, чтобы создать интересное и познавательное пространство для посетителей. В музее предмет и идея могут быть взаимосвязаны и влиять друг на друга. Некоторые музеи могут начинать с идеи или концепции для создания экспозиции, а затем подбирать предметы, которые соответствуют этой идее. Другие музеи могут иметь коллекцию предметов, которая вдохновляет на создание определенной идеи или концепции для экспозиции.

Роман: На мой взгляд, важно отметить следующий фундаментальный процесс: в современном музейном проектировании в аспектах осмысления и восприятия того, что представляют из себя выставка, экспозиция и даже сам музей, меняется соотношение формы и содержания. В связках предмет-идея, знание-переживание, текст-визуальность, концепт-пространственность и т.п. (которые и были основными темами дебатов), в которых взаимоположенные элементы кажутся противопоставленными, форма и содержание становятся не только равнозначными, но и определяющими друг друга. Из-за сложности и концептуальности новых для музея задач успех экспозиционно-выставочной деятельности, состоящий в адекватности восприятия и считывании смыслов посетителями разного уровня подготовки, во многом зависит от репрезентации замысла проекта и форм показа, что достигается в том числе новыми технологиями и приемами из различных видов искусств, а релевантность применения этих техник тематике проекта определяют сами проектировщики. Появляются различные смежные профессии, например, упомянутые фигуры музейного дизайнера и сценариста, которые работают каждый внутри своей сферы деятельности, но не могут быть в отрыве друг от друга, потому что результатом их деятельности является один и тот же культурный продукт. В том случае, когда роль дизайнера игнорируется и ее берет на себя куратор, возникает риск создания несуразной пространственно-смысловой структуры, которая будет скорее отчуждать от себя задуманное определенным образом содержание — это явление т.н. «curatorial design», означенное в дебатах как пейоратив. Это же на практике работает и в обратную сторону, когда дизайнер, после обсуждения проекта с куратором, может повлиять и на саму концепцию экспозиции. В этом, а также в описанной ранее, с одной стороны, обособленности, а с другой — взаимосвязанности всех специалистов, заключается своего рода диалектика проектирования, решаемая грамотным управлением и командной работой. Кураторская проектная деятельность все более тяготеет к интегративности и системности, становится подвижной, междисциплинарной и синкретической. Предметы и их расположение, визуальное оформление, мультимедиа, кураторские и научные тексты, контекст, отклик и опыт посетителей — все это обретает агентность и входит, говоря языком современной философии и социологии, в сцепленный воедино комплекс — ассамбляж¹⁰, гибрид или сеть¹¹, но не доходя до пределов неразличимости. Таким образом, музей в наши дни — не только про предметы, их смыслы и методики показа по отдельности, а про тот формат существования, единый живой мир, в который их поместил проектировщик, имеющий сейчас все средства и возможности для его реализации.

¹⁰ DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, 2006.

¹¹ Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York, 2005.

Кураторские дебаты как способ актуализации опыта музейного проектирования и коммуникации профессионального сообщества

Изучая вопросы экспозиционного проектирования, исследователи опираются на опубликованные научные работы и практики отечественных и зарубежных музеев. Сложно найти ресурсный пул, в котором бы сохранялись материалы коммуникации музейного сообщества на открытых дискуссиях, встречах и круглых столах. Формат кураторских дебатов, который был предложен Государственным объединенным музеем-заповедником истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева в период локдауна 2020 года, позволил инициировать открытый диалог опытных проектировщиков об особенностях создания музейных экспозиций и выставок. Формат подразумевал три онлайн-встречи на заранее анонсированные дискуссионные темы. Оппоненты имели строгое время для аргументации, модератор определял очередность высказывания и соблюдение тайминга. Кураторские дебаты и предложенная организаторами форма коммуникации может выступать в качестве успешного примера транслирования актуального опыта музейного проектирования, который доступен широкому кругу слушателей, включая и начинающих исследователей.

На семинарских занятиях было предложено ознакомиться с полным циклом дебатов и сформировать таблицу, включающую в себя: название темы дебатов, имена участников, проекты участников, особенности личности участника как куратора, систему доказательств участников, и личную точку зрения студентов о позиции участников. Изучение и оценка опыта кураторов позволили получить новую точку зрения, знания о разнообразных подходах и методиках, а также оценить свои собственные идеи и выводы с более объективной позиции. В том числе, путем анализа и сравнения разного опыта были выявлены сильные и слабые стороны своего подхода, получилось увидеть новые перспективы и возможности. Такой процесс способствует развитию критического мышления и профессионального роста. Данный тип работы поставил перед студентами сложные задачи, позволив выйти на новый уровень объективации и рефлексии.

Ценность конкретно этих дебатов в том, что они актуализируют, собирают и сталкивают опыт музейного проектирования совершенно разных специалистов, что позволяет создать качественно новый разносторонний взгляд (вне аспектов сугубо музейной сферы) на феномен современного музея и его деятельность. Эта актуализация как следствие коммуникации, в свою очередь, приводит к уже иному профессиональному опыту и обновлению представлений об экспозиционном проектировании. Впоследствии данные практики должны способствовать отличному от прошлого взаимодействию посетителя и музея. Вне подобного «живого» формата подобная цепь процессов оказывается с трудом представимой.

Заключение

На примере подобных онлайн-проектов мы можем увидеть, что коммуникация музейного сообщества во время пандемии COVID-19 не прекращалась даже несмотря на ограничения. Музейные специалисты смогли актуализировать привычный формат «разговора на злободневные темы» в новом для российского информационного пространства формате — кураторских дебатах. На наш взгляд, это положительное явление, которое имеет большой потенциал использования и «офлайн», к примеру, в живых обсуждениях в образовательной и академической среде. Также можно отметить положительный результат экспериментального формата взаимодействия магистрантов в рамках учебного

курса. Предложенное групповое задание по осмыслению и выявлению актуальных тем музейного проектирования, совместная работа с таблицей и фокусировка на наиболее остро и емко прозвучавших аргументах позволили выявить тенденции и дискуссионные вопросы экспозиционного проектирования на современном этапе. Подобная актуализация проходит и в сфере коммуникации, где музейное сообщество обновляет представление о самом себе — появляются новые поколения специалистов, новые профессии, новые темы для дискуссий, что ведет к расширению и большей междисциплинарности как сферы музейного проектирования в частности, так и музея как института культуры в целом.

Список литературы

Кураторские дебаты. Три разговора об особенностях проектирования музейных экспозиций и выставок. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0UnfvXEIxVs> (Дата обращения: 31.03.2024).

Никонова А.А. А.Ф. Котс об антиномиях музейного пространства // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 13–19.

Савчук В.В. О предмете медиафилософии // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3 (4). С. 6–10.

Смирнов А.В. Партиципаторный музей как пространство репрезентации культурной травмы. *Studia Culturae*. 2019. Вып. 2 (40). С. 162–171.

DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London, Continuum, 2006 — 150 p. — ISBN 978-0826491695.

Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. — 1st ed. — N. Y.: Oxford University Press, 2005. — 301 p. — ISBN 978-0-19-925604-4.

References

DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London, Continuum, 2006. 150 p.

Kuratorskie debaty. Tri razgovora ob osobennostjeh proektirovanija muzejnyh jekspozicij i vystavok [Curatorial debate. Three conversations about the features of designing museum displays and exhibitions]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0UnfvXEIxVs> (Data obrashhenija: 31.03.2024).

Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. — 1st ed. — N. Y.: Oxford University Press, 2005. 328 p.

Nikonova A.A. A.F. Kots ob antinomijah muzejnogo prostranstva [A.F. Kots about contradictions of museum space], in *Voprosy muzeologii*. 2012. № 1 (5). P. 13–19. (in Rus.).

Savchuk V.V. O predmete mediafilosofii [On the Subject of Mediaphilosophy], in *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2011. № 3 (4). P. 6–10. (in Rus.).

Smirnov A.V. Participatornyj muzej kak prostranstvo reprezentacii kul'turnoj travmy [Participatory museum as], in *Studia Culturae*. 2019. Vyp. 2 (40). P. 162–171. (in Rus.).

Анализ кураторских онлайн-дебатов в виде учебной таблицы

КУРАТОРСКИЕ ДЕБАТЫ: ТРИ РАЗГОВОРА О ПРОЕКТИРОВАНИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ					
Дебаты	Участники	Особенности личности участника как куратора	Система доказательств участников	Проекты участников	Личная точка зрения о позициях участников
1	Александра Селиванова – историк архитектуры, куратор, руководитель Центра авангарда (с 2013) - http://avantgarde.center/ ; Куратор галереи «На Шаболовке» - https://shabovka.vzmosco.w.ru/ ; Старший научный сотрудник Музея Москвы. Кандидат архитектуры.	Из дебатов сложно понять особенности участницы как куратора, однако косвенно и по реализованным проектам можно предположить исходящее из профессии историка желание к систематизации, точности, фактологичности, фиксации, документальности и индивидуальности. Эти же черты просматриваются и в особенностях характера и личности участницы. В целом, отзывчива к вопросам и комментариям, оперирует конкретными музейными примерами.	<p>Позиция «Конструируем из известного»:</p> <ul style="list-style-type: none"> ❖ Понятие «известного» в позиции автора - это устоявшиеся истории и смыслы, которые сочетаются по-новому ❖ Тезис о том, что «конструируя из известного, мы все равно получаем новое» ❖ Музейное проектирование связано с аранжировкой, аналитикой и конструированием, которое <i>убирает субъектность проектировщика</i>, потому что «существо музея» уже является самостоятельным ❖ «Жесткие» формы показа музейных предметов, такие как иммерсивный театр, современное искусство и прочее, являются <i>насилем над зрителем</i> ❖ «Изобретение нового» уместно скорее в сфере искусства, но не в музее ❖ Пользуясь традиционными средствами показа, можно достичь нового результата ❖ Подход к созданию выставки как к научному исследованию 	<p>Нереализованная концепция экспозиции музея Булгакова;</p> <p>Проект музея Авангарда на Шаболовке: http://avantgarde.center/; https://shabovka.vzmosco.w.ru/.</p> <p><i>Экспозиция музея впервые была создана в 2017 году при Галерее на Шаболовке. Музей Авангарда посвящен становлению и истории окружного района и находится в Хавско-Шаболовский жилищное, который изначально проектировался и строился в основном для рабочих завода "Красный Пролетарий", а так же для рабочих других предприятий района.</i></p> <p><i>Экспонаты –</i></p>	<p>В данных дебатах позиция Александра довольно сдержанна и неярко выражена. Она сама называет ее «постмодернистской», имея в виду то, что создание нового подхода или высказывания принципиально невозможно. Александра выступает здесь апологетом традиционной приверженности научному исследованию и пониманию экспозиции как системы смыслов. При этом довольно интересной оказывается мысль о «насилем» над зрителем посредством современных подходов и технологий, что звучит довольно либерально и консервативно одновременно. Ее подход понятен, при этом что-то оригинального, «своего» в нем по большому счету нет. Более того, когда</p>

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьев В.Г.

[Рец. на кн.:] Балаш А.Н. Неформальная музеология: музей и музейные практики в современной культуре. СПб.: СПбГИК, 2022. 160 с. ISBN 978–5–94708–339–2

Ананьев, Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, vgananev@herzen.spb.ru.

Рецензия посвящена монографии А.Н. Балаш «Неформальная музеология: музей и музейные практики в современной культуре» (Санкт-Петербург, 2022). В монографии рассматриваются актуальные тренды современной зарубежной музеологии. Пять глав книги посвящены таким проблемам, как музеология и исследования новой материальности, агентность музейных коллекций, репрезентация и перформативность в музее, экологизация музея, аура и аутентичность музейного опыта. Автор рецензии подчеркивает высокий уровень рассматриваемой работы и ее важность для современной российской музеологии. В качестве дискуссионного вопроса автор рецензии выделяет вопрос о самом определении «неформальная музеология».

Ключевые слова: музеология, неформальная музеология, новая материальность, аутентичность, экологизация, агентность, музей.

[Review of:] Balash A.N. *Informal museology: Museum and museum practices in the contemporary culture*. Saint-Petersburg: SPbGIK Press, 2022. 160 p. ISBN 978–5–94708–339–2

Ananiev, Vitaly Gennadievitch — Doctor of Cultural Studies, Professor, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, vgananev@herzen.spb.ru.

The review is devoted to the monograph by Alexandra N. Balash “*Informal museology: Museum and museum practices in the contemporary culture*” (Saint-Petersburg, 2022, in Rus.). The monograph examines current trends in modern foreign museology. The five chapters of the book are devoted to such issues as museology and the study of new materiality, the agency of museum collections, representation and performativity in the museum, the ecologization of the museum, the aura and authenticity of the museum experience. The author of the review emphasizes the high academic level of the work under review and its importance for contemporary Russian museology. As a controversial issue, the author of the review highlights the question of the definition of “informal museology”.

Key words: museology, informal museology, new materiality, authenticity, ecologization, agency, museum.

Активное развитие музеологической мысли на рубеже XX–XXI в., отмеченное только яркой полифонией методологических установок, но и экспансией на территории

смежных областей знания, привело к резкому количественному росту литературы, посвященной рефлексии на темы музея и музейной деятельности. Это поставило на повестку дня в качестве актуальной научной задачи обобщение имеющихся теорий и подходов, их типологизацию и классификацию, что само по себе имеет значение как пропедевтическое, так и исследовательское. С одной стороны, такие обобщающие работы, картографирующие пространство актуальных музеологических исследований, важны для обеспечения исследовательской преемственности и самого учебного процесса в данной области. Они позволяют лучше ориентироваться в наличной историографии и делают доступными концепции, знакомство с которыми иначе могло бы быть весьма ограниченным. С другой стороны, само обобщение различных авторских подходов выводит авторов таких обобщений на метанаучный уровень и позволяет выявить общие тенденции или тренды в историографии, тем самым приблизив читателя к пониманию закономерностей развития научного знания на данном этапе в его интра- и экстранаучных измерениях.

В этом отношении, проблематика новой монографии известного петербургского музеолога доктора культурологии А.Н. Балаш отвечает актуальной исследовательской повестке в области музеологии, предлагая возможность русскоязычному читателю познакомиться с достаточно широким спектром зарубежных музеологических концепций последних полутора-двух десятилетий¹. При этом следует также отметить, что представленная работа ни в коем случае не носит реферативного характера, характеризуясь последовательно проводимой проблематизацией анализируемого материала как в контексте философии и теории культуры рубежа XX–XXI в., так и в его увязке с актуальными музейными практиками Санкт-Петербурга конца 2010-х — начала 2020-х гг. Развивая авторские наработки и интеллектуальные построения, представленные в предшествующих исследованиях, посвященных более общим проблемам бытования материальной культуры и искусства в современную эпоху трансформаций², новая монография А.Н. Балаш в центр внимания помещает то особое пространство хранения, конструирования и актуализации культурных кодов, каковым является музей.

Работа состоит из введения, пяти глав основной части, заключения, списка литературы и двух приложений, дополняющих изложенный материал отдельными историческими аллюзиями («Вальтер Бенъямин о коллекционировании») и конкретизирующих общие положения работы локальной проблематикой музейно-выставочного пространства Санкт-Петербурга («Новое мемориальное пространство музейных практик Санкт-Петербурга»). Самостоятельной и интересной частью исследования являются снимки из авторского «фотоархива», сопровождающие каждую из глав и иллюстрирующие на конкретных примерах петербургских музейных проектов раскрываемые в данной главе теоретические установки.

Выявляя основные смысловые узлы современной музеологии, А.Н. Балаш последовательно обращается к рассмотрению таких вопросов, как: отражение в музеологической проблематике положений новой материальности (С. 26–41), феномен агентности (субъектности) музейных коллекций (С. 42–57), взаимодействие репрезентации и перформативности в музейном пространстве (С. 58–73), экологизация музея как общая проблема и актуальная повестка деятельности музея настоящего/будущего (С. 74–91), а также

¹ Балаш А.Н. Неформальная музеология: Музей и музейные практики в современной культуре. СПб., 2022. 160 с.

² См., напр.: Балаш А.Н. Подлинность произведения искусства в культуре XX–XXI веков. СПб., 2017. 124 с.

соположенность классического концепта ауры и современной установки на аутентичность в их влиянии на опыт, получаемый в музее (С. 92–110). Каждая из заявленных тем раскрывается автором на примере нескольких ключевых текстов современной зарубежной музеологии с привлечением достаточно широкого круга контекстуальной литературы из области современной философии, теории культуры и художественной критики. Текст написан с соблюдением требованием современного академического письма, удачно сочетая индивидуально-авторский и обобщенно-корпоративный подходы. Как уже отмечалось выше, интересным и полезным авторским ходом оказываются фотографии, дополняющие каждую из глав и связывающие рассмотренные в ней концепции с актуальной ситуацией музейно-выставочного пространства Санкт-Петербурга.

Нет никаких сомнений в том, что рассматриваемая монография А.Н. Балаш содержит новый и оригинальный для отечественного читателя материал, может быть полезна как для практиков музейного дела, так и для специалистов в области теоретической музеологии и теории/философии культуры, а также, что представляется особенно важным, для использования в учебном процессе при реализации соответствующих программ бакалавриата и магистратуры. В учебные планы последних все активнее внедряются курсы, призванные отразить современное положение музейного дела, освоение которых без учета зарубежного практического и теоретического опыта просто невозможно.

При общей более чем высокой оценке монографии целесообразным представляется высказать несколько замечаний, которые, возможно, могли бы стимулировать более рефлексивное чтение авторского текста, сразу же вводя его в пространство научной дискуссии и историографического измерения. Не вполне ясным кажется само название предлагаемой работы. Почему автором избранные для рассмотрения концепции объединяются в категорию «неформальная музеология»? Что такое тогда формальная музеология и в чем между ними разница? Каковы могут быть критерии неформальности научных парадигм? Сам автор во «Введении» отмечает, что это словосочетание (едва ли ставшее уже термином или концептом) имеет определенную традицию использования в новейшей литературе и, отсылая к этой традиции, констатирует, что в работе «оно используется по отношению к широкому междисциплинарному интеллектуальному полю, во многом неравномерному, прерывистому, экспериментальному и подчас маргинальному, которое формируется в период трансформации музея, возможно, не только как социального института, но также как культурной формы» (С. 22). Представляется, что все приведенные характеристики (неравномерный, прерывистый, экспериментальный или подчас маргинальный) едва ли могут использоваться как различительные признаки просто потому, что практически не предполагают собственных противоположностей, реально признаваемых носителями последних. Едва ли кто-то признает, что является носителем монотонного, монолитно-целостного, враждебного экспериментам интеллектуального модуса. Кажется, что заявленная в определении неформальность в некоторой степени является интеллектуальным «автопортретом» части рассматриваемых практик, иногда несколько близким опасностям нарциссизма.

Не менее расплывчатым кажется и второй используемый автором термин — «экспериментальная музеология» (С. 7). Любая музеологическая теория так или иначе связана с практикой, т.е. с пространством, которое вполне может быть определено как экспериментальное. Стоит ли вводить новые понятия в и без того, как следует из текста книги, насыщенное концептуальное пространство музеологии? Если они имеют эвристический потенциал, следует оговорить его особо, если же нет, без них можно обойтись.

Возможно, имело бы смысл во «Введении» особо оговорить и то, почему для рассмотрения оказались выбраны именно те концепции, которые и раскрываются в основной части книги, и покрывают ли они все проблемное поле современной музеологии, или же характеризуют какой-либо его сегмент. Дополнительное обоснование структуры в начале работы способствовало бы лучшему пониманию читателем логики дальнейшего изложения.

Суммируя сказанное выше, следует отметить, что монография А.Н. Балаш «Неформальная музеология: Музей и музейные практики в современной культуре» является интересным научным исследованием, актуальным для современного состояния проблемного поля отечественной музеологии. Книга определенно будет полезна широкому кругу специалистов и учащихся соответствующих образовательных программ, проведенное автором исследование актуальных трендов музеологии характеризуется высокой степенью эвристичности и, безусловно, станет важным событием в интеллектуальном пространстве российской музеологии.

Список литературы

Балаш А.Н. Неформальная музеология: Музей и музейные практики в современной культуре. СПб.: СПбГИК, 2022. 160 с.

Балаш А.Н. Подлинность произведения искусства в культуре XX–XXI веков. СПб.: СПбГИК, 2017. 124 с.

References

Balash, A.N. *Neformal'naja muzeologija: Muzej i muzejnye praktiki v sovremennoj kul'ture* [Informal museology: Museum and museum practices in the contemporary culture]. Saint-Petersburg: SPbGIK Press, 2022. 160 p. (in Rus.).

Balash, A.N. *Podlinnost' proizvedenija iskusstva v kul'ture XX–XXI vekov* [Authenticity of an artwork in the culture of 20th–21st centuries]. Saint-Petersburg: SPbGIK Press, 2017. 124 p. (in Rus.).